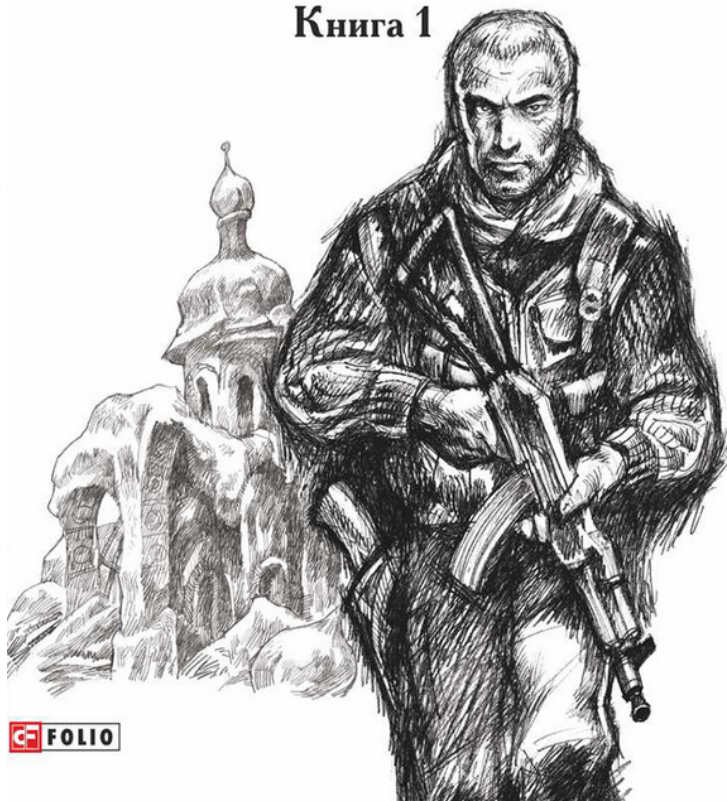

Ян ВАЛЕТОВ

НИЧЬЯ ЗЕМЛЯ

Книга 1

Ян Михайлович Валетов

Ничья земля. Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23941017

Ничья Земля. Книга 1: Фолио; Харьков; 2017

ISBN 978-966-03-7654-0, 978-966-03-7655-7

Аннотация

На севере Российская империя, ведомая железной десницей Императора всея Руси Александра Александровича Крутова.

На востоке – Восточная Республика под руководством Совета Олигархов.

На западе – Конфедерация, во главе которой гетман Стецкив.

А между ними... Место, где невозможно жить, но все еще можно надеяться. Пристанище для сброда, изгоев и героев.

Ничья Земля.

Роман-предупреждение, от которого в 2007 году отказались все украинские издатели, наконец-то возвращается домой.

Первая часть книги «Ничья земля».

Содержание

Ничья Земля	5
Глава 1	5
Глава 2	68
Глава 3	117
Глава 4	165
Глава 5	207
Конец ознакомительного фрагмента.	209

Ян Валетов

Ничья Земля

Книга 1

© Я. М. Валетов, 2007, 2017

© В. В. Малиновский, макет обложки, 2017

© Л. П. Вировец, художественное оформление, 2017

Ничья Земля

Делай, что должен, свершится, что суждено.
Марк Аврелий

*Выбрав из двух зол меньшее, не забывай, что ты
выбрал зло.*
Абу Шломо

*Жук ел траву, жука клевала птица,
Хорек пил мозг из птичьей головы,
И страхом перекошенные лица
Ночных существ
Смотрели из травы.*
Николай Заболоцкий

Глава 1

К запаху пожухшей травы отчетливо примешивался запах солярки. Осенний, уже слегка подмороженный утренними холодами лес давал ему возможность отделить один запах от другого. Летом это было бы невозможно.

На несколько мгновений Михаил замер и сделал знак Молчуну – не двигаться. Малец, даром что действительно малец – только пятнадцать исполнилось, отреагировал как положено. Его уже поднятая для следующего шага нога за-

висла в воздухе и медленно, осторожно опустилась на плотный, коричнево-желтый ковер из палых, мокрых листьев – ни шороха, ни хруста.

Да, точно солярка... С дуновением ветерка, пробежавшего промеж осин, Михаил уловил и третий резкий запах – запах смерти. Пахло горелым. Нехорошо пахло. Еще несколько секунд он раздумывал – идти ли вперед, к прогалине, уже видимой впереди, или все-таки свернуть, обойти опасное место, но почти сразу решил идти. Больно уж не хотелось спускаться в овраг, раскинувшийся слева. Глубокий, кстати, овраг, заболоченный и явно с сюрпризами. А справа эту опушку не обойдешь никак.

Он прислушался.

Только ветер. Даже галки не кричат.

По прямой до точки randеву километра четыре. От силы – четыре с половиной. Можно, конечно, свериться по GPS, но он не хотел окончательно посадить батарейки. В запасе оставался только один комплект, а дорогу он, в общем-то, знал как свои пять пальцев.

Молчун замер рядом, как охотничий пес в стойке. Настоященный, взъерошенный, готовый броситься вперед по команде. Хороший парень. Правильный. Со всеми шансами выжить. Если Бог поможет, конечно. Пока помогал, а дальше – видно будет.

Михаил привычным движением поправил лямки рюкзака, снял автомат с плеча и жестом обозначил направление

движения. Бегом они пересекли лощину, взбежали на пригорок и залегли в редком орешнике, огораживающем опушку, словно палисад.

Нюх или, вернее сказать, чутье его не подвели.

Вчера вечером здесь было жарко.

Одна БМП стояла, задрав к небу тупую морду, опираясь на корму – передние колеса зависли в воздухе. Вторая почти успела доехать до леса – метров двадцать не хватило, переваляла через небольшой пригорок и схлопотала ракету в двигательный отсек. По желтой траве разбегались чернильными пятнами черные следы сгоревшей дизельки.

Со своей точки Михаил видел отчетливо четыре тела.

Первый покойник лежал совсем недалеко – метров тридцать – тридцать пять, показывая им стоптанные подошвы армейских полусапог. Рядом с ним валялся автомат – приклад виднелся возле локтя лежащего. Он и после смерти не выпустил ремень АК.

«Значит, кончала их не пехота, – подумал Михаил. – Иначе бы снаряжение собрали. Конфедератам оно и так нужно позарез, а у ооновцев приказ такой есть – ничего на поле боя не оставлять, дабы не вооружать конфедератов и незаконные формирования в „ничейке“. Вертолеты?»

Он достал бинокль и через несколько секунд убедился, что был прав в своих предположениях. Следы, похожие на змеиные, были видны и без бинокля – если знать, что и где искать.

Две тяжелые бронированные машины, свернув с дороги, мчались, виляя, через поле, пытаясь достичь леса, на ходу отстреливаясь от атакующих с минимальной высоты вертолетов. Но не успели.

Он явственно представил себе момент атаки – шум дизелей, свист турбин, монотонное чавканье винтов «чопперов», автоматную трескотню и сливающийся в сплошной надсадный грохот рев навесных вертолетных «шестистволок». Потом воздух разорвали ракеты.

Разбегающихся весело расстреливали из станковых пулеметов через проемы дверей. Повисели, разгоняя винтами холодный воздух и водяную пыль, над чадающими жирным черным дымом машинами для верности минут пять и ушли к реке – довольные проведенной операцией. Пить пиво, трахать боевых подруг и наслаждаться жизнью. Обычная боевая операция на «ничейной» полосе. В «буферной зоне». В «карантине». В «полосе отчуждения». Кто как называл. И с какой целью называл.

Конфедераты любили нейтрально-стыдливое – «карантин». Ооновцы без стеснения называли эту почти стокилометровую в ширину и семисоткилометровую в длину полосу, протянувшуюся от Киева до Одессы, «буферной зоной». Россияне – «нейтралкой», «зелёнкой» или «ничейной землей».

Это первый год после Потопа журналисты придумывали красивые названия – «зона смерти», «адская кухня» и еще

чего покруче. А потом...

К любой новости привыкают. Привыкли и к этой. Хотя, как можно привыкнуть к тому, что на месте городов и сел теперь могильник, Михаил слабо себе представлял.

Никто не знал, сколько людей погибло во время Потопа. В любом случае – пятнадцать миллионов, как объявила ООН, или семнадцать миллионов человек, как говорили некоторые специалисты, – цифра была одинаково страшной. Одно время число погибших пытались подсчитать, но из этого ничего не получилось. А когда начались основные события – стало просто не до того.

«Зона совместного влияния» – выдумали же названьице! Когда на второй месяц после событий прекратили прием беженцев и начали городить «колючку» и пропускные пункты на востоке, никто не мог сообразить, что, собственно говоря, произошло. Коммуникации не работали – связь, телевидение и радио никто и не налаживал. У военных была своя, а всем остальным, если честно, было не до связи. Жара стояла страшная, трупы животных и людей гнили буквально повсюду. Ядерное заражение от шести блоков Запорожской АЭС, химическое заражение от химкомбинатов и металлургических заводов, вспышки инфекций, вплоть до чумы и холеры, – забот, мягко говоря, хватало. А тут – конфедераты, с ихдохлым тезисом, что сам Господь поделил Украину на Левобережную и Правобережную, Львовский путч оуновцев, Полонянский кризис...

Вдоль нефте- и газопроводов стали стеной российские войска – какое уж тут международное сообщество и его бесполезное мнение, когда речь идет о собственных интересах? Да и мировое сообщество не сильно сопротивлялось, разве что особо оголтелые правозащитные организации – российские ресурсы шли в Европу, а своя рубашка все же ближе к телу, чем чья-то «вышиванка». Тем более что восточные области заявили о создании независимой республики и мгновенно присоединились к России, войдя в состав Федерации как единый член.

– Лихое было времечко, нечего сказать. – Михаил невесело усмехнулся в усы. Он до сих пор помнил те страшные дни безвластия и безвременья. Безвременье кончилось, а вот безвластье...

Безвластье оставалось и поныне, правя бал на просторах Зоны совместного влияния, на двенадцатый год после Потопа. Все привыкли. Никому не было дела до того, что творится в «карантине» – лишь бы не дул оттуда ветер и не шли дожди, приносящие радиоактивную воду или кислоту. И не лезли через «колючку» и минные заграждения аборигены – покрытые язвами, заразные и опасные. Потом потихоньку сюда, в «карантин», начали сливать свои человеческие «отбросы», что с востока, что с запада – больно уж удобно было избавляться от недовольных и преступников таким дешевым и доступным способом – и «карантин» стал тем, чем был сейчас. Ничьей Землей, где действовал один закон – закон

силы. И цель у живущих здесь была одна – выжить.

У тех, кого сейчас в бинокль рассматривал Михаил Сергеев, выжить не получилось. Сложно выжить на открытой местности, когда в атаку на тебя заходят бронированные туши боевых вертолетов. Такие операции называют зачисткой Зоны совместного влияния от незаконных бандитских формирований. Как будто бы бандитские формирования бывают законными, ей-богу! На деле же «чистили» все, что попало под руку. Рисковать никому не хотелось, да и развлечение при нудной охранной службе какое-никакое. Безнаказанность развращает, что ни говори. Рубежи, особенно последние два года, охранялись из рук вон плохо, несмотря на изобилие электронных систем. Сергеев, который минимум раз в два месяца переходил нелегально то восточную, то западную границу, знал это наверняка. Зато стрелять по движущимся мишеням местный контингент научился здорово.

Кто «порезвился» здесь вчера, можно было только догадываться. БМП были без опознавательных знаков. Расстрелять их могли и ооновцы, и россияне, и конфедераты. Потенциально он мог назвать еще как минимум десяток вероятных виновников вчерашних событий, но для начала им надо было где-то раздобыть вертолеты.

Михаил был далек от того, чтобы жалеть погибших – на невинных овечек они не смахивали. Скорее всего, ребята были из банды атамана Супруна – гулял здесь такой уже года три, и весело гулял, надо сказать, с размахом и молодец-

кой удалю. Лил кровушку, жировал на военных складах, вешал мародеров и философствовал, что твой батька Махно. Не далее как пару недель назад именно его ребята обложили Сергеева и Молчуна в Кременчуге, плотно так обложили, умеючи. Но не знали на кого нарвались. Там и полегли, все пятеро – они, кажется, называют такую пятерку в свободном поиске – «гуртом». А пятый, как оказалось, сам «пан гуртовой», долго рассказывал все, что знал и не знал, с ужасом глядя в спокойное лицо Молчуна, сидевшего перед ним на корточках. Не зря боялся. У Молчуна к ним особый счет. Какой – Молчун не говорил. Он вообще ничего не говорил. Слышать – слышал, и неплохо слышал, как летучая мышь. А говорить – не говорил. Никогда.

Сначала Михаил думал, что парень просто не хочет этого делать. Были такие секты на Севере – там давали обеты молчания, а нарушившим обет для острастки отрезали языки. Но язык у Молчуна был на месте, на фанатика, выращенного истинной церковью или Капищем, он не походил, а вот говорить отказывался.

За прошедшие полгода Сергеев привык к парню, как к родному, привязался к нему и надеялся, что Молчун платит ему тем же. Тем более что платить было за что – не подоспей тогда вовремя Сергеев, и следа бы не осталось от мальчишки. Трясина была серьезная – что из того, что с виду – просто большая лужа на окраине Борисполя.

Молчуна загнала туда стая бродячих собак. Они стали на-

стоящим бедствием для путников, путешествующих в одиночку или небольшими компаниями. Людей они не боялись совсем, а свирепостью и кровожадностью не уступали волкам. Только вот умом, хитростью и численностью их многократно превосходили.

Проходя мимо разрушенной церкви с единственным уцелевшим куполом, торчавшим над полуразваленными стенами гнилой луковицей, Сергеев слышал выстрелы – стреляли экономно, короткими очередями и одиночными. Потом стрелявший дал очередь длинную, на полрожка, и замолк. Опыт – сын ошибок трудных – говорил Сергееву о том, что соваться туда, где стреляют, не следует. Но опыт опытом, а ноги сами понесли Михаила по тропке между двумя обветшалыми складами, оцетинившимися ржавой гнутой арматурой, – там, где стреляли, находился человек. И, скорее всего, этот человек был в беде.

Потом он слышал собачий визг, даже не визг – скулеж и многоголосое рычание. Впереди была стая, и, если судить по звукам, немалая. Благоразумнее было бы остановиться, не лезть в неизвестность, через разросшиеся в два человеческих роста заросли амброзии и пыльного лопуха. Стая – это стая. Коллективный разум – кровожадный, безжалостный, хорошо организованный. Собачий спецназ в мундирах из свалявшейся шерсти. Автомат против них – не лучший вариант защиты. На такие случаи у Сергеева был припасен обрез охотничьего ружья – выдавшей виды тульской «верти-

калки», снаряженный картечью. Страшное оружие ближнего боя, которое Сергеев таскал в самодельной кобуре на левом боку уже три с лишним года после того, как его едва не загрызли такие вот «спецназовцы» в брошенном селе, на подходе к «колючке». На память об этом остался шрам от рваной раны на ноге и длинный белесый шрам на предплечье, там, где клыки вожака, одичавшего ротвейлера, вспороли кожу. И страх тоже остался.

То, что он увидел на прогалине, за которой открывалась бывшая проселочная дорога, теперь напоминавшая замусоренное русло полупересохшей реки, заросшее по обочинам сочной и крепкой камышовой порослью, неожиданностью не было.

Стая, голов в двадцать, доедала собственных раненых. Тот, кто отстреливался, а Сергеев его пока не видел, стрелять умел. Собаки, рыча и огрызаясь друг на друга, рвали на части огромного все еще живого дога – настоящего богатыря серо-стального цвета. Дог пытался приподняться, но, раненый и истерзанный клыками бывших сотоварищей, падал. Неуклюже падал, на бок, как загнанная лошадь, давя стокилограммовой тушей мелких шавок, висевших на нем гроздьями, и тут же опять пытался подняться, с упорством заводной механической игрушки. Но в его плечо вгрызся похожий на медведя кавказец, напиравший грудью и мотавший в иступлении большой круглой головой, а брюхо рвали несколько особей среднего размера. Дог выл, протяжно и жалобно,

со смертной тоской, – в горле его, пока еще нетронутым клыками, хлопотала кровь.

Судя по кровавым ошметкам, разбросанным там и тут, дог был не первой жертвой. Прямо на Сергеева, волоча за собой перебитые ноги, по глинистой рыжеватой земле полз грязный до неузнаваемости спаниель, бывший домашний любимец. Глаза его были выпучены от страха – он не то чтобы догадывался, он точно знал, что ожидает его в ближайшие несколько минут. Шансов у него не было.

Сергеев осмотрелся, но стрелявшего не увидел, значит, скорее всего, он успел бежать или забрался куда-нибудь, в относительно безопасное место. Вон, метрах в тридцати-сорока, огромный полусухой каштан – чем не убежище, если успеть добежать. Справа от Михаила возвышался наполовину вросший в грунт, проржавевший до дыр, кузов микроавтобуса, похожий на металлический скелет, который тоже мог сойти за место спасения, но в нем явно было пусто. И только сместившись ближе к разрушенной стене, окончательно потерявшей первоначальный кирпичный цвет под густыми наростами мягкого ползучего мха и пятен склизкой плесени, Сергеев заметил посреди дороги блестящую плешь лужи, обложенную похожими на наваленные в беспорядке ржаные сухари пластами сухой грязи, и какое-то шевеление в ней. Он даже не понял вначале, что за существо копошится в вязкой, как нефть, жиже и, скорее, догадался, что это не собака, а человек, погруженный в трясину по самую макушку. Челю-

век, угодивший в коварную ловушку, так называемую бульку, рядом с которым любое болото казалось безобидным.

«Булькой» окрестили промоины в грунте, заполненные жидкой, сметанной консистенции, грязью, покрытые сверху подсохшей коркой – ненадежной и коварной, лопающейся внезапно, без предварительного потрескивания. Обычно промоины были глубокими – под ними медленно текли ледяные потоки подземных рек, бесстрастно принимавшие в себя тела угодивших в грязевой мешок людей или животных. День или два – тело жертвы медленно погружалось в земляную пасту, чтобы выпасть падалью в глубинный поток, – а уж там было кому полакомиться подражившейся плотью. Таких ловушек становилось все больше и больше. Если раньше они встречались лишь в поймах рек и там, где во время Потопа воды прокладывали себе путь в глубину, то в последние годы в «бульку» можно было угодить и в безопасных прежде местах.

Башковитый, почесывая покрытую шелушащимися шрамами лучевых ожогов голову, разводил руками и плел что-то про просадку грунтов, жидкий мел в районах русел и перераспределение водяных горизонтов. Но его никто не слушал. В прошлой жизни Башковитый был профессором геологии, а ныне прихлебателем, мелким воришкой и наркоманом. И калекой к тому же – он был одним из тех, кто вышел из зоны радиоактивного заражения, после взрыва Запорожской АЭС, а таких было немного, очень немного. Но его уни-

кальная способность выживать, а Сергеев был уверен, что это дается человеку на генетическом уровне, авторитета профессору не добавляла. Никто не слушал покрытого язвами и чирьями полоумного старика, вечно болтающего черт знает что под кайфом. А старику было чуть за пятьдесят – сам Сергеев через пару лет готовился разменять шестой десяток и старым себя не считал. Скорее всего, дело было в том, что никого не интересовало научное объяснение природы «булек». Это никак не могло помочь выжить тому, кто в них попадал.

И тому существу, которое на глазах у Сергеева исчезало в глянцево поблескивающей жиже, было в высшей степени наплевать, что оно проваливается в верхнюю открытую полость карстовой пещеры, наполненной глиняно-меловой суспензией. И самому Михаилу тоже было на это наплевать. Тем более что времени на размышления почти не осталось. Минута, может быть – полторы, не больше. Он решительно расстегнул замок станкового рюкзака и осторожно опустил его на землю, привычно выскользнув из лямок. Все. Поехали.

Сергеев перехватил автомат левой рукой, взял в правую тяжелый огрызок обреза и быстрым шагом вышел из зарослей лопуха, перепрыгнув через ополоумевшего от боли спаниеля.

Десять метров, три секунды до того, как собаки среагируют на опасность. Уложиться надо в две, чтобы не дать им

разбежаться.

Не замедляя шага, он поднял обрез и выстрелил в копошащийся косматый клубок с одного ствола. Патрон был снаряжен тяжелой омедненной картечью и накрыл собак смертоносным потоком, убив наповал трех и ранив всех остальных, включая кавказца. Одна картечина, угодив прямо в глаз догу, прервала его мучения, и Сергеев успел подумать, что бедной животине повезло, как никогда не везло в последние годы жизни.

Но раненый кавказец показал, что он настоящий вожак. Михаил никогда не видел, чтобы сотня килограммов живого веса, мышцы, кости, шерсть – ни грамма лишнего жира, взлетала в воздух, разворачиваясь на 180 градусов с грацией падающей кошки. Мгновение – и взгляд Сергеева встретился с взглядом прыгающего пса. Глаза у кавказца были, как у вампира из фильма ужасов, черные, гладкие, как испанские маслины, окруженные красным вислым беспорядком набрякших век. Он не рычал и не лаял, он летел убивать – из распахнутой, залитой кровью растерзанного дога пасти торчали алые клыки.

Уворачиваясь от огромной туши, Сергеев сделал неуклюжее па и с полуоборота, почти в упор, разрядил второй ствол обреза в мохнатый серо-черный бок, усеянный десятками запутавшихся в шерсти репейников. Выстрел почти разорвал кавказца напополам, наполнив воздух омерзительно пахнущей взвесью крови и содержимого собачьего желудка, но у

Михаила не было времени праздновать победу. Оставшиеся в живых псы не бросились наутек после смерти вожака, а ринулись в атаку со смертоносной решительностью камикадзе.

Двух рослых дворняг Сергеев скосил одной короткой очередью, но на этом успехи кончились. Небольшая беспородная шавка, похожая на болонку-переростка, с разбегу ударила его сзади под колени, и он, теряя равновесие, упал, перехватывая автомат второй рукой. Падать пришлось спиной вперед, и Сергеев мысленно взмолился, чтобы на земле не оказалось торчащего куска арматуры или еще чего похуже. Но руки он все-таки оставил свободными, чтобы не дать следующему «другу человека» достать до горла. Он с силой выбросил автомат вперед, навстречу летящему псу. Удар пришелся по оскаленной морде – хрустнули зубы, и противник кеглей улетел в сторону – оглушенный и обезоруженный.

Сергеев попытался встать, шипя от боли в ушибленной спине, и, к собственному удивлению, это ему удалось. Он выстрелил в шарахнувшуюся от него с поджатым хвостом рыжую суку, но промазал и резко развернулся вокруг своей оси, разыскивая взглядом следующую цель. На него, стуча мощными короткими лапами по подсохшей глине, как призовой скакун, несясь разъяренный скотчтерьер – черный кудлатый бесстрашный шар. За ним пристроился сбивший его с ног пес. Последние в стае. Испуганная рыжая сука улепетывала прочь, приседая на задние ноги, – ее можно было списать со счетов.

Сергеев чуть присел, выставляя ствол впереди себя, и, когда терьер прыгнул, метя в грудь, спустил курок. Пуля ударила собаку в голову, остановив ее на лету. Он поймал на мушку болонкоподобного пса и снова выстрелил два раза подряд.

На все про все ушло не более минуты. Сергеев бросил взгляд на поверхность «бульки» и, кинувшись к своему рюкзаку, к карману которого был приторочен моток альпинистского троса, понял, что минута эта может оказаться роковой. На гладкой глине можно было с трудом угадать легкое шевеление, скорее всего последние попытки умирающего набрать глоток воздуха. Двигаясь со всей возможной прытью, он закрепил конец троса вокруг стойки разбитого микроавтобуса и бросился обратно к «булке», на бегу разматывая веревку. Только бы хватило длины троса! Михаил успел сделать петлю вокруг пояса и, швырнув автомат на край лужи, прыгнул, распластавшись, по направлению к неприметным бугоркам, стараясь заскользить по плотной грязи, не особенно в нее погружаясь.

Он почти долетел до цели, шлепнулся животом в пахнущую гнилостной прелью жижу, проехался по ней, чувствуя, как влага проникает под одежду, противно прилипающую к коже, и принялся двумя руками разгребать взвесь на том месте, где несколько секунд назад видел шевеление.

Человек не успел уйти вглубь — почти сразу Сергеев наткнулся на залепленные грязью волосы и, не церемонясь, вцепился в них мертвой хваткой, стараясь вытащить голо-

ву тонущего на поверхность. Слипшиеся пряди земляными червями заскользили между пальцами. Он с усилием погрузил вниз вторую руку, задирая изо всех сил подбородок, чтобы не хлебнуть жижи, нащупал воротник и рывком приподнял лицо человека над грязью, начав погружаться сам. От усилия заболела спина и ушибленный только что копчик. Радовало одно – человек захлебнулся не до конца. Из забитых ноздрей вылетели похожие на колбаски пробки, открылся рот – красный провал на сплошной глиняной маске.

– Не ори и не дергайся, – сказал Сергеев задыхаясь, – как командую, будешь пытаться всплыть. Понял?

Человек ничего не говорил, только разевал рот, словно в крике, и отплевывался земляными сгустками.

Не выпуская воротник из рук, Сергеев попробовал перевернуться. Грязь чавкнула, но отпустила. Тогда он, быстро перебирая ногами, развернул корпус на 180 градусов и замер. Теперь надо было выбрать слабинку троса и начать движение к краю «бульки».

– Попробуй высвободить одну руку, – сказал Михаил, чувствуя, как тело человека опять начинает уходить вглубь. – Аккуратно подними одно плечо и попытайся просунуть кисть наверх, поближе к туловищу.

Человек закопошился, пытаясь выполнить команду.

– Только ногами не дергай. Засосет еще больше. Аккуратно.

Михаил несколькими сильными рывками за воротник по-

пытался помочь тонущему выбраться, и, погрузившись от этого в грязь на несколько сантиметров, опять повернулся, не давая «бульке» себя притопить.

С третьей попытки на поверхности появилась кисть руки, за которую Сергеев ухватился, как утопающий за соломинку, и тут же обалдел, хотя было не до того – кисть была не мужская. Или женская или детская – слишком хрупкими были пальцы. Потом разберемся!

– За шею, за шею хватай, – сказал Сергеев.

Тонущий так рьяно выполнил просьбу, что у Михаила перехватило дыхание.

– Да не так же! – прохрипел он. – На горло не дави!

Хватка ослабла. Теперь надо было начинать движение к берегу. Сергеев потянул за трос, но с места не сдвинулся, зато его зад затонул в грязи, как торпедированный линкор. Тот или та, кого Сергеев решил спасти, сидел в ловушке крепко – впору было вспоминать сказку про репку. Вот только сказочных персонажей не было видно в округе, и, наверное, слава богу, что не было. Разные бывают нынче персонажи. И сказки тоже бывают разные.

Чувствуя себя червяком-переростком, Сергеев, почти встав на «мостик», выиграл у трясины несколько сантиметров, но в сравнении с оставшимися до твердой земли двумя метрами достижение не впечатляло. Веревка, соединявшая его с остовом микроавтобуса, натянулась, как струна. В спину стреляло до потемнения в глазах, но Михаил, понимая,

что, ослабив напор, потеряет свой эфемерный выигрыш, тянул так, что щелкали суставы.

От грязи тошнотворно пахло задохнувшимся творогом и тлением, и от этого сбивалось и без того неровное дыхание. День был, мягко говоря, не жаркий – конец апреля не баловал особо высокой температурой, а по ночам на почве хозяйничали заморозки, но Сергеев чувствовал, что взмок, как мышь, под плотной коркой, покрывшей тело. Со лба пот лился сплошным потоком, попадая в глаза. Канат резал ладони, а вырваться из смертоносных объятий «бульки» не удавалось.

– Помоги! – прохрипел он, не узнавая собственного голоса. – Двигайся, как змея! Как будто ты ползешь! Ну же! Давай!

Он понял, что уже борется за обе жизни, а не за чужую. А если быть до конца честным – то больше за собственную.

И в этот момент трясина чуть поддалась. Грязь зачавкала, Сергеев судорожно перебирал руками, подтягивая их обоих с одной мыслью – не останавливаться! Не останавливаться, выскочить на край до того момента, как они начнут погружаться снова и «булька» сомкнет челюсти. Он смотрел на трос, связывающий их со стойкой того, что когда-то, в прошлой жизни, было микроавтобусом, натянутый, словно тетива лука. Смотрел на узел, обвивший стойку, на узел, затянутый им в спешке. Смотрел с ужасом, потому что видел, как начал укорачиваться свободный конец троса. Потому что по-

нимал, как мало времени осталось до того момента, как конец веревки, скользя вон внутрь хитросплетений узла, вырвется на свободу с другой стороны, и она красно-белой змеей упадет на поросшую клочковатой, пыльной травой землю. И это будет конец. Даже если до твердой земли останется полметра – их не преодолеть никогда.

Быстрее. Еще быстрее. Он тянул так, что слышал, как рвутся мышечные волокна в перенапряженных руках. «Булька» не отпускала, стараясь схватить за ноги, придержать за талию, обсосать своим слюнявым коричневым ртом, проглотить. Только бы успеть! Свободный конец каната скрылся в узле. Сергеев рванулся вперед, на изломанный край провала, сухие пласты захрустели под ними, как снежный наст под тяжестью саней. С низким, тихим звуком, похожим на звук басовой гитарной струны, узел развязался, и веревка хлестнула по земле. Но было уже поздно.

«Булька» осталась ни с чем. Сергеев со спасенным незнакомцем на спине полз по твердой почве, беззвучно крича и срывая ногти о землю. Он рухнул без сил и почти без сознания только тогда, когда между ним и ловушкой было почти два метра. Но, даже падая, нашел глазами место, где бросил автомат. Это был рефлекс. Одна опасность отступила. Но это не значило, что где-то рядом не ждет своего часа другая. Еще более страшная и неотвратимая.

Тогда они долго лежали возле лужи на окраине еще недав-

но многолюдного города Борисполя, среди зарослей сорняка и жалких развалин, под низким, облачным небом. Таким же, как сейчас. Тяжелым, мутным, выкрашенным садящимся за облачной пеленой солнцем в цвет созревших нарывов.

Тогда вокруг них были трупы собак, а сегодня – в нескольких десятках метров лежали трупы людей. Но и в тот день, и сейчас вокруг пахло смертью. Как ни кощунственно это звучит – привычно пахло смертью. Это был аромат времени. Самый стойкий запах в коллекции запахов последних лет.

В первые месяцы после Потопа запах разложения был так силен, что, казалось, весь мир состоит из гниющей плоти животных и людей. Похоронные команды – вначале были и такие – заливали рвы с телами раствором хлорки, но и эта резкая химическая вонь не могла заглушить сладкий запах тлена.

Сергеев потряс головой, стараясь отогнать воспоминания, и посмотрел на Молчуна искоса. Молчун великодушно сделал вид, что не заметил затянувшейся паузы.

«Он считает меня стариком, – подумал Михаил. – В его глазах я стар, как Моисей. Как Великая Китайская стена. Что я сам думал в свои пятнадцать о людях, которым скоро пятьдесят? Я думал, что так долго не живут».

Он опять поднес бинокль к глазам и тщательно осмотрел окрестности еще раз, уделив особое внимание дальнему лесу – вдоль него проходила дорога, с которой свернули бронемашины. Если опасность где-то и притаилась, то лучшего

места для засады в округе не было. Сергеев перевел взгляд на сгоревшие машины и подумал, что есть-таки в жизни счастье. Патроны, батарейки, оружие, консервы и, не исключено, спиртное лежало рядом. Иди и бери. И никто не разграбил место боя, ни одного следа человеческого присутствия – присутствия живых людей. С мертвыми, наоборот, обстояло благополучно. Они присутствовали в изобилии и уже никуда не спешили.

– Спускаемся к машинам, – сказал Сергеев негромко, – я – первым, ты – вторым. Сначала – дальняя БМП. Ты не входишь. Прикроешь меня и общешься тех двоих, которые слева. Патроны, спички, зажигалки, батарейки – все, что найдешь. И бумаги посмотри, если есть бумаги. Ботинки тоже... Тебе нужны ботинки.

Он посмотрел через плечо на свои ноги, обутые в десантные полусапоги не первой свежести, прикинул, когда они упадут к схрону, который уже привык считать домом, и добавил:

– И мне нужны ботинки.

Молчун кивнул и начал отстегивать пряжку рюкзака.

– Не снимай, – попросил Сергеев. – Не надо.

Рюкзак, конечно, был обузой, но содержал в себе множество полезных вещей. Оставлять его здесь, на пригорке, было неразумно – кто знает, что случится через десять минут? Не всегда можно вернуться той же дорогой.

Молчун поправил лямки и вопросительно посмотрел на

Михаила.

– Давай, – скомандовал Сергеев, – только осторожно.

И они побежали к машинам.

Все-таки за этот год Молчун многому научился. Он и был неплох, когда они встретились, но это были только инстинкты и опыт. Несомненно, важные – Сергеев был далек от того, чтобы превозносить теорию. В свое время покойный Мангуст, светлая ему память, говаривал: «Суша теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет!», но, несмотря на склонность к этой сентенции, гонял всю группу до седьмого пота. До тех пор, пока теория не становилась рефлексом.

Золотое было время – в стране бушевала перестройка, но порядок еще был какой-никакой. И Советский Союз еще был, и достаточно свободно себя чувствовал на чужих территориях. И спецы были нужны – назывались они консультанты и, по идее, были никем – так, «штафирки» в форме. Но это по идее. А если без нее – достаточно специфические консультации и советы давали сергеевские однокашники по всему миру. Дельные, можно сказать, советы. Без лишнего теоретизирования.

Но парня он все-таки подучил. Вот как грамотно идет в двойке. Просто красавец! Мангуст, был бы живой, обязательно похвалил бы.

Возле воняющей горелым туши БМП они разделились. Сергеев скользнул к полуоткрытому люку и прижался боком к холодной броне, прислушиваясь. А Молчун, пригнувшись,

заскользил по высокой, полусухой траве и залег возле первого тела, будто бы припал к нему в скорбном порыве. Сергеев увидел, что Молчун сразу покойника не обыскивает – внимательно осматриваясь на предмет растяжек возле тела, успокоился и, проделав ту же процедуру с люком, нырнул внутрь БМП.

Он еще раз порадовался тому, что ночи стоят холодные – внутри была та еще каша. Кумулятивный заряд прожег броню, и все, кто были в машине, погибли мгновенно. Те двое, кого сейчас обыскивал Молчун, были на броне или успели выскочить – люк был приоткрыт все-таки. Во всяком случае, в момент, когда раскаленный поток газов ворвался в кокон брони, внутри их не было.

Кровь запеклась на полу во время пожара бурой чешуей. Внутри машины пахло жареным мясом, как в шашлычной. Сергееву стало мутно от такого сравнения, но пахло именно так. Пригоревшим жиром, кусками холодного, оставшегося на ночь на мангале мяса, старыми углями. И порохом. Именно по этому запаху Сергеев понял, что ловить тут нечего.

Боеприпасы рвались внутри этой жестяной коробки, пока она горела, и рвали в клочья трупы, оставшиеся в ней. Ничего ценного. На всякий случай он осмотрелся, подсвечивая себе фонариком. В принципе, он мог этого и не делать. Спокойнее бы спал в следующую ночь, хотя был уже привычен к разным зрелищам. Желчь подступила к горлу, и Сергеев

вылетел наружу пробкой, жадно глотая воздух ртом. Отдышавшись, он сплюнул, с трудом избавившись от тягучей, как паутина, нити слюны, приклеившейся к нижней губе.

Будет плохо, если и во второй машине обнаружится такая же каша. Сергеев опять огляделся и понял, что во второй машине должно быть лучше, если, конечно, можно так сказать. Именно ее разбегающихся пассажиров расстреливали веселые вертолетчики, значит, после попадания в отсек ракет кто-то остался жив. Иначе бегущим просто неоткуда было взяться.

Значит, надо помочь Молчуну и двигаться туда. Желательно быстро – Михаилу сильно не нравилась та самая опушка за проселком. Какая-то невидимая сила все время заставляла его посматривать в сторону леса, и Сергеев подозревал, что Мангуст назвал бы эту силу интуицией – производной от суммы опыта и разумной трусости. Любил Мангуст выявлять жизненные парадоксы.

Он подал знак Молчуну, и, коротким рывком преодолев открытое пространство, упал в траву рядом со вторым телом.

Все займет минимум часа два, а то и больше. Но время есть. Пусть небольшой запас, но все-таки есть. Даже если и опоздать часов на десять-двенадцать, все равно – дождутся. Никуда не денутся. Им нужно то, что несут с собой Сергеев и Молчун. И у них есть новый заказ. Это как пить дать – всегда было так. Значит, можно не спешить особо. Спешка, как известно, нужна при ловле блох.

Сергеев внимательно осмотрел землю возле лежащего ниц тела. Растяжек не было. Он осторожно просунул руку под труп, пытаясь нащупать тонкую проволоку или торчащие из мягкой земли «усики», но и там мина-ловушка не обнаружилась. Тогда он медленно перевернул покойного на спину.

«Совсем молодой, – подумал он, равнодушно разглядывая мертвое лицо с застывшим на нем выражением удивления, говорящим о том, что парень был убит наповал и умер мгновенно, без мучений. – Впрочем, они сейчас все молодые. Живи быстро, умри молодым, как говорили когда-то».

К поясу покойного были пристегнуты две гранаты. Из нагрудного кармана куртки маскировочной расцветки выглядывала пачка сигарет.

«Вот и отлично, – подумал Сергеев, обшаривая карманы трупа и стараясь не испачкаться о загустевшую кровь, обильно пропитавшую одежду парня на груди и животе. – Как это кстати получилось! Просто редкая удача!»

Слева от него тенью проскочил Молчун, направлявшийся к следующему телу. Выражение лица у него было спокойным и деловитым.

– Боже мой, – сказала Вика, – если бы ты знал, как ты мне надоел! Как мне надоело то, что ты суешь свой нос туда, куда тебя не просят. Как мне надоело твое неумение молчать, когда надо! Как меня раздражает твоя работа на этого дегенерата! Честное слово, все, что в тебе есть хорошего, – у тебя

между ног. А я, дура, вначале только туда и смотрела. Сама виновата!

Она выглядела огорченной и усталой. Она даже оскорбления говорила с усталостью в голосе, словно выдавливая их из себя. В ее интонациях не было ненависти, только грусть от обыденности ссор и констатации общеизвестных фактов.

Ее муж – идиот. Шеф ее мужа – выскочка и идиот, не достойный даже бороться за президентский пост. Она – страдающая сторона. Ее шеф – принципиальный противник шефа супруга, умнейший человек и благороднейшая личность! Ангел, пока без крыльев, и то только по недосмотру небесной канцелярии. Крепкий хозяйственник, превосходный организатор и порядочнейший человек.

Спорить было бесполезно. Не о чем было спорить. Факты были известны ей так же, как Сергееву. Как и всей стране. Но... При чем тут факты? Стране надо было показать, какой матерый человечище берет в свои руки вожжи. Явить народу лик лидера, красавца, прекрасного семьянина и оратора. С последним пунктом было совсем тяжело. С предыдущими – тоже. Уж слишком необходимый портрет отличался от оригинала. Для успеха дела нужно было не врать, а искренне верить. И она не врала. То есть врала, конечно, но, с ее точки зрения, говорила чистую правду. Умение войти в роль, убедить себя в собственной непогрешимости и отстаивать собственную, выстраданную и тщательно проработанную в воображении точку зрения всегда было ее сильной стороной.

Она умела убеждать окружающих и, прежде всего, себя саму.

Сергеев молча слушал жену, изредка поглядывая на ее ухоженное лицо, все еще красивое, с не по-женски густыми, не знавшими пинцета бровями и желтыми, как у камышовой кошки, глазами. И недоумевал, как он мог полюбить такую женщину. Ладно уж полюбить, объективно любить как раз было за что, а вот как он мог связать с ней жизнь, он уж точно не понимал. И ведь встретились они уже далеко не в нежном возрасте – обоим было под тридцать.

Сергеев только закончил карьеру консультанта-советника и еще не залечил раны после семи месяцев, проведенных в кубинской тюрьме. Тогда считалось, что этот этап в его жизни закончен, жирная точка поставлена в конце досье и теплое место в МЧС плюс немаленькая компенсация за все лишения и трудности консультантской жизни должны были помочь ему адаптироваться в изменившемся мире.

Из всех предложенных ему на выбор городов он выбрал Киев, может быть, потому, что Москву не любил, климат Питера был для него мучителен, а о Киеве он сохранил теплые воспоминания с юношеской поры. И еще потому, что в Киеве, в двухкомнатной квартире на Троещине, жила единственная оставшаяся в живых родственница – сестра отца, тетя Клара. Начальство, услышав о выборе, поморщилось, привычно выругало хохлов с их «незалежністю», но обещанное выполнило. Квартира, машина, украинский паспорт,

данное, скрипя зубами, обещание не обращаться к Сергею без особой надобности – и дверь Конторы закрылась, выпустив Михаила в обычный мир. Но даже тогда, испытывая вполне понятное облегчение вкупе с болями в изуродованной пытками ноге, Сергеев понимал, что двери эти захлопнулись не навсегда.

Оболочка, называемая экс-СССР, конечно, к тому времени распалась, и отношения между бывшими братьями и сестрами в официозе были ни к черту, но Контора оставалась Конторой. Старые связи между однокашниками никуда не девались, взаимные обязательства – тоже. Это тебе не форма головных уборов или цвета нашивок. В Конторе настолько привыкли ходить в чужой форме без знаков отличия, что к атрибутике оставались совершенно равнодушными – общие воспоминания цементировали симпатии и антипатии, а работа, чего уж тут скрывать, осталась. Пусть на коммерческой основе, но осталась, и до тех пор, пока в мире вспыхивали локальные конфликты, создавались новые режимы и боевые части формировались из разного сброда, никто из старых кадров безработицы не боялся. Боялись только встретиться по разные стороны баррикад, что иногда случалось, и небезосновательно боялись, как показала дальнейшая жизнь. Но тогда до этого было далеко, как до Луны. Жизнь начиналась с нуля в тридцать лет с небольшим, и запах цветущих на берегах Днепра каштанов волновал сердце больше, чем припорный, похожий на животный, аромат орхидей, знакомый

Сергееву не понаслышке.

Был он тогда весь из себя мужественный и загадочный, растерявший в гостях у Кастро лишний вес, который, кстати, больше к нему и не вернулся никогда. Этаким таинственный красавец без прошлого, а вернее, с выдуманым прошлым, полиглот, рослый, сухопарый, почти полностью седой, сероглазый, с небольшим шрамом на верхней губе и совершенно не портящей его почти жоффреевской хромотой, которая, по обещанию врачей, должна была пройти через несколько месяцев.

И Вика была хороша, настолько хороша, что показалась ему ослепительной красавицей. Очень необычная была девица – независимая, едкая в суждениях, с копной черных жестких волос, увязанных в «конский хвост», со смуглой, удивительно нежной кожей, раскосыми кошачьими глазами желто-медового цвета и миниатюрной фигурой, в которой хрупкость соседствовала с достаточно выразительными женскими формами. Работала она тогда журналисткой в достаточно модном и влиятельном ежемесячнике «Киевский коммерсант» и в киевской дирекции «Радио Свобода», на котором вела передачу три раза в неделю. А еще имела за плечами два высших образования и два неудачных брака, одного ребенка восьми лет, с пяток шумных журналистских расследований, одно из которых едва не закончилось для нее трагически, и репутацию, о которой могли только мечтать большинство ее коллег-мужчин.

Плюс ко всему, в силу особенностей характера, Вика Плотникова была сердцеедкой в самом худшем смысле этого слова. Мужчин она не уважала, но любила просто пользоваться ими ввиду физиологической необходимости, тогда, когда сама того желала, выбирая себе жертву на ночь из многочисленного списка своих побед. Так паучиха выбирает в дальнем углу своей норы плотно упакованное в паутину и предварительно надкушенное для удобства употребления, полупереваренное тело давно пойманной и оставленной на черный день мухи.

Они познакомились, когда Вика мертвой хваткой вцепилась в расследование махинаций с земельными участками, принадлежащими МЧС и идущими под строительство коттеджных городков. Тема, действительно, была скользкая, с запахом больших денег и откровенного криминала.

Тогда еще госпожа Плотникова имела идеалы, считая себя неким Робин Гудом от журналистики – теперь это все прошло, но в то время...

Генерал Криворотов, неплохой, в сущности, просто жадноватый и не очень далекий мужик, глотал валидол тюбиками, пил корвалол и пумпан стаканами и бледнел при одном упоминании о Вике, которая шла по его следу, как кровавая гончая за раненым оленем. Но брать взятки не переставал. Он хапал деньги за переоформление земли с такой скоростью и рвением, что было впору давать либо десять лет строгого режима, либо героя капиталистического труда. Он

даже не хапал — он их косил широкими, лихими взмахами, как косарь подрезает с уханьем высокую сочную траву на покрытом утренней росой лугу.

Никто не носил ему деньги в конвертах, нет, никогда! Такие суммы просто бы не влезли ни в один конверт — только атташе-кейс, причем достаточно объемный, мог вместить ту огромную благодарность, которая переполняла сердца заинтересованных лиц.

Плотникова кружила над генералом, как оголодавший стервятник над умирающим львом. Кто-то из генеральских недругов, а таковых было немало, сливал Вике конфиденциальную информацию и кое-что из документов, явно лелея надежду занять криворотовскую синекуру.

В скандальных интернет-изданиях и в самом «Киевском коммерсante» уже вышли несколько статей, содержащих факты, близкие к тем, что имели место быть в действительности, а Криворотов чуть не поимел инфаркт на рабочем месте в разгар трудового дня во время чтения прессы. Старика откачали реаниматоры из «Медикома», в редакцию «Коммерсанта» от лица сотрудников направили возмущенное письмо, оставленное, кстати, без внимания, а через день Плотникова сама подошла к Сергееву в ресторане, когда он ужинал. И просто, без затей и приглашений, уселась за его столик, уперев Михаилу в переносицу взгляд своих умело подведенных, нагловатых глаз. Для акулы пера она выглядела чертовски привлекательно.

Сергеев продолжал есть, изредка недружелюбно поглядывая на Вику, которую он сразу узнал по фотографиям. Оба молчали. Держали паузу, если так можно сказать. Докурив длинную коричневую сигарету, дым которой остро пах гвоздикой, Плотникова затушила ее в пепельнице и наконец-то произнесла, не спрашивая, а утверждая:

– Ты – Сергеев.

– Точно, – сказал Михаил чуть погодя. – Он самый.

Она опять замолчала, глядя на него в упор. Сергеев, не отводя от нее взгляда, медленно отрезал от сочной говяжьей вырезки очередной кусок и принялся его жевать, отхлебнув из бокала глоток красного сухого вина.

Потом начал отрезать следующий ломтик, в душе наслаждаясь ситуацией. Ни одну паузу нельзя держать вечно, но если делать это умело...

На четвертом кусочке она не выдержала.

– Плохое воспитание, – сказала она, прикуривая следующую приторно пахнущую сигарету, – ваша Контора всегда была не комильфо.

Сергеев кивнул, соглашаясь. Обе его конторы, и прошлая, и нынешняя, действительно зачастую были не комильфо. Это был факт, но вдаваться в подробности или начинать диспут Михаил не хотел.

– Я – Виктория Плотникова. Слышал, наверное?

Сергеев опять кивнул, в очередной раз вонзая нож в вы-

резку.

– Ты – Сергеев. – Повторила она спокойно. – Ты работаешь у Криворотова. И нам надо поговорить. Тебе кто-нибудь говорил, что когда разговариваешь с человеком надо смотреть ему в глаза?

Он положил приборы рядом с тарелкой, тщательно промокнул губы салфеткой и сказал, почти идеально подстроившись под ее интонацию:

– Кроме того, что я – это я, все не так. Я не работаю у Криворотова. Я работаю в Министерстве по чрезвычайным ситуациям. Второе – это тебе надо со мной поговорить. Мне это совершенно ни к чему. Третье – когда я говорю с человеком, я всегда смотрю ему в глаза. С тобой я пока не говорю. Доходчиво объяснил?

Теперь настала ее очередь кивнуть.

Он опять взял в руки нож и вилку и продолжил трапезу как ни в чем не бывало.

– А ведь я не уйду, – сказала Вика на удивление беззлобно, даже посмеиваясь то ли над собой, то ли над ситуацией. – И не жди.

– А я и не жду, – сказал он, делая глоток вина. – Ты сиди, ради бога. Ты красивая. На тебя приятно смотреть. Сигареты, правда, у тебя каким-то дерьмом набиты, но это ничего, потерплю.

Она, не сдержавшись, фыркнула, став еще больше похожей на кошку.

– Тебе что-нибудь заказать? – спросил Сергеев. – Поесть? Выпить? Я искренне. Без подвоха. Раз уж мы тут сидим.

Плотникова не выдержала и рассмеялась. Смех у нее был хороший. Не воронье карканье, не жеманное хихиканье, не пейзажный регот, а красивый, грудной смех, сразу вызывающий у любого нормального мужчины вполне объяснимое желание услышать его интимную модификацию в совершенно другой обстановке.

– Закажи. То же, что и себе. Хорошо прожаренный стейк.
– Вино?

Она повернула стоящую перед ним бутылку этикеткой к себе и мизинцем руки, в которой она держала сигарету, слегка пригладила бровь.

Это был только ее жест. Жест, по которому Сергеев потом бы узнал ее из тысячи других женщин. Она вся состояла из таких вот особенных деталей – только ее жестов, только ее запахов, только ее словечек.

Она отличалась от всех женщин, случавшихся в его жизни, как отличается итальянский автомобиль ручной сборки от стандартного творения советского автопрома. Или, если это кажется слишком приземленным сравнением, как картина великого мастера от литографии, отпечатанной тысячами экземпляров.

Это сейчас она говорит о ненависти – теперь она почти чужая женщина, пресс-секретарь премьера, дама при власти. Раньше она говорила о любви. О взаимопонимании. Хочет-

ся думать, что искренне говорила. Сейчас она врет – еще несколько лет назад вспыхнувшие на уровне химии тел чувства волновали ее больше работы, больше карьеры, больше, чем имидж «охотницы», и уж наверняка больше, чем содержимое его штанов. Это прекрасно дополняло взаимный интерес – им было очень хорошо в постели, но не было главным в отношениях.

Пока ее не купили. Пока она не изменила. Интересно, что случилось первым? Он никогда не задавал лишних вопросов. Подозрения? Подозрения, наверное, были. Уж слишком вызывающе хороша и сексуальна она была. Но он не хотел об этом думать. Их роман изменил его настолько, что Сергеев, любивший женщин и любимец женщин, все время их брака и не помышлял о случайных связях. И по наивности или слепоте, свойственной всем влюбленным мужчинам, переносил собственные соображения и мироощущения на жену.

Что было в действительности? Зачем теперь об этом думать? Все закончилось. Они почти чужие люди. Все, что объединяло их, – в прошлом. Будущего нет и не будет. И нечего удивляться, что в словах ее не слышать даже тени приязни. Теперь он, создающий ее шефу проблемы, для нее помеха. Обуза. Раздражающий фактор. Заноза в заднице. Разве можно с любовью говорить о занозе в заднице?

Жаль, но у всех есть своя цена. Ценой Вики оказалась власть. Не самый худший вариант, если посмотреть объективно. Не деньги – она зарабатывала достаточно и будучи

Робин Гудом. Не молодые мальчики с крепкими телами – она всегда считала их «вибраторами на ножках» и «чисто прикладным предметом». Не шмотки, не камни, не дорогие авто, не меха...

Лысенко купил ее легко и просто, сделав старшей над коллегами, дав ей возможность «рулить», выбирать, кого допустить, а кого не допустить к телу, кого принять, а кого не принять в кортеж, сопровождающий Лысого на политически важное мероприятие. Он купил ее, сделал полностью безопасной для себя, дав Вике возможность рассылать «темники» от его имени, наказывать тех, кто пытался писать «мимо кассы», тех, кто отзывался плохо о ней самой и методах ее общения с бывшими, теперь уже бывшими, коллегами. Она перестала быть Викой. Она стала Викторией Андроновной. Бывшая фам-фаталь, звезда журналистских расследований, хрипловатый голос свободы, стала голосом власти, получившим право карать и миловать недрогнувшей рукой. Ни один чиновник не мог бы делать это эффективней, чем она, знавшая в тонкостях повадки и хитрости своих бывших товарищей. Ее не мог обмануть эзопов язык, не вводили в заблуждение тонко завуалированные намеки – это было ее оружие, ее территория, ее приемы. И она не знала жалости при достижении поставленной задачи. Как, впрочем, и не знала ее, находясь на другой стороне баррикад. Как вообще ее не знала, наверное.

Она брезгливо топырит губу, морщит лоб, и лицо ее ста-

новится неприятно знакомым, словно это Лысенко сделал операцию по изменению пола и напялил на себя парик из ее волос. А тогда...

Тогда она посмотрела на этикетку, пригладив бровь, выпустила тонкую струйку гвоздичного дыма и сказала:

– Чилийское красное? Годится. Просто попроси принести второй бокал.

Из угла доносились посвистывание окарины и гитарный перезвон – трио музыкантов, наряженных в пончо и сомбреро, кутаясь в табачный дым, добросовестно отработывало свою зарплату, оправдывая аргентинское название заведения.

Официант, лысоватый мужичок лет этак сорока, с вороватыми бесстыжими глазами, явно не мог оторвать от нее взгляда, разве что не облизывался, но исполнил требуемое быстро и аккуратно. Вика пригубила вино и, поставив бокал на стол, закурила следующую сигарету от окурка старой.

– Волнуешься? – спросил Сергеев.

Она пожала плечами.

– Нет. С чего бы... Просто хочу курить.

– Потому что мне не нравится дым?

– Потому что мне он нравится.

– Принято.

– Кто ты, Сергеев? – спросила Плотникова, разглядывая его сквозь голубоватую, пахнущую сладковато-удушливо завесу. – Почему я тебя не знаю? А ведь в твоей Конторе я

знаю всех. Я копаю вас уже полгода. Почему о тебе никто не знает никаких подробностей? Никто не говорит плохо, никто не говорит хорошо. Почему, Сергеев?

– Я человек непубличный.

– Ах да... Совершенно непубличный. Но свято блюдуший корпоративную этику.

– А что такое корпоративная этика?

Она не отвела взгляда, только глубоко затянулась и как-то неловко, словно сова, повернула голову в его сторону.

– Неужели я так похожа на дуру? – спросила она. – Даже обидно. Как ты думаешь, кто мне сливает информацию о твоём шефе? Да твои сослуживцы в очередь ко мне стоят – рассказать о делишках Криворотова.

– Верю, – сказал Михаил спокойно, тоже не отводя взгляда. – Но это не вся правда. Рассказывать-то тебе рассказывают, но этим не удивишь ни читателя, ни прокурора. Важно другое – источник-то у тебя не один. Часть тебе сливают твои друзья из СБУ, у них свои интересы. Дозированно сливают, грамотно, без лишних подробностей. Чтобы ты видела картину, как нужно им – с одной стороны. Часть тебе сообщает Крыс, на то он и первый зам, чтобы метить на место шефа. А еще кое-что – ты выдумываешь. Ты не волнуйся, у тебя хорошо получается, почти правдоподобно.

Она даже опешила на миг, но очень быстро, почти привычно взяла себя в руки – так поступает человек, привыкший держать удар на уровне рефлексов, а не усилий.

– Вот даже как? – сказала она с удивлением в голосе. – А я думала, что хитрее всех. То есть, надо понимать, ты мне без надобности?

– Я тебе без надобности.

– На место Криворотова ты не метишь?

– Зачем мне его место? У меня есть мое.

Была когда-то такая игра – гляделки. Глупая, если рассуждать, игра. Бессмысленная. Двое смотрят не мигая друг другу в глаза до тех пор, пока один не моргнет или не отведет взгляд, – в этот момент он проиграл.

На мгновение Сергееву показалось, что он с Плотниковой играет в эту игру. Ставка неизвестна, но очень высока. Чрезвычайно высока. Жизненно важна – иначе зачем с такой силой уперлась ему в глаза взглядом эта странная, похожая то ли на кошку, то ли на хищную птицу женщина?

В этом взгляде было все: злость, заинтересованность, раздражение, банальное любопытство, настороженность, но без страха, и, как ни странно, влечение. От ее взгляда отчетливо пахло мускусом. Настолько отчетливо, что Михаил ощутил холодок, пробежавший вдоль позвоночника к крестцу. И именно это ощущение взаимности, резонанса ощущений, было самым неожиданным для привыкшего к женским приемам Сергеева.

Внезапно она моргнула, и протянувшаяся между ними нить лопнула, оставив чувство неловкости и странное послевкусие в беседе.

Когда-то, в другой жизни, грузный седой мужчина, называвшийся Леонидом Сергеевичем, любивший носить слаксы и очки в массивной роговой оправе на пористом, угреватом носу, учил их создавать в разговоре настроение. Определенное настроение для достижения определенных целей. Учил подробно, с душой, щедро делясь приемами создания атмосферы, приемами использования особенностей психофизического и физиологического строения объекта интереса и прочим премудростям. Именно он, шмыгая своим вечно сопливым носом, впервые рассказал им об этой ниточке, протянуть которую между собой и объектом интереса без мордобоя, химикатов, электротока и прочих пошлостей, необходимых в профессии, есть высший пилотаж ведения допроса, ох, простите, беседы.

И совершенно не важна причина, по которой эта ниточка образуется, – страх ли, нежность ли, боль ли или простое любопытство. Главное – сам факт ее возникновения. Пусть на короткий миг, на секунду – и дело сделано.

В первое мгновение Сергеев обрадовался успеху, скорее, по привычке, по инерции, согласно рефлексу прошлых лет, но тут же остыл, сообразив, что не может понять точно, с какой стороны искомая ниточка протянулась: то ли от него к Вике, то ли от нее – к нему.

И чувство радости сменилось неуверенностью, положившей руки к нему на плечи со спокойствием старого близкого друга. словно из жаркого торжества победы он нырнул в ле-

дьяную прорубь поражения и с разгону ушел под черный лед, в безвоздушное пространство, так хорошо ему известное по прошлым годам.

Как тогда, в обшарпанном номере гаванского «Хилтона», когда он глядел в глаза Рауля, казавшиеся ему испуганными. В карие, с зелеными точечками, глаза, с расширенными во всю радужку от принятого кокаина зрачками. И все было один к одному – просто, понятно и совершенно. И связи, и пункты передачи товара, и деньги в объемных бронированных кейсах, наличными. Рауль любил наличные.

Очоа, героя барбудос и друга Че, они уже прихватили до этого. Он был раздавлен и не мог понять, что же все-таки случилось, а вот Ла Гуардиа – нет, держался молодцом. И Рауль, уже далеко не молодой, жалок не был. В глазах его, на первый взгляд, был животный страх, он поминутно облизывал пересыхающие губы и вытирал нос рукой. Он, казалось, знал, что сейчас в номер войдут сотрудники безопасности, и никакой статус не спасет его от ареста. И Сергеев это тоже знал. И внутренне торжествовал, наслаждаясь финалом многомесячной и многоходовой комбинации.

А потом, когда в номер ломились остро пахнущие потом и табаком автоматчики, он вдруг увидел в глазах Рауля нечто и почему-то сразу понял, что на сей раз их обманули, разыграли, как детей на халтурном новогоднем утреннике с пьяным Дедом Морозом и сильно немолодой Снегурочкой. Что ничего не кончилось, а, наоборот, все только начинается. И

вместе с этим пониманием к нему пришло чувство разочарования, ощущение, что их использовали. В очередной раз использовали. И он оказался прав.

Арестовали не Рауля, арестовывал Рауль. И в Трибунале чести Раулю досталась роль обличителя. Он оказался героем на белом коне. Очоа и Ла Гуардию расстреляли второпях, не особо заботясь о внешних приличиях. А с ними...

С ними случилось то, что должно было случиться в такой ситуации.

Сергеев почувствовал, как от воспоминаний у него заныло колено. В ноздри шибануло вонью немытого тела, припаленного электродами мяса и гнилых зубов. Когда Чичо орал, изо рта у него летела брызгами слюна, обдавая Сергеева запахом тления. Это было страшнее боли. Если бы Чичо мог ощутить хотя бы на миг то, что испытывал в этот момент Михаил, он бы отложил в сторону и аккумулятор, и киянку, превратившую колено Сергеева в сплошной пульсирующий в ритме самбы шар огня. Он бы плевал на него с особым цинизмом, а Сергеев умирал бы от отвращения в прямом смысле слова. И поэтому было особенно важно не показать этому рослому гнилозубому мулату, как ему плохо, – надо было смотреть не мигая, чтобы ни гримасой, ни дрожью не выдать истинных чувств.

А капитан Чичо был хорош в своем ремесле – крепкий малый с горящими в свете тысячеваттной лампы мертвыми глазами стервятника, черными курчавыми волосами и рябым от

оспин лицом шоколадного цвета...

Она еще раз моргнула, и все вернулось на круги своя. Воспоминания поблекли. Гитарный перезвон, жалобный свист окарины, табачный дым и аппетитный запах жаренного на углях мяса. Как и не было никогда ничего.

– Ну что ж, – сказала Виктория, – тогда просто будем знакомы?

– Мне это больше нравится.

– Если быть до конца честной – мне тоже. Было бы обидно, если бы ты начал петь соловьем.

Она улыбнулась.

Официант поставил перед ней тарелку с дымящимся телячьим стейком, четвертиной лимона, зеленью и исчез из виду с явной тоской во взгляде.

Она выдавила на мясо брызжащий соком лимон, ловко орудуя ножом, отрезала кусок и, жуя, сказала:

– Вкусно. Просто великолепно.

Улыбка ей шла. У нее были крепкие белые, чуть крупноватые зубы и яркий рот, который слегка портила привычка безразлично поджимать губы. Но когда она улыбалась, то была почти совершенством.

– Когда ешь такую вкуснятину, так и тянет спросить о том, что будет на десерт.

– А что будет на десерт? – спросил Сергеев, не скрывая заинтересованности.

– Еще не знаю, – сказала она, подняв бровь, – но мы можем это обсудить.

– Без дополнительных условий?

– Без дополнительных условий.

Он посмотрел на нее и улыбнулся в ответ.

Все великие разочарования начинаются с триумфа. Их роман не был исключением.

Вертолеты вынырнули из-за придорожного леска, как раз оттуда, откуда их Сергеев и ожидал. Две современные малошумные машины, выкрашенные в цвет хаки, с беспорядочной россыпью камуфляжных пятен на фюзеляжах.

Перевалив через поникшие, рано облетевшие от нынешних осенних ветров деревья, две хищных винтокрылых птицы заскользили над полем – наверное, и вчера они двигались так же: неторопливо, но в то же время стремительно – так атакует, не делая ни одного лишнего движения, опытный, хладнокровный боец. Утробно ухали винты – сам звук еще не был слышен в полной мере, но от его низкочастотной составляющей кожу на затылке морщило, как старый пергамент на солнце.

Самое время было выругаться, но времени на ругань не было. Его вообще ни на что не было. Оставалось буквально несколько секунд для того, чтобы исчезнуть из виду, испариться, нырнуть под землю или взлететь в небеса. Летать никто из них не умел, испаряться тоже. Но тот овраг, кото-

рый Михаил еще полчаса назад так хотел обойти стороной, на счастье – на превеликое счастье – был рядом – метров шестьдесят. Один шанс, но он все-таки был. И Сергеев заорал так, что сам не узнал звук своего голоса:

– В овраг! Быстро!

За то время, что крик вырывался из его напряженного горла, вертолеты, которые только что казались раскормленными голубями, сократив расстояние, выросли до размеров двух крупных гусей.

Улов, ради которого они рисковали, шаря по расстрелянным машинам, был хорош, но, похоже, трофеи могли дорого обойтись – пленных тут не брали. Эх, «муху» бы... А еще лучше две. Но не было, не было «мухи»! И «стингера» не было, и «стрелы». Сергеев точно знал, где, совсем недалеко, километрах в тридцати, лежат несколько таких необходимых им сейчас комплексов, но это знание помочь не могло. Их засекли, поймали на живца и мчались сюда, чтобы заполучить добычу – вот почему все здесь оставили, как было! Они ждали, что кто-то придет – уж, конечно, не Сергеева с Молчуном, а кого поаппетитней, но ждали, это точно!

Сенсор где-то тут был, это как пить дать. Или, скорее уж, видеокамера, оставленная на всякий случай – датчик движения был бы просто не эффективен. За ночь зверье еще не подошло к телам: стрельба, коптящий дым пожара, после которого слишком долго воняло горелым...

А вот сегодня гости ожидались.

Лисы, расплодившиеся сверх всякой меры, волки, собаки, еноты и даже медведи, появившиеся в изобилии на Ничьей Земле последние лет пять, — всяк не прочь откусать человечинки. Сенсор орал бы как заведенный, и те, кто устроил ловушку, не могли этого не учесть. Значит, оставили камеру и ждали, что кто-то появится возле бронемашин. И дождались.

Молчун несся к краю оврага резво, что твой рысак, — собранный, без лишних взглядов через плечо, заметно опережая Сергеева, который стартовал первым. Все-таки годы давали о себе знать, и тут ничего не поделаешь.

Гул турбин нарастал. Сергеев спиной ощущал, как поворачиваются под шелест сервоприводов на турелях пулеметы, как примериваются к прицельной стрельбе через дверные проемы сержанты в легких бронежилетах, и мысленно попросил Бога о том, чтобы смерть, если она будет, была мгновенной. Но на этот раз Господь решил по-другому. Они все-таки успели.

Молчун прыгнул в овраг ногами вперед, словно в речку с «тарзанки», и с треском врезался в заросли орешника, густо покрывавшего весь склон почти до самого низа. Сергеев, отстававший на добрый десяток метров, достиг края в тот момент, когда с ближней «вертушки» застрочил пулемет, но тяжелые пули ударили в пустоту — он уже летел вниз, ломая ветки, стараясь прикрыть лицо локтями. На полпути его развернуло в воздухе от удара о тонкий пружинистый ствол,

швырнуло спиной вперед обо что-то твердое, да так, что в рюкзаке захрустело.

– Только бы не контейнер! – с ужасом подумал Сергеев, но испугаться по-настоящему не успел.

Ноги обогнали голову, и он кувыркнулся в воздухе, словно парашютист в свободном полете. Тонкая, как хлыст, ореховая ветвь рассекла ему губу и обожгла щеку болью, а в следующий момент Сергеев получил сильный удар в промежность и, взвыв, шлепнулся в неглубокую лужу, на укрытое слоем подопревших листьев дно оврага, подняв в воздух тучу брызг.

Рядом, по мертвой и мокрой листве, хлестнули очереди пулеметов, прочертив фонтанчиками, выбитыми из воды и земли, четыре смертоносных трассы, и ушли дальше, миновав на этот раз облюбованные цели.

И тут же над оврагом, придавив беглецов к земле яростным ревом двигателей, промчались вертолеты. Рукоять автомата больно давила Сергееву на ребра, дыхание забило при падении так, что не было сил подняться, а Молчун, вцепившись клещом, уже волок его к поваленным, подгнившим стволам, глубоко вросшим в почву метрах в пятнадцати от места их падения. Откуда только силы у пацана взялись? Ослабевший на секунды гул турбин опять начал нарастать – «вертушки» зашли на боевой разворот и вновь устремились к оврагу, стараясь успеть накрыть бегущих огнем – лезть за ними в глубокий лог никто не хотел. Да и сам Сергеев в жиз-

ни добровольно в него б не полез – слишком хорошо он знал, какие сюрпризы могут скрываться на дне. Им повезло, что до вечера было далеко. Если бы на лес опустились сумерки, их бы расстреляли, как куропаток, с помощью приборов ночного видения, не спускаясь вниз, словно в тире. А так – если пережить барражирование – есть шанс спастись, уйдя по оврагу из зоны обстрела.

Поливая землю свинцом, две боевые машины пронесли над ними. Что-то застучало по ветвям, значительно тише и медленнее, чем стучат летящие пули, и чавкнуло, падая в грязь. Потом справа хлопнуло, и воздух вокруг наполнился свистом и шелестом – осколки прошили лесок, чудом не зацепив никого из них. Потом рвануло слева и сзади, но Михаил, прикрывая собой Молчуна, прижимался к обомшелому стволу рухнувшего давным-давно вяза. Осколки впились в трухлявую кору и увязли в пропитанной влагой древесине.

На третий заход они вышли еще быстрее, предварительно сбросив скорость, и зависли над оврагом, всматриваясь в переплетение ветвей. Снизу Сергеев видел стрелков, выглядывающих из дверных проемов, видел их темные кевларовые шлемы с зеркальными забралами. Не униаты, не ооновцы, не россияне. Неужели охотники?

Сергеев слышал о таких рейдах, устроенных неизвестно кем, но известно зачем и за большие деньги. Ему рассказывали в Москве – Оленин до своей смерти рассказывал, но за бутылкой, с хиханьками-хаханьками. Колычев обмолвил-

ся пару раз – в виде анекдота. И в Интернете, бывало, всплывала реклама, но без прямых описаний, кто и за кем собирается охотиться – туры на Ничью Землю. А сейчас Михаил воочию видел их – новые вертолеты, таких нет ни у ООН, ни у россиян, ни у многочисленных формирований на территории Зоны совместного влияния. Современное оружие, амуниция, оборудование. Может быть, это не армейская засада. Армия расстреляла бронемашины, а эти, вовремя получив информацию от своего источника, устроились у еще теплых трупов, чтобы насладиться сравнительно безопасной охотой на мародеров.

Еще заход. На этот раз гранат вниз полетело больше – почти десяток. Захлопали взрывы. Благо легли «лимонки» правее, метров на пятнадцать-двадцать: пилот ошибся с ориентирами и от густо летящих осколков беглецов прикрывал ствол, под которым они прятались. Сергеев видел перепачканное лицо Молчуна со злыми, похожими на тлеющие угли глазами.

Дать бы ему волю – он бы устроил им бой с перебежками. Меняя позицию, можно было бы поймать на мушку дверной проем – тридцать метров для АК не дистанция – и устроить стрелкам вестсайдскую историю с простреленными конечностями и смертельными рикошетами внутри коробочки. Чем черт не шутит – в четыре ствола можно было бы и потягаться, если уж совсем крыша от злобы съехала. Ракет, кроме ПТУРСов, у них, кажись, нет, напалмовых бомб

тоже. Но вдвоем – избавь, Господи, от соблазна. Нечего в партизанщину играть. Сядут, спустятся в овраг, возьмут в клещи и благополучно загонят, как кабанов, под пулеметный огонь зависших с двух сторон вертолетов. Не надо их злить. Пусть кидают «лимонки», стреляют наугад и делают прочие непрофессиональные глупости. У вас шоу, господа?! Развлекайтесь! Мы не гордые, мы полежим пока мордой в грязь. Эх, сообщить бы ооновцам, вот была бы потеха! Но об этом можно только мечтать...

Граната ударила о ствол над их головами и улетела в сторону, подпрыгивая, словно теннисный мячик. Сергеев машинально прикрыл плечом голову Молчуна, а корпусом его тело, но граната рванула в глубокой промоине, которую вода проложила себе еще весной, во время схода снега, если судить по заросшим травой краям, всего лишь осыпав их землей и палой листвой.

– Сейчас они уйдут, – почему-то прошептал Сергеев в перепачканное ухо Молчуна. Говорить в полный голос ему не хотелось, хотя никто услышать их не мог. – Надолго их не хватит.

Вертолет завис прямо над ними, словно огромный вентилятор, гонящий вниз поток воздуха, от которого дрожали ветки и вверх взлетала мелкая водяная взвесь. Лопасты вспарывали воздух, свистели на басовой ноте турбины. Потом уханье лопастей перешло в непрерывный вой – один вертолет начал подниматься, волоча за собой вторую машину,

словно привязанную к нему стальным канатом. Вниз, уже не прицельно, полетела еще пара гранат. Кто-то из стрелков выпустил по зарослям полрожка – так, наугад, для проформы. Отлетев на сотню метров от края оврага, что говорило о предусмотрительности и военном опыте пилота, машины сели.

Вот теперь время терять было никак нельзя.

Вниз они сразу не пойдут, но залягут с двух сторон лога и будут стрелять на каждый шорох и на малейшее движение. А там и ночь не за горами, а что из приборов ночного видения у них там, в рундучках, припасено, никто не знает. Прикидываться хладным трупом Сергеев не хотел, хотя теоретически знал, как это делать. Но в условиях тропиков, а не поздней осенью на родной Украине, когда все вокруг холодное, сырое и мокрое, и на экране прибора он на таком фоне будет просто сиять, как фазан на снегу: стреляй – не хочю.

– Пошли, – сказал Сергеев Молчуну хрипло и вскочил на ноги.

Вскочил – это только так сказано. Ставший внезапно неподъемным рюкзак потащил его в сторону, и если бы малец не вцепился в рукав куртки, Сергеев бы рухнул на землю, как выпивший свои пол-литра забулдыга. Плюс ко всему, от удара в паху болело так, что Михаил заковылял прочь походкой кавалериста, совершившего трехдневный переход по пересеченной местности не сходя с седла ни на минуту. Каждый шаг отдавался внизу живота мучительным тянущим

ощущением, хотелось немедленно лечь на землю, прямо на скользкие от влаги листья, и лежать, свернувшись в клубок, подтянув ноги к груди, и, по возможности, даже не дышать. Но кто мог дать ему такую возможность?

Дно оврага было усеяно мусором, сгнившими остатками поваленных когда-то деревьев. Слева от них торчал из земли смятый кузов допотопного «жигуленка», чуть впереди виднелся перекрученный в штопор остов металлической осветительной фермы, на которой висели ржавые лохмотья, бывшие некогда колючей проволокой. Земля, по мере того как они, под жалобное оханье Сергеева, максимально быстро продвигались вперед, прорастала осколками битого стекла, какими-то железяками, кусками осклизлого картона, рваными тряпками. Сергеев, крутя головой по сторонам, мысленно поблагодарил судьбу, что они не прыгали в овраг в этом месте – здесь бы их путешествие окончилось при приземлении и без помощи охотников.

Овраг был природным мусоросборником еще во время Волны. Позже ливни сносили в него мусор – откосы то и дело прорезались глубокими рывчками, похожими на следы сабельных ударов, в которых, словно змеиные тела в кубле, переплетались грязные корни деревьев и кустарников.

– Быстрее, – сказал Сергеев и затвердил, как молитву: – Быстрее, давай быстрее, быстрее...

Со стороны они, наверное, смотрелись комично. Мужчина и мальчик, который его поддерживал. Оба грязные, мок-

рые, с громоздкими рюкзаками, увешанные оружием. Многоногое, многорукое существо, неровно ковыляющее по земле, с кряхтением и стонами перебирающееся через поваленные деревья, продирающееся сквозь кусты, разрывая одежду о ветви. Но, на их счастье, со стороны их никто не видел, а сами они оценить комизм ситуации не могли – не до того было, да и, с их точки зрения, ничего смешного в этом не было. Было больно, холодно и страшно. И не хотелось умирать. Совсем не хотелось.

Они ломились через заросли орешника напрямик, шумно, но даже через треск ломающихся веток Михаил слышал мерные звуки лопастей, вращающихся на холостом ходу и громкие голоса высаживающихся из вертолетов охотников. Задача была одна – уйти как можно дальше от места падения. Овраг, расширяясь, продолжался на север, туда, где, если Сергеев точно помнил карту, протекала река. Доходил ли овраг до реки или не доходил – карта об этом не говорила. Рельеф в этих местах менялся от сезона к сезону.

Было бы здорово, если бы овраг вывел их к руслу.

Река, текущая неподалеку, петляла среди подлеска, потом ныряла в глубь лесного массива и вновь вырывалась к полям, очерчивая заболоченную пойму черной лентой воды, прихваченной у заросших густым камышом берегов тонким и прозрачным, как пластинки слюды, ледком.

Выйдя к реке можно было нырнуть в чащу, можно было бы просто схорониться в одном из многочисленных бурело-

мов. И, что важно, а мысль об этом не оставляла Сергеева ни на секунду, оттуда было достаточно близко до места встречи с Али-Бабой и его разбойниками.

Конечно, шанс на то, что Али-Баба их дождетя, несмотря на опоздание, был, но...

Сколько он будет ждать? Сколько еще продлится игра в прятки с этими орлами на новейших «вертушках»? И продлится ли она вообще? Договаривались о люфте в двенадцать часов. Человеку, непривычному к атмосфере Зоны совместного влияния, высидеть эти часы в месте randevu, в полуразрушенном дебаркадере, который Волной зашвырнуло бог знает куда, посреди Ничьей Земли было нелегко. Даже справить нужду, отойдя на несколько шагов в сторону, шараясь от каждого звука – от хруста ветки, звериного или птичьего крика, – требовало выдержки и умения держать себя в руках. Всегда существовал риск закончить сей естественный процесс или в качестве чьей-то мишени, или, что было еще неприятнее, в виде чьего-нибудь обеда. Али, конечно, парень непростой, но все же не железный. Будем надеяться, что дождетя. А то ищи его потом по миру...

Они продолжали двигаться на север – стены оврага почти сомкнулись впереди, но проход был. Молчун, а за ним Михаил протиснулись в узкую щель между склонами, перелезли через несколько лежавших поперек лога бетонных столбов, частично раскрошившихся от удара о землю, сырости и времени. И зашлепали дальше – уже по колено в ледяной воде.

Сзади затрещали выстрелы – одиночные и очередями, несколько шальных пуль просвистело высоко над головами.

Охотники вышли на исходные позиции, и сейчас очень многое зависело от того, кто и как ими будет руководить. Беглецов и преследователей разделяло не более трехсот метров – ерундовое расстояние для умелого человека. Выручало то, что уж кто-кто, а эти охотнички под пули лезть не будут – не тот кураж и мотивация не та.

Если было правдой то, что рассказывал Оленин, а теперь Михаил имел причины ему безоговорочно поверить, их преследователи – это представители «золотой» молодежи и раскормленных нуворишей поздней формации. Те, кто уже не помнит российские мафиозные войны конца прошлого века, кто до сих пор считает Чечню мятежной провинцией, а Ничью Землю – заповедником для диких хохлов, попавших в экологический переплет. И они платят свои деньги за то, чтобы просто пощекотать нервы, и при этом не остаться лежать в неглубокой могиле, где-нибудь под Запорожьем.

В овраг они не полезут, это точно. Если инструктор грамотный, то он разделит их на две группы, каждая из которых пойдет со своей стороны, держа под прицелом нижнюю тропу. Возьмут в клещи, прижмут огнем ко дну, если, конечно, догонят и обнаружат.

Сергеев почувствовал, что боль в паху слабеет, а вот дышать становится все труднее и труднее. Лямки рюкзака резали плечи, во рту было солоно от крови, сочившейся из рас-

сеченной губы. Он посмотрел на спутника.

Молчун весь взмок, на скуле у него красовался синяк размером со сливу, глаза были испуганные, но выражение лица сосредоточенное, злое. Сдаваться он не собирался, бросать Михаила на произвол судьбы тоже.

Бросив взгляд на странный прямоугольный предмет, выросший перед ними, Сергеев едва не расхохотался – посреди зарослей стояла телефонная будка. Без стекол, искореженная и измятая, будто ее пыталась прожевать Годзилла, но с сохранившимся на внутренней стенке телефонным аппаратом, правда без трубки – только оборванный провод торчал наружу. Эмаль, которой была выкрашена внутренняя панель, местами облезла, полопавшись, обнажая ржавое железо и разводы облюбовавшего будку грибка. Но глубоко процарапанную надпись «Люба сука! Мне не дала!» время затереть не сумело.

«Ни театров, ни телевидения. Книги идут на растопку, – подумал Сергеев, цепляясь за бывший таксофон глазами. – Еще десять лет – и грамотных в Зоне совместного влияния не будет. Что тут читать кроме инструкции к переносной ракетнице? А надпись останется. Будет видна, пока будка не вырастет в землю по крышу. Единственное свидетельство того, что существа, жившие здесь, когда-то умели читать и писать. След культуры».

Еще десять шагов, и памятник давно сгинувшей Любе и ее стойкости остался позади, а еще через пятьдесят шагов овраг

кончился, и они с разбегу выскочили прямо в речку. Благо здесь было мелко – река делала поворот, отмель, на которой они стояли, намывало годами. Под противоположным берегом было глубже, хотя он был низким, почти вровень с водой. Сосняк, густо росший на нем, казался непроходимым.

Сергеев оглянулся и узнал место. Правда, с этой точки он видел его впервые, обычно вот эту поваленную молнией сосну он осматривал, находясь выше и левее, вот с того места – с вершины склона над оврагом, там, где над рекой нависала кривая, изогнутая береза. Кто бы мог подумать, что они выйдут сюда так быстро – путь поверху был раза в два длиннее. Если погоня за ними пошла сразу же после посадки вертолетов, то все равно минимум десять минут у них есть. Шлепая застывшими от ледяной воды ногами по мелководью, они выскочили на пологий песчаный берег.

– Туда, – скомандовал Михаил, махнув рукой в сторону сосняка.

Молчун кивнул.

На берегу они выбрали кусок бревна, и Сергеев в спешке примотал к нему оба рюкзака тем самым, хорошо знакомым Молчуну, красным капроновым шнуром. Проплыть с таким грузом на спине даже эти двадцать пять метров нечего было и думать. Поверх рюкзаков он привязал автоматы – свой и Молчуна, завернув их в куртки, и свою кобуру из грубой кожи, с обрезом «тулки» внутри. Потом оба быстро разделись догола, и Сергеев быстро запихнул одежду и обувь в

плотный пластиковый мешок, который всегда лежал, на всякий пожарный, во внешнем кармане его «станка».

– С Богом! – сказал он Молчуну.

И они вошли в воду.

Она обжигала, как пламя. Молчун и Сергеев переплыли речку, толкая бревно перед собой, и судорога, к счастью, не схватила никого из них. Берег был покрыт хвоей, но они так заоченели, что уколов игл, вонзавшихся в ступни, не ощущали. Сергеев в очередной раз подумал, что со стороны они выглядят как комические персонажи, Пат и Паташон, например, и от этой мысли ему стало совсем грустно.

Спрятавшись в чаще, Михаил достал из рюкзака пару кусков полотна, служивших полотенцами, а по случаю и перевязочным материалом. Они принялись вытираться с ожесточением, до красноты растирая кожу. Сергеев посмотрел на свою промежность и увидел на внутренней стороне бедра лиловый кровоподтек, накрывший и мошонку. На пару сантиметров левее – и все, отбегался бы наверняка. Болело ребро слева, плечо и губа, распухшая до размеров крупного киви. А так – просто молодец. Почти цел.

Потом, одевшись, с трудом сдерживая стук зубов, они пили вонючий самогон из фляжки, найденной на одном из трупов у бронемашин. И от этого стало немного теплее и, самое главное, ушел страх, гладивший Сергеева по спине когтистой, шершавой лапой.

Они выскочили. В очередной раз выскочили. И тут Миха-

ил вспомнил хруст в рюкзаке и даже не испугался – помертвел. Если лопнул контейнер, хоть он и из сверхпрочной керамики с оболочкой из армированного кевларовой нитью мягкого полимера, но лопнуть все же мог, то они с Молчуном уже покойники, пусть сами они этого еще не почувствовали.

Но контейнер был цел. И его содержимое тоже. Двести граммов чистого бериллиевого порошка. Очень дорогой груз, бизнес с большими перспективами на будущее. Контейнеры с лекарствами, полевые госпитали, дизель-электростанции и еще много чего. Это обещал Али-Баба. Говорил уверенно, но обещать не значит жениться. Это Сергеев знал, даже не из прошлой – из позапрошлой жизни. Твердо знал. Наверняка. По собственному, очень печальному опыту. По наглядным примерам.

Что хрустело – он выяснил сразу. Удар пришелся на термос из нержавейки и смял его, как картонный стаканчик. В одном месте тонкая сталь даже лопнула. То, что после такого удара у Сергеева просто болело ребро, можно было считать чудом – оно должно было просто разлететься на части. А вот с термосом чуда не произошло. Термос было жаль. Такой еще поискать надо. Молчун, любивший хлебнуть в дороге горячего чаю или бульона из кубиков и кипятка, с сожалением покачал головой.

– Не бойсь, – сказал Сергеев, улыбаясь. – Другой найдем. Есть, браток, один хороший магазин, с надежно заваленным входом, который я держу на черный день. Там этого добра...

Молчун едва заметно улыбнулся в ответ. Одними кончиками губ, словно мим, только обозначивший, сыгравший эмоцию. Черная бандана, закрывавшая лоб, синяк на скуле и покрасневший от холода и сивухи нос, делали его похожим на заблудившегося в лесу, окоченевшего скаута.

«Ошибочное, между прочим, мнение, – подумал Сергеев, крепя на бедре кобуру с „тулкой“. – Какой он скаут? Он в свои годы – коммандос. Он знает не то, как костры надо с одной спички разводить, а как танки жечь, да людей, если сильно припрет, тоже. Я ничего о нем не знаю и, скорее всего, ничего и не узнаю никогда. Но какая, в сущности, разница? Он подставил мне плечо сегодня, я закрывал его своим телом сегодня. А завтра? Что будет завтра, если завтра все-таки будет?»

Сергеев пожал плечами. С противоположного берега, приглушенные расстоянием и стволами деревьев, донеслись голоса.

– Ну вот, – сказал Михаил, – вот и гости дорогие пожаловали. К реке они, конечно, спустятся. Там бы их и встретить – радушно и по-свойски. Но мы их трогать не будем, да, Молчун? Нам время терять нельзя. Нам идти надо.

Молчун двинул бровью, показывая, что лучше бы гостей все-таки встретить, пусть порадуются приему, но раз надо идти, то он, в принципе, согласен.

Замурзанная мордаха, спутанные, грязные волосы, торчащие из-под банданы. Его б под душ, под горячий, а не в ледя-

ную реку. Не мужика здравующего на себе тащить, под пулями да осколками, а в школу, на дискотеку с девчонками. Хотя где теперь те дискотеки? Девчонки-то есть, а вот дискотеки – это теперь из зарубежной жизни. Вывести бы его к цивилизации – в Москву, Львов или, на худой конец, в Донецк. Справить документы – это не проблема при старых контактах и при новых, кстати, тоже. И ведь спрашивал его неоднократно, предлагал, а Молчун только хмурился и мотал головой. Да и сам Михаил понимал, что Маугли в сравнении с Молчуном – просто легкий случай. Что такое человеческий детеныш, воспитанный волчьей стаей, в сравнении с мальчиком, который, родившись в обычной семье, лишился не только родителей, но и мира, в котором начал жить, и попал в мир, где даже волчьи законы были верхом гуманности? В мир, где слабого надо пристрелить? Где убивать – не грешно, а необходимо, как дышать? Где за проволочными границами, за минными полями и сенсорными датчиками, за хитроумными системами защиты живут миллионы благополучных людей, которые и думать забыли о тех, кто остались бедовать за оградой? Что же необычного было в том, что Молчун не хотел отсюда уходить? Или не представлял, как это сделать?

«Кто бы мог подумать, – Сергеев потер ладонью саднящий бок, – что в какой-то момент у меня не будет никого более близкого, чем этот паренек?»

Ему хотелось обнять Молчуна, прижать его к себе, сказать ему, что у него никогда не было сына, но он бы так хо-

тел, чтобы его сын был таким же самоотверженным и смелым парнем...

Но в очередной раз застеснялся своих чувств. Прошедшие годы научили его быть сдержанным, хотя Сергеев понимал, что это, скорее, не сдержанность, а наступающая бездуховность. О какой духовности можно говорить в мире вседозволенности? Но ведь Молчун – тоже дитя этого мира.

Он так много хотел бы сказать, а вслух сказал только:
– Спасибо тебе, Молчун.

Мальчишка посмотрел на него, махнул рукой, мол, о чем тут говорить, и на секунду прижался к плечу Сергеева, совершенно по-детски. И тут же выпрямился, словно ничего и не было.

Они встали, поправили амуницию, чтобы не гремела, затянули лямки рюкзаков, попрыгали на месте для проверки и пошли скорым, походным шагом по заросшей жухлой осенней травой тропинке, углубляющейся в сосняк.

Глава 2

– Почему ты никогда не спрашиваешь меня о прошлом? – спросила Вика, потягиваясь.

Она лежала на диване в гостиной, прямо на пледе, которым он был застелен. Как ни странно, она любила лежать на шерстяном покрывале, которое любая женщина посчитала бы колючим.

Плед был настоящим, шотландским, в сложную зелено-красно-черную клетку. И она смотрелась на нем, как рисунок на гобелене: голая, тонкая, очень грациозная, с торчащими грудями, тонкими лодыжками, пышной копной волос и неизменной дымящейся гвоздичной сигаретой, зажатой в изящной руке.

Сергееву иногда казалось, что этот запах гвоздики никогда не выветривается из его квартиры. Наоборот, становится только сильнее после ее ухода. Пряный, сильный, запоминающийся запах. Он даже начал нравиться ему – словно в квартире курили не сигареты, а жгли благовонные палочки. Но эти симпатии зависели от настроения и фазы их взаимоотношений. Когда они ссорились, он ненавидел эту гвоздичную вонь – до тошноты, до аллергии, до слезящихся глаз. Когда же она вот так возлежала на диване или на кровати в спальне, бесстыдная и целомудренная одновременно, как языческая богиня, запах ее индонезийских сигарет казался

ему фимиамом.

– О чем прошлом я должен спрашивать?

– Ну о моем, например.

– Не хочу.

Он варил кофе, стоя на кухне, с полотенцем, обмотанным вокруг бедер, и мог видеть ее через отражение в зеркале стенного шкафа.

– Я тебе не интересна?

– Ты? Интересна.

– Я интересна, а то, что меня касается, – нет?

Шипел газ в конфорке. От турки поднимался чудесный аромат свежемолотого кофе – коричневая пенка уже начала расти, готовясь рывком выплеснуться на плиту и испортить Сергееву удовольствие от приготовления и потребления любимого напитка. Он ненавидел чистить плиту после того, как кофе сбегал, но и терпеть коричневые пятна, похожие на коросту, на белоснежной эмали до прихода домработницы – тоже было выше его сил. Кофе обыкновенно сбегал два раза из пяти, доказывая Михаилу, что жизнь – непрерывная цепочка компромиссов и с этим пора смириться.

Сегодня ему не хотелось ссориться.

– Мне интересно то, что касается нас.

– Я знаю, почему ты никогда не задаешь вопросов. Для того чтобы самому не давать ответов.

Пенка подошла к верху джезвы, и в тот момент, когда Сергеев наконец-то погасил газ, Вика вошла в кухню, не потру-

дившись набросить на себя хоть что-то.

Без каблуков, босая, она была Михаилу чуть выше плеча. Беспричинно разгневанная. Выплескивающая наружу желание поскандальить. И удивительно красивая.

Сергеев, глядя на нее, удивлялся, как совокупность в общем-то далеких от совершенства черт дает столь впечатляющий результат? Чуть длинноватый нос, выделяющиеся скулы, не самая совершенная по форме грудь, не самые длинные в мире ноги... Список несовершенств можно было бы продолжать, если бы не результат, который, как убедился Сергеев, опустив взгляд на полотенце, которым были обмотаны его бедра, был, что называется, налицо.

– Ты разберись, что для тебя проще – отвечать на вопросы или выслушивать ответы? – сказал он с примиряющей интонацией.

– Лживые ответы?

– Ну, зачем же так?

– Хорошо. Не до конца правдивые?

– Я бы предпочел другую формулировку – не до конца откровенные.

– Послушай, Сергеев, – сказала она, наблюдая, как он разливает по керамическим чашечкам густой, сладкий кофе. – Я всегда думала, что в этой стране могу узнать все и обо всех. Включая детские симпатии, сексуальные пристрастия и гастрономические выверты.

– У меня нет гастрономических вывертов, и ты все знаешь

о моих сексуальных пристрастиях.

– А детские симпатии?

– Если сказать честно, то в детском саду мне нравилась девочка по имени Галя. Мы с ней спали.

– Что? – она удивленно подняла брови.

– Наши кровати стояли рядом. И во время дневного сна она трогательно держала меня за руку.

– Очаровательная деталь.

– Но это еще не все.

– Да?

– Да. Еще мне нравился мальчик Сережа...

Она засмеялась своим бархатным смехом, от которого у Михаила по спине бежала теплая волна.

– Ты меня пугаешь!

– С Сережей было интересней играть, но Галя так держала меня за руку во сне, что я просто не мог ей изменить.

– Ты меня разыгрываешь?

– Нет, просто рассказываю о своих детских симпатиях. Ты же просила.

– О детских симпатиях ты готов со мной говорить?

– Да. Пей кофе – остынет.

– А о своем недавнем прошлом?

– Нет.

– Сергеев, – она подошла к нему вплотную, прижалась всем телом и пристально посмотрела ему в глаза снизу вверх.

Она почему-то редко называла его по имени, даже в ин-

тимные моменты.

– Я тебе обещаю, что когда-нибудь, рано или поздно, я расскажу тебе твою биографию. От и до. За исключением детского сада. Хочешь ты того или не хочешь – я узнаю о тебе все. Ты мне веришь?

Он поцеловал ее в губы, пахнущие гвоздикой, но она не ответила на ласку, только прищурилась, вглядываясь в его лицо.

– Ты мне веришь? – повторила она настойчиво.

Сергеев не хотел врать. Поэтому всего лишь отрицательно качнул головой.

– Зря, – сказала Вика зло, высвободилась, взяла чашку с кофе и подошла к окну. На фоне светлых занавесок, выбеленных ртутным светом уличного фонаря, она смотрелась как статуэтка – Сергеев невольно залюбовался.

За окном шел дождь. Плотный летний ливень, полоскавший запылившиеся за день киевские мостовые, умывающий каштаны и липы бульваров прохладной чистой водой. Он превращал огни мостов, переброшенных через Днепр, в нерезкие мазки на огромной палитре темной, глубокой и могучей реки.

Грозы не было. Не сверкали молнии. Не гремел гром. В этой стихии, в воде, падающей с небес, не было ровным счетом ничего демонического. Просто шел дождь.

Автомобили прятались во дворах. Опоздавшие занять места на своих стоянках вместе с пешеходами шлепали по теп-

лым лужам. Город не собирался засыпать – он ждал ночной прохлады и свежих запахов зелени из скверов и парков.

– Ты не задумывался, почему мы вместе?

– Потому, что нравимся друг другу.

Она хмыкнула, и даже в движении ее чуть угловатых плеч сквозила ирония.

– Нравимся. Превосходно сказано. Мне, Сергеев, нравились многие. Сегодня – один, завтра – второй. Послезавтра – мог быть и третий.

– Назови другую причину.

– Не назову. Ты ни разу не сказал, что меня любишь. Я ни разу не сказала, что люблю тебя. У нас нет общего прошлого. Я не вижу общего будущего. Знаешь, что нас держит вместе?

– То, что нам хорошо вдвоем.

– О боже, – она резко развернулась к нему лицом, – до чего же вы, мужики, примитивны! Ну, это-то при чем? Почему вы полагаете, что ваш член может быть осью чьего-то мира? Ты же неглупый человек, Сергеев, чтобы всерьез говорить о своей мужской исключительности! То, что у нас с тобой сейчас, – это даже не связь – так, случайные встречи. Я не знаю, что ты там надумал, какую драму, но о себе я знаю точно. Я с тобой только потому, что не могу тебя понять. Я каждый раз даю себе слово, что это будет в последний раз! Я не хочу к тебе привязываться! Я сама по себе! Но потом, потом я вдруг понимаю, что вот уже полгода мы вместе, а я все еще не знаю твою тайну. Все остальное – только приправа. Ты хороший

человек, Сергеев. Я так искренне о тебе думаю. Но я не знаю, какой ты в действительности. Я чувствую, что ты способен на очень разные поступки. Я не шучу. Может быть, ты их уже совершал, а может быть, просто готов совершить. И эти разные поступки могут быть такими, что и представить себе трудно. И я ловлю себя на мысли, Сергеев, что из-за этой недосказанности, из-за того, что ты первый из мужиков, которого я не прочла вдоль и поперек после нескольких ночей, мне с тобой интересно. А это плохо, Сергеев, очень плохо! Время, проведенное вместе, – это привязанность. Привычка, мать бы ее так. К теплу чужого тела. К чужому дыханию. К тяжести чужой руки на бедре. А привычка – это зависимость. А я ненавижу зависимость! Настолько сильно ненавижу, что слово «любить», считаю синонимом слова «рабство».

Михаил кожей ощутил, что она говорит правду. Может быть, под влиянием момента, а может быть, расчетливо и осознанно, что было гораздо вероятнее, если учитывать ее характер.

– Это и есть причина, мистер Икс. Твоя тайна. Мне интересно ее разгадать. Настолько интересно, что для этого я готова полюбить тебя. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Нельзя любить человека только за то, что не можешь его понять.

– Да? – сказала она, ухмыльнувшись. – А я-то думала, что человека нельзя любить, если сразу понимаешь его полностью. Такой человек банально не интересен. Если бы ты был

раскрытой книгой, пусть даже с темными пятнами в биографии, если бы я не чувствовала в тебе готовность к поступкам – все бы ограничилось тем нашим десертом после хорошего стейка. Один раз, – она подняла указательный палец вверх, словно грозила кому-то. – Не более. Мы бы даже друзьями не остались.

– Значит, мне повезло.

– Значит, тебе повезло. Или не повезло. Это как посмотреть.

– Я не такой меркантильный. И не такой расчетливый. И совсем не такой любопытный.

– Дело в том, что я не могу понять, какой ты.

– А если обычный? – сказал Сергеев, подходя к ней вплотную. – Можешь ты себе представить, что я самый обычный человек. Просто человек, без второго или третьего дна, который влюбился? Не в журналистку, не в местную знаменитость, а в красивую женщину? Шел себе, шел по жизни и вдруг – раз! Так случилось!

Он взял ее за плечи и притянул к себе, не отрывая взгляда от ее лица. Они снова играли в гляделки, как несколько месяцев назад, во время их первой встречи.

– Почему нужна тайна? Почему мы просто не можем любить друг друга? На что надо оглядываться? На биографию? На национальность? На профессию? Мы начались друг для друга в тот день, когда встретились, – не было нас до этого! Ты можешь это понять? Или я говорю о чем-то необычном?

– Нет, – проговорила она, не отводя взгляда.

– Любовь – не всегда борьба и не всегда рабство, – сказал Сергеев тихо, стараясь не вспугнуть то чувство, что возникло между ними в этот момент. Очень хрупкое чувство, хрупкое, как крыло бабочки. И такое же легкое и нежное – тронь неосторожно, и радужная пыльца осыплется, обнажая бесцветный остов. Или же крылья были другие? Перепончатые и черные, похожие на паруса джонки, разворачивающиеся с вкрадчивым кожаным шорохом?

– Мужчина – не всегда враг, не всегда завоеватель или жертва. Иногда он, как ни странно, бывает другом. Даже если у него нет талантов, образования, денег, способностей. Даже если у него нет тайны, которой ты хочешь владеть. Даже если у него ничего нет, кроме любви к тебе. Возможно, ты никогда не встречалась с таким, но у тебя же есть воображение? Ты можешь поверить в это?

– Нет, – повторила она, и взгляд ее на мгновение потеплел. – Но я могу попытаться...

В какой-то момент Михаилу даже показалось, что ее глаза увлажнились, но она уже положила голову ему на грудь, спрятав лицо в тени собственной челки, и он не мог с уверенностью сказать, были ли это слезы. Может быть, ему просто хотелось, чтобы это было так.

Некоторое время они так и стояли у стола на кухне, молча, обнявшись.

Сергеев и сейчас не мог сказать определенно – врал ли

она в тот вечер или нет? О себе он мог сказать однозначно: на тот момент, в ту минуту он говорил правду. Было ли это действительно большим чувством, хотя бы с одной стороны? Как можно определить это теперь? После всего, что они сказали и сделали друг другу за последний год? Что осталось от любви к ней после того разочарования, что он испытал?

Если быть честным до конца, она предупреждала его.

И тогда, и потом он чувствовал, что их отношения хрупки, как скорлупа воробьиного яйца, но хотел надеяться на лучшее. Он продолжал надеяться на лучшее и тогда, когда столкнулся с ней в подъезде их дома и увидел, что она смотрит на него насмешливым, чужим взглядом. Когда она, стоя на ступеньку выше, приблизила свое лицо к его лицу, упершись лбом в его лоб, и выдохнула жарко, почти касаясь его губ своими губами, тихо, с такой знакомой хрипотцой:

– Вот и все. У тебя больше нет тайн, Сергеев. Эта была последней.

И пошла прочь, вниз по лестнице. Ее каблочки застучали по старым, истертым тысячами ног ступенькам. Застучали звонко, рождая эхо. Так могут звучать каблуки только в старых подъездах. В подъездах, где лестницы бродят по кругу, обнимая гулкую пустоту, которая тянется от кафельных плиток площадки на первом этаже до стропил под коньком крытой кровельным железом крыши.

А в квартире, в их бывшей квартире, в ее любимом кресле, обтянутом толстой кожей цвета какао, сидел и дожидал-

ся его прихода давно уже покойный, оплаканный и неоднократно помянутый в застольях добрым словом Мангуст. Сутулый, постаревший, полысевший – этакий дядечка, давно перешагнувший за пятьдесят, но с прежним металлическим блеском во взгляде и, как и раньше, смертельно опасный.

– Умка!

Сергеев вначале даже не отреагировал на мужской голос, раздавшийся за спиной. Голос был молодежавый, звонкий. По такому голосу сложно определить возраст говорящего. Бывает, что такой тембр человек сохраняет от семнадцати и до семидесяти лет, и если по каким-то внутренним причинам голос не бросается догонять хозяина, то, даже не видя человека пару десятков лет, можно узнать его по нескольким фразам, не заглядывая в лицо.

Этот голос, произнесший его интернатскую кличку, которую Михаил успел давно забыть, был ему определенно знаком. Голос из прошлого – далекого прошлого.

– Умка, – повторил за спиной мужчина, – это ты?

А он уже почти представил себе говорившего. Был он небольшого роста, светло-русый, веснушчатый, круглолицый и толстоногий. Волосы на макушке всегда стояли торчком – словно хохолок у волнистого попугайчика. Носом, правда, он на попугайчика похож не был – нос был воронежский, среднерусский – картошечкой. Летом, в пионерлагере, в Евпатории, эта картошечка облезала, веки припухали

от солнца и краснели, а веснушки покрывали и лицо, и спину, и грудь сплошным слоем – словно наглые, рыжие лесные муравьи. Звали это четырнадцатилетнее чудо природы Вова Блинов, но так официально его никто не называл. Все воспитанники Московского интерната № 15 (специального интерната, для детей сотрудников МИДа и советских специалистов, находящихся в длительных командировках за рубежом) звали его не иначе как Блинчик.

Последний раз Блинчика Сергеев видел более двадцати лет назад – было это уже после смерти родителей Сергеева. Родители Блинчика успели вернуться из Пакистана, когда советских специалистов-строителей начали находить в колодцах, с перерезанными шеями, а вот чета Сергеевых не успела, и в одном из таких колодцев осталась навсегда.

Михаил помнил день, когда узнал об этом. Тогда в интернат приехал его дед, отец матери, полковник Рысин – седой, сухой старик с вечно недовольным выражением лица, мохнатыми, как у тогдашнего генсека, бровями и гладко выбритым, вздернутым подбородком.

Дед внука Мишу визитами не баловал и с двумя своими дочками особо не родичался. Со своей первой женой, родной бабушкой Сергеева он расстался давным-давно, лет за десять до ее смерти. Вторая его жена – дама без возраста и без других особых примет, кроме острого, как клюв вороны, носа, – была сильно пьющей заведующей общим отделом одного из столичных райкомов КПСС, тоже долго не продержалась. И

в настоящий момент был он женат на женщине лет на тридцать его младше – пухлой блондинке, с короткими, похожими на куриные окорочка, ногами и влажным взглядом туповатых блекло-голубых глаз навывкате. Означенная дама никем не работала и, по дедову замыслу, должна была создавать ему семейный уют.

Новая дедова жена его прежнюю семью не жаловала, а дед – Александр Трофимович – делами прежних родственников старался не интересоваться, так как в жизни своей, наверное, никого не любил – по полной своей неспособности к данному процессу. Ни старую жену, ни новую, ни детей своих, ни внуков – единственное существо, к которому он питал трогательную привязанность, был он сам – великолепный и неповторимый. Даже новая, сравнительно молодая жена нужна ему была только для того, чтобы в очередной раз восхититься самим собой, – вот, оказывается, как мы еще можем!

Миша деда не то что не любил – просто не знал. Не выдавалась такая возможность – узнать. Пока родители были то в Индии, то в Пакистане, то в Иордании, то в Египте – дед навещал Сергеева четко по графику: один час, третье воскресенье месяца, с 16 до 17 часов. Раз в три месяца – семейный обед. Второе воскресенье месяца. Три часа с дорогой – с 14 до 17 часов. Прикосновение сухих дедовых губ ко лбу, три десятки, красные купюры с профилем вождя, вложенные дедом в карман внука. Влажные, как плохо прожаренные оладьи, вытянутые в трубочку, губы дедушкиной пассии, после

поцелуя которых до смерти хотелось вытереть щеку, но было нельзя. Никак нельзя – дед мог обидеться, а он был единственным связующим звеном между Сергеевым и миром за стенами интерната.

Тетка, сестра матери, живущая в Киеве, была не в счет – хоть и писала она племяннику регулярно, и в гости к ней он ездил не одно лето подряд, и отношения между ними были по-настоящему хорошими – родственными.

Родители отца во Владивостоке тоже во внимание не принимались. Миша и видел их всего раза три-четыре – просто знал, что они есть. А дед, какой он там ни был, находился рядом, в Москве, и хоть и поддерживал связь с внуком по расписанию, но все-таки... Все-таки...

В тот день, неурочный день, Сергеев точно помнил – была среда, середина апреля, дед внезапно появился в интернате – Мишу вызвали к директору прямо с урока химии. В конце урока планировалась самостоятельная, ни Сергеев, ни Блинчик к ней готовы не были. Но Сергеев, который не зря имел прозвище Умка, химию все же знал, и Блинов надеялся на его помощь, как на помощь существа высшего порядка. И когда Сергеева вызвали в директорский кабинет, Блинчик, понимая, что надеждам на благополучный исход урока пришел конец, смотрел ему вслед тоскливо, как брошенный на произвол судьбы щенок.

В кабинете директора Мишу ждало вовсе не спасение от тройки, а бледный, разом постаревший, но не утративший

лоска дед, завуч с испуганными выпцветшими глазами снулой рыбы, взволнованная классная дама Маргарита Тихоновна, постоянно хлюпающая носом. И страшная весть тоже ждала, притаившись в складках дедова рта.

Сергеев шел к выходу, еще не зная, что уходит не на последние пятнадцать минут урока химии, а навсегда. Что его родителей уже нет в живых, что дед его, действующий полковник ГРУ, уже решил внести коррективы в его дальнейшую судьбу по собственному разумению – да и советоваться, собственно говоря, ему было не с кем и незачем.

Часы бесстрастно отсчитывали последние минуты детской жизни, а Миша думал о том, как ему повезло с самостоятельной, которую теперь не придется писать, как не повезло Блинчику, которому светит четвертная тройка и, как следствие, тройка за год. А родители Блинова, которые в июле приедут в отпуск, таким его успехам точно рады не будут.

И вот, через несколько десятков лет, Сергеев услышал голос за спиной и за те секунды, что понадобились ему для того, чтобы поставить бокал на столик и обернуться, успел вспомнить и тот апрельский день, и затрепанный томик «Страны багровых туч», и холодок майского моря, и даже мелких евпаторийских песчаных крабов, которых Блинчик додумался варить в стакане при помощи кипятильника.

– Привет, Блинчик, – сказал он. – Давно не виделись!

Владимир Анатольевич Блинов выглядел импозантно, но школьному своему прозвищу соответствовал даже более,

чем много лет назад. Лицо его с годами сделалось еще более широким и круглым, волосы на голове остались только в «ленинском» варианте, веснушки стали грубее и заметнее. Рост его превышал габариты по ширине едва на треть – круглый, тугой живот выпирал из дорогого однобортного пиджака, словно груди из тесного корсета. Лацкан пиджака был украшен депутатским значком. Импозантность импозантностью, а время явно не добавило Блинчику внешнего шарма, но голос изменить не смогло, и это почему-то было Михаилу очень приятно.

Блинчик улыбнулся безупречной фарфоровой улыбкой, но при этом так искренне и тепло, что Сергеев совершенно непроизвольно широко улыбнулся в ответ.

– Умка! Чертяка! Сколько лет прошло? Господи!

Блинов попытался прижать его к груди, но в результате получилось совершенно наоборот: Блинчик, охватив рослого Сергеева коротенькими ручками, трогательно положил ему голову на грудь, повторив мизансцену возвращения блудного сына, только на колени ему становиться для этого не пришлось.

– Как я рад тебя видеть!

– И я тебя, Володя, – сказал Сергеев, не кривя душой. – Тесен мир, Блинчик, ох как тесен!

Встретить человека, с которым расстался двадцать лет назад в московском интернате, в холле киевского Дома кино на национальной премьере фильма «Гетьман», приглашение на

которую прислали Криворотову, а пошел, чтобы не обижать пригласивших, его зам – пусть фраза звучит банально, но что тут можно сказать, кроме того, что мир действительно тесен.

– Как ты, Миша? Где?

Главный вопрос был «Откуда», но всему свое время.

– Я в порядке, как видишь. В МЧС, зам Криворотова по общим вопросам. Я почти год в Киеве.

– С ума сойти! – удивился Блинов. – Ты – и чиновник! А до этого? Я тебя искал пару раз, через ребят интернатских. Колюню спрашивал, Тараса и даже Рашида. Ты как сквозь землю провалился! Никто и ничего! Ты, Сергеев, – летучий голландец! Марго сказала, что тебя забрал дед, – и все! Слушай, хрен с ним, с фильмом! Я тебя из рук не выпущу, и не мечтай! Ты один?

Сергеев ждал Вику, которая, против обыкновения, опаздывала – вообще-то она была по-мужски пунктуальна.

– Да нет, я с подругой, – сказал он, – она будет с минуты на минуту.

– Кто у нас подруга? – спросил Блинчик.

– Ты ее, скорее всего, не знаешь, – на всякий случай сказал Сергеев.

– Ой ли? Ох, Умка, я в этом городе, пожалуй, знаю всех симпатичных женщин.

Физиономия у Владимира Анатольевича стала самодовольная. Михаил невольно вспомнил, как краснел юный Блинчик в далеком детстве, когда речь заходила о девочках.

Слово «секс» тогда было не в ходу – существовало множество эвфемизмов, которыми они тогда пользовались. И любой из них вызывал у Блинчика исчезновение веснушек на фоне общего изменения цвета кожи. А нынче... Неужели Блинов стал бонвиваном? Верилось, если говорить честно, с трудом, но время меняет людей.

– А я не симпатичная, я красивая, – сказала Вика, выныривая из-за спины Блинова, – или ты, Володенька, в этом сомневаешься?

– Вот это номер! – Блинчик, похоже, действительно удивился. – Вика?! Умка, так это твоя подруга? Офигеть! Какой маленький город – Киев! Все друг друга знают!

– Умка? – сказала Плотникова удивленно. – Это ты, что ли, Умка, Сергеев? Это партийная кличка?

– Это детская кличка, – сказал Блинчик. – Он тебе не говорил?

– Он у меня неразговорчивый. А, собственно, откуда ты, партайгеноссе, знаешь его детскую кличку? Вы что – друзья детства? Вот так сюрприз! Слушай, Сергеев, мне уже начало казаться, что в Киеве тебя никто не знает – ан нет! Нет, я серьезно, Блинов, вы что, учились вместе? Так ты вроде москвичом когда-то был?

– Мы учились вместе, – сказал Сергеев без особого желания. – И не виделись очень много лет.

– У нас даже кровати рядом стояли, – Блинчик с широкой улыбкой приобнял Плотникову за плечи. – Слушай, акула

пера, как же это ты еще не разнюхала ничего о наших общих делах? Просто непохоже на тебя!

– Интригуете, мальчишки! Чувствую, чувствую запах жареных фактов! О стоящих рядом кроватях прошу поподробнее!

– Слушайте, ребята, – сказал Блинов, – ну, не задалось у нас сегодня с искусством! Поехали куда-нибудь! Выпьем, посидим, повспоминаем. Сергеев, я тебя из клыков не выпущу, сразу говорю – готовься! Мне Ступка все равно по секрету сказал, что фильм – редкое говно!

– Я не против, – согласилась Вика без жеманства, – не каждый день третий номер в списке национал-демократов приглашает выпить и поговорить. Соглашайся, Миша, соглашайся!

– Ты третий номер в НДПУ? – ошеломленно спросил Сергеев Блинчика.

– Точно, – ответила Вика за него.

Сам Блинов с виноватым лицом развел руками.

– Есть такая партия!

– Не просто третий номер в списках – партийный лидер. Теневой, правда, да, Володенька?

– Клевета, – сказал Блинов не краснея. – Журналистские домыслы, грязные слухи. Я – простой партийный функционер, бедный депутат, член фракции.

Любители киноискусства, заполнявшие холл Дома кино, потянулись ко входу в зал. У стойки буфета быстро доходили

до кондиции несколько хорошо одетых мужчин с печальными лицами. Жены, топтавшиеся рядом с ними, тянули мужей приобщаться к прекрасному.

– Врет, – сказала Вика, обращаясь к Сергееву, – врёт наглым образом. Как ты называл его в детстве, а, Миша?

– Я сам могу сказать, – вмешался Владимир Анатольевич. – Сугубо по фамилии – Блинчик! Я был маленький и толстенький.

Вика посмотрела на Блинова так, что Сергеев, неплохо изучивший ее мимику, мог с точностью сказать, о чем она подумала: «С тех пор ты не вырос и не похудел!»

И, если не кривить душой, это было чистой правдой.

Но вслух Плотникова сказала:

– А теперь, Миша, его называют Советник. А кто поначитанней – Кардинал. А был просто Блинчик. Как растут люди! Превосходно! Я могу об этом написать?

– А вот это мы обсудим в процессе, – заявил Блинчик со смехом. – И решим за рюмкой чая. Миша, ты не против, если место для посиделок выберет Вика? Только одна просьба – без официоза, по-домашнему!

– Поехали к «Тарасу» – сказала Вика, – там столы точно не прослушивают. И обстановка – как в «потемкинской» деревне. Не в казино же в самом деле ехать?! Там не поговоришь.

Сергееву было все равно, куда ехать. Он был рад встрече с Блиновым и несколько удивлен фамильярной легкости, с

которой Плотникова и партайгеноссе НДПУ общались между собой.

За тот год, что Сергеев прожил и проработал в Киеве, он старался быть подальше от политики, зная, что она не только квинтэссенция экономики, но и довольно паршивая и опасная штука. К тому же очень часто приводящая к летальным исходам тех, кто полагает, что в нее можно играть на среднем уровне.

Как всякий живущий в стране, он знал о НДПУ, много раз видел по телевидению лидера партии – господина Титаренко – и даже слышал фамилию Блинова. Но мало ли на Украине Блиновых? Их тут, как в Бразилии Педро, не сосчитать! То, что его соученик и товарищ по детским играм оказался одним из лидеров партии, имевшей в Раде большинство, было не просто удивительно – невероятно, но Сергеев мог, не напрягаясь, вспомнить столько совершенно невероятных вещей, которые становились реальностью в мгновение ока, что еще один свершившийся факт в изумление его не ввергал.

– Годится, – сказал Блинчик. – Миша, ты на машине?

– Да.

– Давай ключи. Охранник поведет, а после ресторации отвезет вас домой. Сядем ко мне. Так удобнее.

Действительно, в Блинчиковом лимузине было удобнее.

Охранник рысью побежал к сергеевской «тойоте» и, пока лимузин разворачивался на Саксаганского, успел сесть им на хвост.

Блинчик, предоставив гостям заднее сиденье, демократично уселся рядом с водителем, вызвав предынфарктное состояние у своего начальника охраны. Джип сопровождения возглавил кортеж. На Подол все три машины приехали одновременно. Время в пути было заполнено легким, ничего незначащим трепом, в котором Сергеев принимал чисто номинальное участие: какими-то киевскими анекдотами, упоминаниями общих знакомых, намеками, шутками о политическом бомонде. И Блинов, и Вика чувствовали себя как рыба в воде – одна терминология, одни приемы, одна среда. Сергеева ни на секунду не оставляла мысль, что Вика «работает» Блинчика. Впрочем, Блинчик в равной степени «работал» Вику. Тут у Михаила глаз был наметан – взаимность у дамы его сердца и друга его детства была полная.

«У Тараса» дама-распорядительница, на лице которой было написано высшее образование и глубокая радость оттого, что столь важная персона посетила их заведение, одетая в псевдонациональный костюм, провела их в один из боковых кабинетов – охрана немедленно заняла середину зала. Грамотно, как заметил Сергеев, заняла. Толково. Зонированно, с перекрытием секторов. И снаружи кто-то остался. Хлеб свой перепуганный начальник безопасности ел не зря.

Слуга часто говорит о хозяине больше, чем сам хозяин скажет о себе. Охрана у Блинчика была не для «понта» – серьезные ребята для решения серьезных проблем. А значит, и это тоже было очевидно, хозяин предполагал, что пробле-

мы могут и появиться, если уже не появлялись в прошлом. Просто так, без потерь и опасностей, на политический олимп никто не взбирается – это тебе не по бульвару пройти. И Блинчик, хоть и выглядел милым плюшевым мишкой, уж никак таким мишкой не был. И сколько народа поминало его без особой любви – Сергеев мог только догадываться.

– Значит, так, – сказал Блинов, потирая руки, – нам, хозяйюшка, водочки! Да, Миша? И салца нарежьте, с прожилочкой! И огурчиков ваших, бочковых! Вика, мы-то по-мужски, по-простому, а ты что будешь? Может, вина?

– Ага, – сказала Плотникова, закуривая свою гвоздичную сигарету, – к салу – и вина! Я уж сегодня с вами тоже по-простому – по водочке.

– Ну, – обрадовался Блинчик, – вот и ладушки! Отлично! Тогда нам всем одинаково! Весь набор, хозяйюшка! Холодец, смалец с чесночком, колбаску домашнюю горячую. Картошечку в мундирах – обязательно!

– Может, водочки – две? – осторожно спросила распорядитель.

Вика хохотнула.

– Ну все! Встреча старых друзей! В живых никто не останется!

– Да нет, девушка, – смутилась распорядитель, – просто под закуску, которую Владимир Анатольевич заказал...

Стол накрыли обильно и быстро. Так же быстро выпили по первой – из запотевших граненых рюмочек. Водка была

холодной, огурчики хрустящими, сало мягким и вкусным.

– Ну, – сказал Блинов, закусывая, – рассказывай, где ты столько лет пропадал?

– Да что рассказывать – Россия – большая страна. Мой дед – военный строитель. Где я только не был...

Он щекой чувствовал на себе взгляд Вики – он просто давил ему на кожу скулы.

И еще он чувствовал, что ни она, ни Блинов не верят ни единому слову. Но говорить хоть что-то надо было. И он знал, что говорить.

Легенды для всех них придумывали не самые глупые люди. Но было одно «но»... В легенду надо было верить. И для каждого случая была своя легенда. А случай сейчас был особый.

Почему ему не верила Вика – он понимал, а вот Блинчик... Блинчик должен был внимать. У него просто не было оснований сомневаться! Дед Сергеева, которого Блинов видел несколько раз, действительно носил в петлицах значки инженерных войск, и если Блинов помнил, а он, в принципе, помнить не мог, не должен был, то...

Но все рассуждения были лишними – Блинчик смотрел на Сергеева хитрыми щелочками глаз, хрустел квашеной капустой, наливал водочку в маленькие стопочки – «гранчаки», причмокивал губами и внутренне хохотал – тут Михаил мог дать голову на отсечение.

В принципе, все это не имело ровным счетом никакого

значения. В конце концов, проверить сказанное было очень трудно, но если бы Блинов и задался такой целью, то был бы сильно разочарован.

Фамилия Сергеева действительно числилась в списках личного состава всех тех частей, которые он упоминал. Механизм работал. Страны и Конторы, на которую они трудились, не существовало уже больше шести лет, но то, что было нужно, делалось. Инерция – очень серьезный фактор. Бумаги, личные дела, частные определения, выговоры, приказы – все это дожидалось нужного момента. И в тот момент, когда запрос начинал свой путь по коридорам архивов, можно было сказать точно – на выходе, на стол лягут те самые бумаги, которые были сфальсифицированы добрый десяток лет назад. Как будто бы те, кто тогда стоял у руля, предвидели и путч 91-го, и Беловежские соглашения, и тот развал, который постиг налаженный аппарат, бывший и благословлением, и проклятием исчезнувшей страны.

«Ах, какой контрразведчик из тебя бы получился, дружище, – подумал Михаил, в очередной раз поднимая стопку, чтобы чокнуться с Блинчиком и Викой, – ведь никак ты не можешь знать наверняка, говорю я неправду или нет. Неоткуда тебе знать. Но интуиция подсказывает тебе верно. А интуиция в нашем деле – первая вещь».

И продолжал вдохновенно врать про Алтай, Камчатку и Мангышлак, Кубу и прочие места, где тянулись к небу возведенные не им объекты, но к которым он, по неоспоримым

документам, имел непосредственное отношение.

– С ума сойти! – восторженно сказал Блинов. – Вот это да! И как после такого променада тебя потянуло в родные пенаты? И дым отечества нам сладок и приятен? Ну чего ты, дурилка, не остался там, в далеких странах? С твоей профессией и навыками – какая разница, где и что строить? Ты сколько языков знаешь?

– Четыре, – сказал наконец-то правду Сергеев. – Это свободно. Но дело не в языках. Домой хотелось. Очень.

– Слушай, Володя, – Вика чуть выпила, покраснелась и стала еще привлекательней, – а почему ты называешь его Умкой?

Блинчик хмыкнул.

– Мультик помнишь? Про медвежонка Умку? Тот, который белый медведь?

Плотникова кивнула.

– А твой суженый был у нас умник, и звали его Миша. Прямой ассоциативный ряд.

– У нас тогда в моде было придумывать друг другу клички, – сказал Сергеев.

– Как у бандитов? – спросила она с ехидцей.

– Господь с тобой, Вика! – рассмеялся Блинчик. – Тогда были в моде не бандиты, а революционеры. Это у них были партийные клички.

– А мы еще не понимали, – добавил Михаил, – что, в сущности, это одно и то же.

– Меняются времена – меняются герои, – сказал Блинов, скромно потупив глаза.

– Ну а ты, Вова? – спросил Сергеев. – Как ты здесь очутился? Ты ведь у нас имел пропуск в московский бомонд. При чем тут Украина? При чем тут национал-демократы? Я и подумать не мог, что тот Блинов и ты – одно и то же лицо.

– А у нас Владимир Анатольевич лицо не показывает, он политик непубличный, – Вика выпустила в воздух тонкую струйку дыма и улыбнулась. – Телекамеры не любит, фотографов не допускает, журналистов не приемлет на молекулярном уровне. Да, Володя?

– Тебе-то грех жаловаться, Виктория, – возразил Блиничик, намазывая на маленькую гренку черного хлеба смалец, – от тебя не отобьешься. Ты у нас не журналист, ты у нас – голос свободы! Попробуй тебе отказать – ты сразу к Сидорчуку звонить. Тебе я интервью даю. Так?

– Так, – согласилась Плотникова. Но при этом глядела насмешливо, щуря свои желтые глаза.

«И не от дыма, – подумал совершенно не хмелеющий Сергеев, – совсем не от дыма. Просто интересно, откуда они так хорошо друг друга знают. И не очень любят. И совсем-совсем друг другу не доверяют».

– За что и предлагаю выпить, – провозгласил очередной тост Блинов. – Я встретил старого друга, а он оказался другом той самой Виктории Плотниковой. И это приятно вдвойне. Я даже тебе чуток завидую, Миша. Давайте, друзья, по

семь граммов! За встречу и за красоту!

За встречу и красоту было выпито незамедлительно.

Сергеев отметил про себя, что он все же не единственный, кто умеет пить за этим столом. Блинчик, скорее всего, был еще тот боец – с луженым желудком и печенью с пропускной способностью три литра водки в час. При его работе иначе нельзя. И положение, и традиции обязывают.

Вика, как он уже имел возможность наблюдать за год их знакомства (связи, дружбы, любовных отношений – он еще сам не знал, как называть то, что было между ними), тоже была не подарок, правда до определенного момента. Перевалив через разрешенную дозу, она становилась лицом страдальческим, как в прямом, так и переносном смысле, но до этого было еще ой как далеко. Впрочем, все зависело от темпа. А стартовали они резво.

– А на Украину я попал давно, – сказал Блинчик, аппетитно хрустя соленым огурчиком, – когда родители вернулись. У отца что-то там, в столицах, не задалось. То ли он кого послал подальше, то ли его кто послал... В общем, закрыли выезд, потом выперли из главка, и, если бы не его связи, поехали бы мы всей семьей на твой любимый Мангышлак или еще в какой Перезвездянск Иркутской губернии. А так – почетная ссылка. Сначала в Днепр, потом в Харьков, потом в Киев. В Киеве, на наше счастье, у отца был друг в ЦК, он папу и пригрел. Я перевелся из Харьковского универа в Киевский на экономику. Успел поработать в КМО, у Чижана, и,

когда мы вдруг осознали себя независимыми, я, слава богу, не успел рвануть в Москву, как собирался. Знаешь, столичный синдром, рубиновые звезды и прочее... А потом мы с Петькой решили, что и Киев – тоже столица, не хуже некоторых. Нечего дурью маяться.

– Петя – это Сидорчук, – пояснила Вика, скрывая усмешку. – Петр Виленович. Его-то ты знаешь. Слышал. Второй после Титаренко.

– Ага, – ухмыльнулся Блинчик благожелательно, – с Сидорчуком мы еще в универе дружили, так и пошли дальше по жизни.

– И неплохо пошли, надо сказать, – прокомментировала Плотникова, – далеко. Они у нас были, как Чук и Гек. Как Атос и Портос. Как там у О'Генри – как мясо и картошка!

– Вика, – укоризненно заметил Блинчик, – ну чего ты, мать, ехидничаешь? Ты сама Петю лет десять знаешь, не меньше. Он у нас мужик достойный, во всех смыслах. При чем тут Чук и Гек? Ну дружим мы. Ну бизнес у нас общий...

– Ты мне скажи, Блинов, – сказала Вика весело, – какой у депутата может быть бизнес? И у государственного чиновника? Ну какой? Ты что, законы не читаешь?

– Не поверишь, мать, не поверишь! Не читаю! На хрена мне это все читать – я их пишу!

И Блинов расхохотался. Искренне, заразительно. Почти как в детстве, когда кто-то рассказывал что-то веселое. Но это был смех сильного – очень сильного, уверенного в себе

человека.

«Смех победителя», – подумал Сергеев, выискивая в лице Блинчика знакомые черты.

Они были, конечно, но, чтобы их увидеть, надо было при-
сматриваться – словно через толщу чуть замутненной воды
пытаться разглядеть что-то на дне реки.

– Учись, – сказала Вика, обращаясь к Михаилу. – Вот как
надо рассуждать! Здоровый цинизм современного политика.
А ты носишься со своими принципами.

– Я не политик, – сказал Сергеев. – Я чиновник.

– Ну, это ты, Умка, загибаешь, – пророкотал Блинчик ва-
ляжно, нагнувшись над столом, чтобы в очередной раз на-
полнить рюмки. – Хороший чиновник – всегда политик. Он
готов к этому шагу – готов стать политиком. Он умеет ждать,
анализировать, лавировать...

– И предавать, – вставила Плотникова.

– И предавать, – согласился Блинов. – Куда ж без этого?
Это уже на инстинкте – как дышать. Но...

Он предостерегающе поднял палец.

– Только до определенного уровня. Нужно вовремя пони-
мать, когда пора остановиться. А то, не успеешь оглянуться,
а тебя уже нет. Есть и в этом деле свои тонкости. Но не будем
о грустном. По семь граммов! За преданность идеалам!

– За чью? Твою, мою или Сергеева?

– Какая разница, Вика? За нашу преданность разным иде-
алам – они ведь у каждого свои!

– Мудрый ты мужик, Блинов, – сказала Вика, глядя пальцем насмешливо приподнятую бровь, – просто кладезь мудрости. За это грех не выпить!

И они выпили еще.

Настроение, если честно сказать, было хуже никуда. Болело бедро, болело в паху, болел левый локоть, саднила губа. И щеку пекло огнем. Не человек – а сплошной синяк, покрытый ссадинами. Пока уровень адреналина в крови не упал, Сергеев шел по тропе, как молодой шерп по горам, чуть ли не подталкивая в спину шедшего впереди Молчуна.

Но время шло, стало понятно, что никто ни за кем не гонится, адреналин в крови начал распадаться под действием молочной кислоты, и тут-то Михаил и почувствовал, что ему не тридцать. И не сорок. И даже не сорок пять.

Молчун, наверное, тоже зашибся при падении, но и вес все-таки не тот, и года другие – он шагал, может быть, не так энергично и легко, как обычно, но в темпе, который для Сергеева стал физически невозможен.

Когда сердце уже прыгало в горле, словно накачанный водой мяч, и его стук отдавался в барабанных перепонках тревожным набатом, Сергеев сдался и прохрипел в узкую мальчишескую спину:

– Стой. Привал.

И, не успев договорить, рухнул полубоком на прелую пахучую хвою у подножия старой сосны.

Он лежал на животе, придавленный к земле тяжестью сползшего на сторону рюкзака, приклад обреза давил ему на ребра, но все это было ничто в сравнении с чувством облегчения, которое он испытал. Больше не нужно было идти. Никуда.

Он с трудом выпростал правую руку из лямок и перекатился на спину. Над ним, высоко, метрах в пятнадцати, ветер играл с кроной сосны, качались бугристые, светло-коричневые ветви, и шуршание иголок было похоже на шелест волн. Морских волн.

Когда он последний раз был у моря? Год назад? Или полтора? Надежда умирает последней – ему так хотелось услышать, как кричат чайки, скользя над белыми барашками волн. Хотя он наверняка знал – чайки там больше не кричат.

Волна превратила море в радиоактивную помойную яму и на украинском, и на турецком побережье. И на российском, румынском, абхазском, грузинском и болгарском тоже. Не было больше Черного моря. Древний Понт Эвксинский умер, приняв в свою утробу миллионы тонн отравленной воды, миллионы трупов, миллионы тонн мусора и тысячи тонн изотопов и химических веществ.

Когда Волна, со скоростью более 500 километров в час, прошла семидесятиметровой стеной через устье Днепра и обрушилась в соленые воды, сметя туда заодно и Одессу, старое море содрогнулось в агонии. Казалось, чаша, заполненная им, качнулась, и тяжелый удар выплеснувшихся через

край вод стер с лица земли прибрежные города, не делая различий ни по национальному, ни по географическому признаку. Это был конец пути. Дальше Волне было идти некуда.

Сергеев впервые вышел к морю весной, и было это спустя три года после Потопа. Открывшаяся перед ним картина чуть не заставила его, много повидавшего и много потерявшего, разрыдаться.

Крымский перешеек тогда еще охранялся из рук вон плохо. Татары и остальные обитатели полуострова уже договорились между собой и, вместо того чтобы гоняться друг за другом по горам с автоматами и лозунгами, принялись строить в горах дожdesборники и системы очистки воды. Было не до амбиций, надо было выживать.

Сергеев легко перешел границу полуострова и только за Симферополем едва не нарвался на летучий отряд крымчаков. Отряд был конным, что удивляло несказанно. Ладно, что лошадей надо было кормить – их надо было поить, а с водой на полуострове было плохо. Очень плохо.

От всадников Михаил благополучно спрятался в развалинах безымянного села и через сутки вышел к перевалу. Через несколько километров пути открывался вид на Алушту, когда-то осыпавшую белыми зданиями побережье, и на синеву моря, простиравшегося до горизонта.

Издалека море оставалось синим. А вот Алушта, закопченная, потемневшая от пожаров после уличных боев, полуразрушенная, лежала внизу неузнаваемой. На обочине за-

мер сгоревший троллейбус, простреленный до полупрозрачности. Деревья вдоль дороги поредели – надо было как-то топить эти три зимы.

Навстречу, по направлению к перевалу, шла женщина с ребенком – молодая еще, но совершенно лысая под сбившимся платком. Девочка лет семи, в ситцевом платье, одетом поверх клетчатой рубашонки и джинсов, вела на мохнатой веревке тощую измученную козу, волочившую чуть ли не по асфальту полупустое, похожее на старую перчатку, вымя.

Рядом шел, зыркая настороженно из-под бровей, щуплый мужичок в милицейских штанах, «вышиванке» и оранжевых «вьетнамках». На руках у мужика примостился турецкий «волк», а тридцатизарядные «рожки» к нему были вполне профессионально сдвоены с помощью синей изолянтной ленты. У Сергеева сложилось впечатление, что охранял мужичок в большей степени козу, а не женщин.

На спуске он встретил еще несколько человек – все были вооружены и смотрели недоверчиво. Перед самой Алуштой Михаил обогнал старика, толкавшего перед собой искореженную детскую коляску, на которой стоял разошедшийся улей.

Он шел к морю, которое не пахло морем. Стоял апрель, солнце уже начинало припекать по-настоящему. А чайки не кричали и не вились над водой. Их не было. Море было мертвым.

Галька, на которую накатывалась мертвая вода, покрывалась коричневой пеной, которая быстро съеживалась и исчезала под солнцем. У кромки берега не было ничего, кроме гор мусора, выброшенного морем. Весенние шторма не принесли ни пучка водорослей – только пластиковые бутылки, целлофан, тысячи разных предметов – начиная от сгнивших сидений от стула и заканчивая смятым, но вполне годным оцинкованным ведром.

Среди мусорных куч бродили местные жители, промышлявшие переборкой даров моря, но к воде они старались не прикасаться.

Сергеев прошел по некогда многолюдной набережной до самого Рабочего уголка и там, поднявшись в гору над обрушившимся яхт-клубом, чтобы не маячить на открытом месте, съел два армейских сухаря, запивая их теплой, невкусной водой из фляги. Потом он лег отдохнуть, подложив под голову рюкзак, с АК-74 у правой руки. И над ним, так же как сегодня, шуршала иглами сосна. А внизу плескалось то, что раньше было морем.

Посмотрев на сидящего с закрытыми глазами Молчуна, Сергеев приподнялся, достал из кармана рюкзака GPS и сориентировался с точностью до 5 метров. Они отклонились от точки встречи на северо-восток и теперь были в шести километрах от дебаркадера и, ко всем неприятностям, еще и на другой стороне реки.

Михаил сверился с картой. Этот берег, конечно, не сахар,

но ни болот, ни крутояров на нем нет. Ровненько. Вот тут можно срезать чуток – метров с восьмьсот, если бурелом не попадется. А вот русло, если верить карте, дальше расширялось, и существенно. Он прикинул масштаб и определился – метров сорок – сорок пять от берега до берега. Летом – никаких проблем, но при сегодняшней температуре воды... Мда... Он провел пальцем по пластику карты, следуя течению реки. Мост. До него чуть более десяти километров. Дальше по дороге, если получится, здесь через лог, нормальный такой лог, вполне проходимый, и схорониться есть где, но крюк получается километров под двадцать. Он усмехнулся про себя и почесал подбородок. Бородка стала шелковистой после невольного купания.

Как говорил незабвенный Рэдрик Шухарт: «Кривой дорожкой – ближе». Если бы по прямике идти – часа четыре, вразвалочку. А так – до темноты осталось часа полтора. Придется рискнуть и продолжать двигаться. За полтора, ну от силы два часа можно выйти к мосту. Вот одно только – есть ли он еще, этот самый мост. Там ночевать все равно придется, хочешь не хочешь. А наутро... Наутро, если моста нет, надо переправляться и идти назад, к дебаркадеру, со всем возможным усердием. И надеяться на то, что Али-Баба останется ждать еще сутки. Что с ним ничего не случилось, что он не ввязался в перестрелку, не нарвался на патрули или, вот еще напасть, на охотников, которых еще утром Сергеев считал мнимой величиной. Михаил потрогал напухшую, что

твоя оладья, губу и покачал головой. Ничего себе, мнимая величина, едва ноги унесли. Если унесли, в самом деле.

В любом случае лежать и прохлаждаться времени нет. Надо идти. I am too old for this shit. Но кого это волнует?

Сергеев закричал и с трудом поднялся на ноги. Сидящий Молчун смотрел на него снизу вверх оценивающе, с сочувствием. Бог с ней, с оценкой, а вот сочувствия, чтобы не сказать, жалости, в его взгляде видеть не хотелось бы.

В поясище стрельнуло в тот момент, когда Сергеев забрасывал на плечи рюкзак. Он опять застонал и закричал одновременно, и тут же ощутил, как «станок», подхваченный жилистыми руками юноши, легко и удобно лег на плечи.

«Дожился», – подумал он зло.

С одетой сбруей оглянуться через плечо не получалось, и Сергеев повернулся всем корпусом, ожидая встретить тот же полный сочувствия взгляд. Но Молчун на него уже не смотрел – подтягивал пряжку ремня, крепящего к рюкзаку спальник, всем своим видом давая понять, что ничего не произошло.

«Корректный мальчик. Понимающий», – Сергеев сам не понял, чего было больше в этой мысли – иронии или самоиронии. Если судить по болевым ощущениям и той усталости, которая навалилась на него, как тяжелая смердящая туша, самоирония была более уместна. А вот испытанная злость не уместна вовсе. На кого и за что было злиться? На возраст? На ушибы? На то, что Молчун, видя, как ему тяже-

ло, помог набросить груз на плечи? Так давно пора понять, что ты не супермен, не Бэтмен, мать бы его так, а усталый мужик на пороге пятидесятилетия. Ломаный, стреляный, жизнью побитый. Тебе не в мешке на болотах ночевать надо – в теплой постели, с любимой женой и слабительным перед сном.

Идя размеренным шагом по заросшей сухой травой тропинке, Сергеев усмехнулся в усы, вспомнив давно забытое чувство утренней неги – теплого прикосновения простыней, шелковистой кожи, запаха сонного тела. Слабительно-го, правда, не было, а вот жена рядом была, и постель была теплой.

Самое удивительное было в том, что стоило Сергееву захотеть, и этот экстрим навсегда бы остался в воспоминаниях.

Он мог бы безо всяких усилий осесть в Москве, где нынче стал частым гостем.

Раньше он думал, что после 1993-го бывшая столица бывшей Родины закрыта для него навсегда. Все они думали так с того самого момента, как Шаман сказал «нет» и не повел их на штурм Белого дома, прекрасно понимая, что своим «нет» ставит подпись президента на приказе о роспуске их подразделения.

С того момента, как их Контору расформировали, а остатки личного состава – его друзья, те, кого начитанный сверх всякой меры Дайвер называл «веселой компанией», – еще несколько лет работали неизвестно на кого, но уж точно не

на бывшее родное государство.

Ему сейчас было бы даже уютно в российской столице, уже ставшей на девять десятых столицей Империи, а не Федерации. Он знал там многих, и многие (кто на счастье Сергеева, кто на его несчастье) знали его. Костя Истомин, например, решил бы вопрос о легализации Сергеева в момент.

Он мог бы податься во Львов, к конфедератам, его приняли бы и там – Богдасик не последнее лицо в Львовской раде. И опять же Роман Шалай – начальником Службы безопасности у гетмана Конфедерации Стецкива.

Варшава, Минск, Будапешт, Мадрид, Берлин и Лондон – любая из европейских столиц приняла бы его без труда, в любом из этих городов Сергеев бы растворился, превратившись в полноценного гражданина, мирно сидящего в кафе на тихой пешеходной улочке и попивающего пиво из высокого запотевшего бокала простого стекла.

При мысли о вкусе ледяного пива Сергеев споткнулся и сбился с шага. Не то что он хотел бы пива немедленно – было холодно, но уж больно хороша была картинка.

Теплый осенний вечер. Тени на брусчатке, маленький столик с кругом из толстого стекла поверх белой, накрахмаленной скатерти. Сигарилла, дымящая в черной пепельнице. Стук каблучков. Запах крепкого кофе. Пряный, горячий и сладкий запах пота, обещающий бессонную ночь, хриплые стоны...

Э, нет, это не Прага, не Брюссель. Путаешь, мой друг. Тут

могло бы пахнуть уткой с кнедликами, тушеной капустой, но не таким кофе. Это совсем другое. Это океан, это растрепанные бризом пальмы, это дома в колониальном стиле, обшарпанные и запущенные. Это Гавана. Удушливо жаркая, нищая и невыразимо прекрасная.

Ах, как пах кофе, который варили в ресторанчике на набережной в Гаване! Там было грязно и темно, и кофе могли подать в чашке с отбитой ручкой или на небрежно склеенном блюде. Но какой это был кофе!

Черт с ней, с той Европой, пресной и правильной! Есть еще, слава богу, страны, в которых у людей в жилах течет настоящая кровь! Он мог махнуть на Пиренейский полуостров – в Испанию, Португалию. Или в Южную Америку.

Для Михаила, с его знанием чужих языков и обычаев, ассимиляция там не заняла бы и месяца. Навыки никуда не ушли, они спали до времени. Но это время все не наступало и не наступало. И деньги на все это были – даже больше, чем надо. До конца жизни хватило бы наверняка. И желание иногда возникало – особенно в такие моменты, как сейчас, когда Сергеев особенно остро начинал чувствовать возраст. Но даже приняв, в сердцах, решение уйти, он всегда оставался. На неделю. На месяц. И это длилось годы.

Сергеев и сам уже не помнил, как у него возникла идея стать «мостом» между Ничьей Землей и остальными мирами, окружавшими ее. Мирами, сохранившими привилегии жить спокойно и в разной степени благополучно, отгородив-

шись от чужого горя контрольно-следовыми полосами, колючей проволокой, датчиками и специальными отрядами.

Особого альтруизма он за собой не замечал, жертвенность не считал человеческим достоинством и то, что выжил во время Потопа, вовсе не считал чудом, которое должен перед Богом отработать.

Так уж случилось. Оказался в нужное время в нужном месте. В конце концов – не один он выжил, таких набралось много. А то, что сумел остаться в живых уже после, когда выживших косили чума и холера, пули, радиация, химикаты и прочие прелести, – так его учили выживать. Учили, кстати, профессионалы и жестко учили, без сантиментов, с расчетом на максимальный результат.

Это была не его заслуга – он просто умел оставаться в живых. Впрочем, еще и везло изрядно – какое уж там умение, когда вокруг все излучает рентген этак 300 в час, а ты об этом и не подозреваешь. Фарт, везение, судьба. Как говорили в его молодости, в другой стране, в другом измерении, в другой жизни: «Против „прухи“ интеллект бессилён». Против «непрухи» – тоже. Конечно же ему везло все эти годы, но Сергеев был готов поклясться, что он приложил к тому, чтобы выжить, максимум усилий.

Бизнес Сергеева был рискован, прост и прибылен. Он вполне бы мог составить не просто большое, а очень большое состояние и навсегда забыть, как пахнут гниющие на солнце трупы и каково это – есть зажаренных на костре крыс, пой-

манных в силки на развалинах некогда живых городов.

Сергеев был мародером. Не просто мародером – таких было пруд пруди, да и можно ли считать мародерами тех, кто добывал себе одежду и пропитание в развалинах? На Ничьей Земле деньги не стоили ничего, а банка тушенки была целым состоянием. За пределами Ничьей Земли – тушенка была просто тушенкой, а деньги – просто деньгами. Сергеев грабил банки. Вернее, не банки, а то, что от них осталось после прохода Волны.

Началось все с того, что в Запорожье Сергеев набрел на сейф персонального депозитария, лежащий на улице. Сейф был измят, полураздавлен и покрыт толстой коркой подсохшего ила. От финального удара о бетонный угол разрушенного Волной здания сейф почти лопнул, стенка, в которую входили ригели замков, отогнулась так, что часть ячеек раскрылась. По воле случая лежащие там вещи не вылетели наружу, не намокли и не попались никому на глаза. Сергеев был единственным, кого заинтересовало содержимое тяжеленного шкафа, лежащего на улице мертвого города. В трех ячейках лежали почти семьдесят тысяч долларов. В двух других – более пятидесяти тысяч евро. И драгоценности, пугливая и почти наверняка нынче покойная хозяйка которых не доверяла домашнему сейфу. Вначале они показались Михаилу стекляшками, кучкой бесполезной бижутерии. Он и положил их в рюкзак так, на всякий случай. Как выяснилось потом, стоили они куда больше, чем мог себе предста-

вить Сергеев. Даже больше, чем содержимое всех остальных ячеек того самого первого шкафа.

Ни деньги, ни драгоценности съесть было нельзя, но мысль, пришедшая в голову Михаила, была проста. Ведь нормальная жизнь была совсем рядом – пара сотен километров на восток или на запад.

Граница тогда охранялась плоховато – Сергеев с его подготовкой перешел ее, как разогретый нож проходит сквозь кусок подтаявшего сливочного масла. Никого не убил и не покалечил – словно по бульвару прогулялся. Задержался чуток в Донецке, прикупив одежду сначала по дороге, а потом уже в дорогом бутике, в цокольном этаже «Президент-отеля».

По улицам Донецка сновали автомобили, пылали неоновым светом рекламы, из распахнутых навстречу летней ночи окон звучала музыка. У идущего по улице Ленина Сергеева то и дело возникало желание перебросить автомат с плеча на грудь и дать очередь, патронов на десять. По этим шикарным лимузинам, по зеркальным витринам, по счастливым улыбающимся лицам, по смеху из окон и дверей. По всему, что его окружало. Он зверел от такой несправедливости – в двух шагах от Ничьей Земли протекала своим чередом нормальная человеческая жизнь. В двух шагах от чужого несчастья люди предпочитали делать вид, что ничего не произошло, что они ничего не знают.

Но не было у него на плече автомата. И слава богу, что

не было.

Ночью, лежа, впервые за два года, на белых чистых, пахнущих ароматизаторами и чистотой простынях, он не спал, и слезы, горячие от ненависти, жгли ему щеки и, скатываясь, впитывались в подушку. Работающий телевизор бросал в гостиничный номер блики, тихонько, на одной ноте, гудел холодильник мини-бара. И лишь когда беспокойная ночь канула в рассвет, Сергеев уснул.

Потом был куплен паспорт – наиболее доступный, но не решающий всех проблем, паспорт вновь образованной Восточной Республики. Красный, в лучших традициях отечественной истории, с двуглавым орлом, сидящим сверху на трезубе.

Имя мудреца, придумавшего Восточной республике такой герб, история не сохранила. Его, скорее всего, расстреляли на скорую руку, чтобы не позориться, а те, кто утвердил эскизы, ссылались на занятость и напряженность момента. Но что сделано, то сделано – паспорта восточников еще долго называли «вилкой в жопе», даже после того как смешные бланки сменили на новые.

Российский паспорт, более приемлемый для дальних путешествий, он купил в Москве, уже по своим каналам. Паспорт был «правильный», не «покойницкий», не на ворованном бланке – и денег, соответственно, стоил немалых.

На обложке красовался двуглавый орел, на этот раз без вилки в заднице, и надпись «паспорт», а внутренний форзац

метил стилизованный профиль Крутова – вполне узнаваемый, как ранее был узнаваем профиль Ленина, украшавший все купюры. Преимущество поколений, как потом выяснилось, была отличительной чертой российской власти, вот только второй Фанни Каплан пока не нашлось.

Несовершенная Федерация стремительно скатывалась в совершенную монархию. ГУЛАГ – под другим названием – был, террор – под видом борьбы с организованной преступностью – тоже был, даже «тройки», вершившие правосудие в скоростном режиме, были. А вот вторую Фанни Каплан российская земля не родила – повывел Александр Александрович вражеское семя недрогнувшей чистой рукой, под удары горячего сердца, с холодной, как всегда, головой.

Но и в Москве, в этой столице регенерировавшей из состояния демократии Империи, Сергеев бы прижился без труда. Для него это было бы просто возвратом на исходные позиции – он застал последние годы могущества СССР и хорошо помнил основные правила. Но план состоял в другом – он должен был вернуться.

Он купил услуги пилота в Белгороде и, как выяснилось потом, купил и самого пилота, который летал с ним почти четыре года, до самой своей глупой смерти. Он разбился при посадке, на обратном пути, пьяный, так и не успев получить гонорар за последний вылет. В общем-то, не задорого купил – в комплекте с летным опытом и бесстрашием шли неожиданная преданность, настоящая дружба и профессионализм.

За пару дней Сергеев загрузил допотопный У-2 медикаментами, медицинским оборудованием, оружием, снаряжением. И вылетел в сторону Ничьей Земли, где и приземлился благополучно, несмотря на обстрел из стрелкового оружия и одну сумасшедшую зенитку, на которую они нарвались на самой границе.

Теперь все было проще. На каждой из границ существовали свои группы, зарабатывавшие на жизнь нелегальной переброской людей за пределы резервации. Работали группы в целом и общем аккуратно, хотя гарантий успешной переброски никто не давал, и бывало, вместо удачного побега все заканчивалось стрельбой и смертью. Появившиеся на некоторых участках обширные минные поля нарушителей границ не останавливали – те, кто решался на побег, были людьми отважными и смерти не боялись. То, что каждый день происходило в Зоне совместного влияния, зачастую было гораздо хуже смерти.

Сам Сергеев уже многие годы пользовался услугами группы «Вампиров» – молодых харьковских пацанов, фанатов пара- и дельтапланеризма. Кому-то из них пришла в голову светлая идея – и вот через контрольно-следовые полосы, минные поля, над головами пограничных дозоров, сопровождаемых служебными церберами, засновали черные, как ночь, дельтапланы – «двойки». Невидимые для радаров, бесшумно скользящие на фоне черного ночного неба. Тяжелые грузы ребятам были не по зубам, ими занимались дру-

гие спецы. Нужно было только указать квадрат, и в нужное время, за очень редким исключением, шелестя парашютным шелком, с неба опускались крепко сколоченные деревянные ящики. Там, где был спрос, немедленно возникало предложение – и вопросы риска для чьей-то жизни в сравнении с деньгами не значили ровным счетом ничего.

«Вампиров» искали все – не было еще силовой структуры, которая не заявила о своей заинтересованности в прекращении их деятельности: их ловили, в них стреляли, но они назло всем продолжали работать, и слабый ручеек людей, просачивающихся наружу без санкций властей, не иссякал.

Вовнутрь же людской поток вливался постоянно. Это были изгои, заключенные, диссиденты, бандиты и просто беглецы от всего и от всех. Их привозили и сбрасывали в Зону как мусор – человеческий мусор на свалку. Это было дешево и надежней, чем строить новые тюрьмы и ремонтировать старые. Это было дешевле, чем расстреливать и перевоспитывать. Это было удобно.

Конфедераты делали это тайком от западных союзников, а россияне и белорусы особо не стеснялись, с лихвой восполняя убыль среди жителей Зоны.

Все шло своим чередом, невероятное становилось привычным. Человек вообще удивительное существо, он привыкает ко всему.

Сергеев посмотрел на часы. Сумерки начали сгущаться,

а до моста, по прибору, оставалось более часа ходу, если не менять размеренного темпа ходьбы. Задумавшись, он автоматически передал Молчуну функции ведущего и подстроился под его ритм шага. Мысли и воспоминания приглушили боль ушибов и заставили забыть об усталости, пусть на время.

Мягкий, подгнивший лист шуршал под ногами – других звуков не было слышно. Михаил принялся считать шаги, запоминая сотни. Когда он дошел до двух тысяч – стемнело окончательно. Влажный сумрак навалился на лес мгновенно, превратив испарения от пропитанной водой земли в фантазмагорические завитки жидковатого тумана.

Дальше идти без света было невозможно. Скрепя сердце Сергеев надел налобный фонарик о пяти голубых светодиодах – мечта одинокого снайпера, а не фонарь, – пошел первым, тщательно выбирая дорогу и поминутно сверяя с GPS направление. Заблудиться или дать кругалю на пару километров в условиях такой видимости было минутным делом.

К мосту они вышли на сорок минут позже расчетного времени, но ученый походной жизнью Сергеев ночью к переправе не пошел, а, выбрав место для ночевки у корней старого, шишковатого вяза, решил дожидаться утра. Они перекусили на скорую руку – вяленным мясом, сухарями и запили ужин пахнущей дезинфекантом водой. Молчун жестом показал, что он дежурит первым, и Сергеев без лишних возражений лег, свернувшись клубком, как еж, в ложбинке у корней,

и тут же провалился в глубокий, как обморок, сон. До рассвета они по разу сменили друг друга, а когда утренний ветерок развеял низкий туман, подползли поближе, чтобы рассмотреть мост и его окрестности в бинокль.

Мост действительно был, карта не врал. Когда-то через него проходило шоссе – обычная одnorядка с твердым покрытием. Теперь, конечно, дороги не было. На ее месте просматривались остатки пережеванного временем и дождями асфальта, вдавленный в почву щебень. И сам мост обрывался на второй опоре и снова возникал на противоположном берегу. Вместо среднего пролета зияла пустота. Из темной, медленной воды поломанными зубами торчали полуразрушенные сваи.

Но переправа все-таки была. Справа от моста, прямо на воде примостился дощатый понтон, обвешанный ржавыми двухсотлитровыми бочками из-под горючки. Понтон, конечно, так себе – даже пару тонн не выдержит, но пешком перейти можно.

Сергеев повел биноклем еще правее и замер от неожиданности. На полянке, возле моста, рядом с непонятной покосившейся конструкцией из досок, веток и проржавевших кусков металла, стояли три армейские палатки. А рядом, почти касаясь заиндевевшей травы лопастями несущего винта, приник к земле пузатый и уродливый вертолет охотников.

Глава 3

Что может быть хуже, чем телефонный звонок в полтретьего ночи? Только телефонный звонок без четверти три. Трель мобильного вырвала Сергеева из сладкого предутреннего сна безжалостно, как рука хирурга-дантиста вырывает из десны больной зуб. И так же быстро.

Он оставил мобильный в кармане пиджака, в прихожей, но, хотя квартира была немаленькой, приглушенный тканью звонок, разорвавший ночную тишину Печерска, достиг его ушей мгновенно.

Вика, спавшая рядом, уткнувшись носом в его плечо, не проснулась, только застонала во сне, когда он осторожно отодвинулся, стараясь ее не побеспокоить.

Тревожная телефонная трель. Михаил терпеть не мог такие звонки. Они всегда предвещали плохие вести или, по крайней мере, головную боль и проблемы.

На прежней работе – это означало бы, что где-то там, за тридевять земель, или где-то тут, совсем рядом, срочно нужно вмешательство. И нет уже времени на сборы или сон, есть пять минут на умывание, одевание и на то, чтобы ухватить спортивную сумку, а внизу уже урчит мотором микроавтобус «каравелла» с тонированными стеклами. И из ангара выкатывается толстобрюхий, заправленный по самые «помидоры» транспортник, в который сонная и злая дежурная коман-

да таскает тяжелые деревянные ящики темно-зеленого цвета.

Сегодня уже никто никого в дорогу не позовет, кончилось время, но ощущение того, что ничего хорошего это пробуждение не сулит, было прописано в памяти на уровне рефlekса.

Он осторожно встал, ощутив ступнями прохладу паркета, и прошел в прихожую в полной темноте, не зажигая света, двигаясь уверенно и бесшумно, как кот. Выходя из спальни, он плотно прикрыл за собой дверь – пусть спит.

Тот, кто звонил, трубку вешать не собирался, наверное, считал гудки и ждал, пока Сергеев ответит на вызов.

– Алло, – сказал он вполголоса, проскальзывая на кухню и закрывая еще одну дверь, для лучшей звукоизоляции. – Слушаю.

– Алло, Миша, это ты? – сказал Блинчик. – Прости, что поздно.

– Не поздно, – сказал Сергеев, – рано.

– Прости, что рано, – согласился Блинов. – Тут такое дело, брат, что поздно, что рано, все равно звонить надо. Ты с Викой?

– Да.

– Она спит?

– Нет, танцует.

– Я серьезно.

– Володя, – сказал Сергеев, – сейчас полтретьего ночи.

Спит, конечно. И я спал.

– Прости, дружище, – сказал Блинов с извиняющейся интонацией, – прости. Просто тут один человек хотел бы тебя видеть. Хороший человек.

– А утром нельзя, Блинчик? – сказал Сергеев, заранее зная, что услышит в ответ.

– Не получится, Умка. Я машину послал. Пока ты спустишься – она уже будет у подъезда.

– Я и сам мог. Моя машина внизу.

– Просто времени мало, а с мигалками – домчишься за полчаса.

– Ты хоть скажи куда.

– В Борисполь, дружище, в аэропорт. Увидишь, будет сюрприз.

– Ох, Блинов, ты же знаешь, я не люблю сюрпризы.

– Такие – любишь. Только просьба – давай-ка без Вики, уж кто тут будет лишний, так это она!

– Хорошо, – согласился Михаил, – приеду один. Я и так не собирался ее будить. Ты бы хоть с вечера предупредил, что ли? Откуда у тебя такая страсть к ночным встречам?

– Се ля ви, – сказал Блинчик весело, с прононсом истинного парижанина, – я и сам люблю поспать, но увы, увы... Приезжай, Умка, не пожалеешь!

Сергеев подошел к окну. Во двор, не торопясь, въезжал «шестисотый» Блинова, черный, похожий на глубоководную рыбу, скользящую между припаркованными автомобилями,

как между камнями.

– Машина уже внизу, – сказал Сергеев, – через минуты три – выхожу.

– Давай, давай, – одобрительно хохотнул Блинов. – Что – любопытно? То-то же!

Блинчик с детства был бесцеремонным и не признавал отказов. Об этом Сергеев вспомнил, спускаясь по лестнице.

Перед выходом он наскоро умылся, надел тонкую водолазку, джинсы и спортивный пиджак – ночи были все же прохладные, такой уж удался май. Потом, не обуваясь, ужом скользнул в спальню и поцеловал сладко спящую Плотникову – от нее пахло теплом тела, чуть духами и совсем чуть-чуть сексом. В прихожей он оставил записку, надел черные мокасины и вышел в подъезд, придерживая осторожно язычок замка.

– Доброй ночи, Михаил Владимирович, – поздоровался с ним водитель, моложавый, коротко стриженный мужчина лет под сорок, с по-военному ровной спиной, и распахнул заднюю дверь «мерседеса».

– Доброй ночи, – отозвался Сергеев, опускаясь на заботливо подогретую кожу подушек.

Едва слышно урча двигателем, «шестисотый» вырулил с тесно заставленного машинами двора и набрал скорость почти мгновенно. Несколько минут – и за окнами замелькал бульвар Леси Украинки, потом – залитый ярким светом ртутных фонарей мост.

Машина вылетела на пустой в этот предраассветный час проспект Бажана и рванулась к Бориспольской трассе на скорости под двести. Один раз из темноты вынырнул гаишный патруль, но водитель протянул руку под приборную доску и «мерседес» замигал, как новогодняя елка, проблесковыми маяками. Фигура со светящимся жезлом в руках шарахнулась обратно, от проезжей части к припаркованной на тротуаре машине.

На круге развязки водитель притормозил, заранее включил мигалки перед будкой поста и полетел птицей по ухоженной трехрядке, вдавив педаль в пол до срабатывания ограничителя. Ночная дорога стелилась под капот, словно серое одеяло, простроченное белым пунктиром разметки. Водитель безжалостно сгонял дальним светом замешкавшиеся в третьем ряду одинокие машины.

Тяжелый, как старый уют, «мерс» нырнул с шоссе в поворот на аэропорт, чуть приседая на нагруженной подвеске. Через несколько минут он плавно затормозил справа от международного терминала перед воротами, ведущими в закрытую VIP-зону. Шлагбаум тут же поднялся, и машина вкатилась вовнутрь. Водитель, не сгибая спины, видать прошлое не позволяло, открыл перед Сергеевым дверцу раньше, чем он успел сделать это сам.

– Прошу вас, Михаил Владимирович. Вам сюда.

В VIP-зале было накурено и душновато. После ночного воздуха, пахнувшего весной и недавним дождем, это чувство-

валось особенно остро.

Блинчик уже шел к нему, широко раскинув руки для объятий, словно парящий над вершинами Анд кондор.

Сам он, правда, несмотря на впечатляющий размах крыльев, кондора напоминал мало. Какой уж тут горный орел – полный, низкорослый и сильно пьяный мужчина средних лет. Но до пике Владимиру Анатольевичу было еще далеко, ох как далеко. Сказывались опыт организационной работы и комсомольское прошлое.

За время их возобновленного знакомства и общения, которое строилось на опрятных руинах детской дружбы, Сергеев видел Блинова выпившим столько раз, что начал считать это нормой. Блинчик никогда не напивался до положения риз, никогда не болтал лишнего «под мухой» – он пил весело и много, оставаясь в состоянии «смертельно пьян» как угодно долго и при этом не теряя человеческого лица. Выпивка была для него работой. Иногда – неприятной, чаще – просто привычной, но всегда неотъемлемой и необходимой частью жизни.

Они обнялись. От Блинчика вкусно пахло сигарным дымом (о сладкий аромат «кохитос»!), коньяком и копченостями. Верхняя пуговица на рубашке, под узлом приспущенного галстука, была расстегнута, влажные завитки волос, все еще прораставших за ушами, прилипли к розовой коже. Блинчик расслаблялся и работал одновременно.

– Умка! – почти проворковал он. – Слушай, брат, какой

это будет для всех нас сюрприз. Давай к нам! Что тебе налить?

Пить в полчетвертого утра хотелось, как умереть.

– Коньяку, – сказал Сергеев громко, внутренне смирившись с тем, как начнет утро. – С лимоном. И большую чашку кофе.

Выюнош с лицом услужливым до тошноты расслышал заказ и рванул от столика, к которому они только подходили, как спринтер.

За столом сидел мрачный усатый тип, показавшийся Сергееву очень высоким, – в сером, отливающим блеском костюме, ярком, совершенно неподходящем галстуке.

Мужчина был изрядно горбонос, но не по-еврейски и не по-грузински, совершенно иначе. На носу, цепляясь за излом переносицы, словно прилепившийся к скале альпинист, находились очки – узкие, в металлической оправе, совершенно чужеродные на этом смугло-оливковом лице бедуина. Перед ним на столике стоял стакан с водой, блюдечко с фиштаклами и недопитая чашка заварного кофе.

– Разреши представить, – английский у Блинова был совершенно школьный, – мой друг – Хасан. Хасан, это Майкл.

Рукопожатие у бедуина было твердым, несмотря на изящную кисть.

– Nice to meet you, – голос низкий, что-то среднее между басом и баритоном, с присвистом. Присвист был странный, немного неестественный, словно механический.

– Me too, – ответил Сергеев, изобразив радушную улыбку со всем возможным рвением.

Если это и был обещанный Блинчиком сюрприз, то Михаил чего-то недопонимал.

От араба, несмотря на цивильный костюм и манеры выпускника Университета Лиги плюща, исходило ощущение опасности. Или, может быть, недружелюбия и настороженности. На интуитивном уровне Сергеев улавливал такие подробности сразу же – было бы желание прислушиваться к внутреннему голосу.

– Мы Хасана провожаем, – пояснил Блинов, усаживаясь в широкое кресло с огромными подлокотниками и низкой спинкой. – Ага! А вот и сюрприз!

Сергеев оглянулся.

Со стороны туалетных комнат к ним шел, а скорее, катился низкорослый, похожий на колобок, мужчина, одетый в дорогой летний костюм из серого тончайшего кашемира, сидящий на нем туго, как презерватив на определенном месте.

Казалось, что весь он состоит из сопряженных овалов и окружностей, выпирающих из одежды наружу. А вот лицо, несмотря на тугие щеки, было неожиданно выразительным, не заплывшим. Особенно выразительно смотрелись на этом лице глаза – раскосые, большие таджикские глаза, по которым Сергеев и узнал вошедшего в первую же секунду.

– Рашид! – сказал он с неподдельной радостью, поднимаясь. – Вот это да! Рашид, чертяка!

Они обнялись. На самом деле Рашид оказался не так низкоросл, как виделось на первый взгляд. Просто был толст чрезмерно, из-за чего и казался приземистым.

В те годы, когда Сергеев видел его в последний раз, он был худ и изящен, как девочка, с шапкой жестких черных волос и белозубой улыбкой, похожей на оскал.

Рашид не умел улыбаться ртом – только обнажал зубы, обозначая веселье или гнев. Смешно ему или он злится – можно было разобрать только по глазам – они смеяться умели.

И сегодня Рашид показывал зубы, но к вискам бежали морщинки, и ко всему он квохтал, как курица, – это было нечто новое. Раздавшееся «кхе-кхе-кхе» должно было означать радушный смех.

– А ты все такой же, Умка, только возмужал чуть-чуть.

– Заматерел, – подсказал Блинчик.

– Зачем человека обижаешь? Разве мужчина может заматереть? Возмужал!

– Не придумывай, – возразил Сергеев. – Какое там – возмужал? Мы уже не в том возрасте, чтобы мужать!

– Кхе-кхе, – сказал Рашид, прищурясь. – Какой-такой возраст? Что ты такое говоришь? Мы молодые совсем. Можно сказать – мальчишки!

Михаил невольно улыбнулся. В «мальчике» Рашиде было килограммов сто шестьдесят, а вдвоем с Блиновым они легко бы завесили три центнера. Упитанная такая молодежь

получалась.

Бедуин смотрел на сцену встречи без эмоций, переводя взгляд своих черных, как смола, глаз с одного объекта на другой. Мысли у него были заняты совсем другим, и Сергеев почему-то подумал, что самым большим желанием Хасана сейчас было побыстрее оказаться в воздухе.

– Рашид, как узнал, что ты здесь, – сказал Блинов, ухватив с полупустой тарелки кусок бастурмы, – так сразу и попросил – звони, говорит, вызывай.

– Я, понимаешь, на пару часов, – Рашид устроился в кресле поудобнее, – можно сказать, в Киеве пролетом, но не увидеть тебя... Уж прости за ночные вызовы!

– Брось, Раш, – сказал Михаил, – я рад, что вы позвонили. Ночью, утром – какая разница? Ты сейчас где? Москва?

Рашид махнул рукой.

– Какая Москва? А национальное самосознание?

Блинов рассмеялся.

– У всех с девяносто первого национальное самосознание. Только Умка у нас космополит. Господин Рахметуллоев Рашид Мамедович у нас теперь коренной таджик, советник господина Рахмонова по проблемам Ближнего Востока.

– С ума сойти, – сказал Сергеев, – официальный советник Рахмонова?

– Ну, не совсем официальный, – скромно ответил Рашид, – для всех я просто сотрудник аппарата. А если неофициально – то Блинчик прав.

Хасан, сидевший молча и прямо, как статуя, услышал в незнакомой речи знакомые имена и спросил что-то на гор-танном языке. Это был фарси – Сергеев сразу узнал фонетику. Говорить на нем свободно Михаил не мог и, если честно, понимал тоже не очень, особенно технические или научные термины, но на разговорно-бытовом уровне разобрать фразу, произнесенную на фарси, ему было вполне по силам.

– Этот неверный – твой друг?

– Не волнуйся, Хасан, – ответил Рахметуллоев, не стирая с лица радушной улыбки, – это мой друг. Мы не виделись много лет. Он может быть нам полезен. Не волнуйся – он ничего не знает.

– Пока не знает, – сказал бедуин с застывшим выражением лица. – Смотри, это твой друг. Я не люблю, когда рядом чужие.

Радость встречи, бурлившая в груди Михаила, разом рассыпалась и закружилась хлопьями теплого полупрозрачного пепла. И из этого пепла вдруг возникло лицо Мангуста, и его хрипловатый голос произнес: «Вера в случай, курсант, последнее прибежище идиота. Случайностей бывает только две: глупая и хорошо подготовленная».

Рашид, говорящий на фарси с этим арабом, выглядевшим, как ассасин. Слегка пьяный Блинов, зыркающий из-под бровей настороженно и опасливо. И в самом низу пищевой пирамиды – встречайте аплодисментами – наивный глупец с диссонирующей кличкой Умка, которого, похоже, привели,

как барана на заклание. Или как лоха на развод. Всего лишь несколько фраз – и конец иллюзиям. Что не делается – то к лучшему.

– Какой странный язык? Это туркменский? – спросил Сергеев у Рашида.

– Почти, – сказал тот и, потирая руки, предложил: – Выпьем? За встречу?

– Ты ж мусульманин, – сказал Блинчик, морща нос, – это мы выпьем за встречу, а ты – так, вприглядку.

– Эх, – сказал Рахметуллоев, – не было бы здесь моего восточного партнера, я бы тебе показал, как пьют настоящие мусульмане. Под сальцо с горчичкой!

Выражение его пухлой физиономии стало настолько хитрым, что Сергеев, несмотря на далеко непраздничное настроение, с трудом удержался от смеха.

Хотелось бы не слышать предыдущей фразы про собственную полезность в каком-то неизвестном деле, а просто поверить в искреннюю случайность этой встречи. В то, что во всех этих улыбках и не обязывающем ни к чему трепе бывших соучеников не было второго дна. Но слово было сказано.

Неверный. Чужой. Полезный.

Коньяк, принесенный услужливым юношей тридцати с лишним лет, оказался на удивление неплох. Рашид отхлебнул из стакана глоток «Эвиан» и поморщился.

Хасан смотрел в глаза Сергеева без малейшего намека на

дружелюбие и изображал улыбку одним углом рта. Присутствие Михаила его явно нервировало, и Сергею до смерти захотелось узнать почему. Ни потом – через час, день или неделю, а прямо сейчас и узнать. Эта криворотая улыбка пробудила в нем забытый, а вернее, крепко уснувший охотничий инстинкт.

«Хорошая у Раша идея. Вот бы сейчас сала на стол, – подумал Сергей с неожиданным для самого себя злорадством, – с прорезью и чесночком. Чтобы тебя, красавец, перекосило натурально. Что ж ты смотришь так недобро, я ж тебе ничего еще не сделал?»

Бедуин смотрел, не отрывая взгляда, чуть нагнув голову, так что его глаза находились над стеклами очков – черные, влажные, похожие на крупные маслины, которые только что достали из банки с рассолом.

– Чем ты занимаешься у Рахмонова? – спросил Михаил Рашида, закусывая ломтиком лимона. – Уж не сельским хозяйством, как я понимаю?

– Правильно, – ответил за него Блинов. И подмигнул.

– Вопросы интеграции и военного сотрудничества, – пояснил Рахметуллоев, – соседи у нас с вами с имперскими замашками. Надо думать о безопасности государства. О сильных союзниках.

– Большая политика, – сказал Сергей. – Понимаю.

– Да уж и не сомневаюсь, – сказал Владимир Анатольевич, вытирая платком розовый потный затылок, – у самого место

такое, что впору о политике думать.

– Мне Блинчик рассказывал, что ты в МЧС большая шишка? – поинтересовался Рашид.

– Не такая и большая.

– Ты, братец, не приbedняйся, – хохотнул Блинов, наливая еще по одной из хрустального графинчика, – в первую пятерку министерства тыходишь? Входишь! Вопросы решаешь? Решаешь!

– Какие вопросы? – сказал Сергеев грустно, понимая, что момент разговора, ради которого встреча и организовывалась, близится необратимо. Или – не близится.

Основная ошибка непрофессионалов, пришедших в этот бизнес после того, как школа исчезла в небытие, – спешка с вербовкой. Это просто недомыслие, дурной тон – брать быка за рога еще до того, как бык, пройдясь по тучному пастбищу, отведаст сочной травки, успокоится и осоловеет до наступления полной доверчивости.

Если его будут брать за рога сейчас – это будет смешно. Детский сад на прогулке. А вот если выдержат паузу – это будет поступок не мальчика, но мужа. Он бы быка не трогал – ни за рога, ни за колокольчики. Пока.

А ведь оба они знают обо мне все, что смогли раскопать. Вернее, думают, что знают все. Официальную биографию, официальный послужной список – что там еще доступно? Сведения о родителях, файлы Министерства обороны?

Они знали меня двадцать лет назад и думают, что зна-

ют сейчас. Старая дружба – валюта бесценная. Неразменный пятак. Старых друзей не предают. Так? Но кто сказал, что старых друзей не используют? Что же объединяет вас, мальчишки? Что роднит вас в ваших интересах? Что у вас общего с этим сыном пустыни, который одним взором может сглазить до полного бесплодия стадо верблюдов?

Интеграция? Темна вода в облаках. Военное сотрудничество? Более прозрачно, хотя и не очевидно. Оружие. Технологии. Оборудование. Ремонтная база. Запчасти.

Интеграцией можно назвать что угодно: наркотики, контрабандную нефть, коридоры для нелегальной переброски любых грузов, запрещенные технологии – ядерные, например.

Только на кой хрен, Сергеев, тебе это нужно? Ты же простой, хоть и высокопоставленный чиновник почти мирного министерства. Ты – герой-спасатель, слуга царю, тьфу ты, президенту, отец пожарным и прочим службам. Может, у тебя паранойя? Может, тебе, по привычке, везде чудятся коварные враги?

Ну, торгует твой старый друг Блинчик на пару с не менее старым другом Рашидом чем-то запрещенным? И что? Пусть себе торгуют, чем хотят! Спрячь ты свои инстинкты охотничьей собаки куда подальше! Давно нет страны, которой ты присягал, давно нет дела, ради которого ты рисковал. Ты на пенсии. В отставке – не на запасном пути – в отставке! А может быть, и не торгуют они ничем! Просто вызвали

тебя, шизофреника, на рюмку чая, не корысти ради, а чтобы пообщаться. А ты развел теории заговора! Самому-то не противно?

Но противно не было. Было любопытно. Сергеев даже ощутил давно забытый холод в затылке – верный признак заработавшей на всю катушку интуиции, чего не случалось давно. Эта пара фраз на фарси запустила бездействовавший несколько лет механизм. Что поделаешь, ну нравился ему Фирдоуси.

– Прибедняется, – заметил Блинчик, – земельные вопросы его шеф решает так, что весь Киев тихо млеет!

– Шеф и я – не одно и то же! – возразил Сергеев. – И ты, Вова, об этом знаешь. Я землей не торгую.

– И генерал не торгует. Он ее отчуждает и выделяет.

– Ладно, – согласился Михаил, – согласен. Считай, что договорились. Для друга – все что угодно! Тебе земля нужна, Рашид?

– Мне? – удивился Рахметуллоев. – Земля? Где? В Киеве?

– Хочешь в Киеве?

– Слушай, Умка, на кой мне земля в Киеве? Мне и в Душанбе она ни к чему! Если тебе надо – хочешь, я тебе колхоз подарю? Или два? Вместе с дехканами? Будешь баем!

– Вот что мне нравится, – заявил Блинчик гордо, – это то, что если закрыть глаза, то будто бы нет этих двадцати лет. А сидим мы с вами на интернатской даче, под Москвой, пьем чай с плюшками и болтаем ни о чем. За что предлагаю

по семь граммов и употребить! Слушай-ка, дружище, принеси-ка еще коньячку. Видишь – заканчивается.

Официант расплылся в улыбке и исчез.

– Интересы на Украине у меня есть, – сказал Рашид, пригубив воды, – я этого не скрываю. Мы с Володиёй плодотворно работаем. И еще люди есть.

Блинчик поднял брови вверх, изобразив полное непонимание по поводу сказанного.

– Есть, есть еще партнеры... Но это разговор не на пять минут, – продолжил Рахметуллоев. – Я так дела не делаю. С друзьями о бизнесе надо говорить неспешно, за хорошим столом. Слушай, Блинчик, давайте встретимся у меня, сядем, поговорим. С кем еще делать деньги, как не со старыми друзьями! Я накрою достархан! Ты просто не понимаешь, Умка, что такое настоящий туркменский плов!

– А что такое настоящие туркменские женщины! – вмешался Блинчик. – Тысяча и одна ночь! Шехерезады!

– Не слушай ты этого развратника! – отмахнулся Рашид, улыбаясь с некоторым оттенком смущения. – Нет, я серьезно, ребята! Давайте ко мне в гости, хоть на пару дней! Не пожалеете! Умка, ты как?

– Врасплох застал, – Сергеев развел руками. – А обязательно решать прямо сейчас?

– Давайте так, – предложил обильно потеющий Блинов, разливая по рюмкам принесенный официантом коньяк, – ты же все равно неделю будешь в разъездах? Так?

– Так, – подтвердил Рахметуллоев, – но это не вопрос!

– Через десять дней ты в Киев собирался прилететь?

– Собирался.

– Не вопрос. Прилетай. Посидим у меня, в Конче. Плов не обещаю, но если очень надо, будет такой, что все туркмены мира слюной захлебнутся. А вот хорошее застолье, водочку под шашлычок и вакханок в веночках под пиво, – тут Блинчик причмокнул полными губами, – за милую душу обеспечим.

Глаза его на доли секунды подернулись влажной поволокой, и Сергеев подумал, что если бы он взял Блинова в работу, то искать слабые места долго бы не пришлось. Женский вопрос у Владимира Анатольевича был одним большим слабым местом – на все тело. Или на всю голову, это как посмотреть.

– Там и о делах поговорим. Домовылысь? – закончил Блинчик.

Сергеев кивнул. Рашид тоже.

– Ну вот и отлично! – сказал Блинчик. – Ну что, еще по семь граммов, чтобы ребятам летелось хорошо?

– Лучше за посадку, – попросил Рахметуллоев жалобно, – я каждый раз, как лечу, прошу Аллаха о милости. Не люблю самолеты, а летаю по пять раз в неделю! Работа – ничего не поделаешь! Слушай, Блинов! Может, у тебя на примете какой-никакой приличный самолет есть? Что я летаю на разном дерьме? Упаду еще, не дай, Аллах, пропасть ни за что!

Умка, погляди у себя, может, что в заглазниках наскребешь? Пожалей друга!

В этот момент Хасан повернулся вполоборота, чтобы подняться, и Сергеев увидел наконец причину странного звучания его голоса. Когда-то, если судить по шраму, достаточно давно, бедуин получил пулю в шею. Причем небольшого калибра, скорее всего, пистолетную. Пуля прошла навывлет – правее кадыка, зацепив по дороге трахею и голосовые связки, но, на счастье араба, миновав артерию. Хреновое было ранение, если говорить честно. Миллиметр вправо, миллиметр влево – и все, пишете письма. Но повезло, только осип, а от этого не умирают. Интересный ты, Хасан, парень, с историей. И не всем, видать, ты нравился в живом состоянии.

Пока Хасан ходил в туалет, успели выпить еще по одной, причем Рашид, пользуясь отсутствием своего восточного партнера, успел отметить тоже и тут же заел коньяк бутербродом из лимона и бастурмы.

– Кто он такой? – спросил Сергеев. Не то чтобы он ожидал услышать правдивый ответ, но спросить, просто по логике событий, был обязан.

Рашид махнул рукой.

– Представитель фирмы из Ирана. Очень металлом интересуются. Покупают на Украине много. Большая торговая фирма. Он там шишка – то ли главный менеджер, то ли директор по закупкам. Володя нам помог с контрактом. С иранцами хорошо работать – много платят наличными. Мы

в Днепропетровске были, в Кривом Роге были – очень хорошие контракты.

В кармане у Рахметуллоева зазвонил мобильный, он извинился и вытащил трубку.

– Да, – сказал он в микрофон. – Да. Очень хорошо. Оба? Часа три, три с половиной? Будут встречать, конечно! Нет, нет... Сразу же и обратно. Все договорено – встреча, выгрузка. Проблем не будет. Да. Как договаривались.

Сергеев невольно отметил, что в телефонном разговоре из речи Рашида исчез куда-то напевный восточный говорок, придававший ему этаким оттенком сказочной провинциальности. Вместо мягких фраз с «раскачкой» голоса – жесткие интонации делового человека. Ничего лишнего. Маска «человека востока» удобная, расслабляющая противника и максимально эффективная для нанесения coup de grace. Где вы, бесценный наш товарищ Сухов?

– Ну вот, – сказал Рашид, вешая трубку. – Нам пора. Все хорошее быстро кончается.

И обратился на фарси к подошедшему арабу:

– Груз вылетел. Дело сделано.

В руках у Хасана тут же возник мобильник – он нажал кнопку набора, приложил телефон к уху и через несколько секунд кивнул головой в подтверждение, не произнеся в телефон ни слова.

– Что ж, – сказал Блинчик, – давай прощаться.

Попытка обняться в исполнении Блинова и Рахметуллоева

ва могла бы смотреться как отдельное шоу толстяков – Бенни Хилл просто отдыхал. Сергеев тоже был обласкан – теперь от Рашида пахло не только сладким одеколоном с ароматом кориандра и сандала, а еще и коньяком, но совсем слабенько.

– Ты не представляешь, как я рад видеть тебя, Умка, – выдохнул Рахметуллоев ему в ухо еле слышно. – Вставайте, граф, нас ждут великие дела!

«Кто знает, где кончается искренность и начинается игра? – подумал Михаил с неожиданной грустью. – Во всяком случае – не я».

– I'll glad to see you again.

Хасан снова сжал ему ладонь, как тисками, но на этот раз Сергеев ответил. Хват у него был не такой, как лет пять назад, но в глазах бедуина мелькнуло удивление.

– Have a nice flight, Khasan! Be carefully!

– А вы друг другу понравились, – сказал Рашид, скаля белые, как сахар, зубы, и завохтал, – ничего, если договоримся и начнем работать – будете видеться часто.

Мужчина в форме таможенника вывел их на летное поле. Возле терминала стояла выдавшая виды «ауди» с надписью VIP. Хасан, изобразив улыбку, больше похожую на судорогу лицевых мышц, залез на переднее сиденье, Рашид, кряхтя и ругаясь вполголоса, на заднее. Дверной проем был ему явно тесноват.

Блинов наклонился к приоткрытому окну и сказал Рашиду:

– Паспорта проштампуют у самолета, не волнуйся, дружище!

– Спасибо, Володя!

– Не проблема. Ждем через десять дней.

– Пока, Умка, – Рашид подмигнул, и «ауди», оставив за собой облачко выхлопа, растворилась в мешанине огней аэропорта. Дорогу ей показывал желтый кар с надписью follow me и оранжевой мигалкой на крыше.

– Ну, с Богом, – выдохнул Блинчик, поеживаясь. После коньяка и душного бара утро казалось не на шутку свежим. – Летите, голуби, летите! Поехали, отвезу.

Сразу за шлагбаумом к широкой корме «мерседеса» пристроился джип сопровождения – массивная черная туша повисла прямо на бампере. Водитель форсил – такую дистанцию не держат даже в правительственных колоннах.

Они снова вылетели на пустую в этот предрассветный час Бориспольскую трассу. Небо только начало сереть, фонари на разделительной горели через один – в целях экономии, хотя энергетический кризис, бушевавший в стране всю зиму, уже закончился. По крайней мере, до следующей зимы, которая, как всегда, наступит совершенно внезапно.

Блинчик жаловался на жизнь, зевал непрерывно, ныл, что вымотался с этой проклятой политикой, тратит остатки нервов на неусыпную заботу о государстве и явно старался не связываться в разговор о своей совместной работе с Рашидом. Как догадывался Сергеев, разговор такой Блинов счи-

тал несвоевременным. Опасения Михаила не оправдались – брать быка за рога однокашники не спешили. Ну что ж, это и к лучшему. Они действовали как профессионалы, хотя, вполне возможно, ими и не были. Самое опасное – иметь дело с дилетантом. Непредсказуемость страшнее любого профессионализма.

Впереди замигали аварийные огни. «Мерс» плавно сбавил скорость. Авариями на этом участке никого удивить было нельзя – на единственном в стране кусочке шоссе, отдаленно напоминающем автобан, каждый водитель, даже за рулем тридцатилетнего «москвича», ощущал себя Шумахером.

Водитель этого длинномера, наверное, переоценил свои возможности. Теперь грузовик лежал поперек дороги, оставив свободной одну полосу – крайнюю справа. Вокруг похожего на жеваный кубик кузова валялись десятки картонных ящиков. Метрах в тридцати от перевернутой машины мигали «аварийками» две гаишные «девятки». Даже пластиковые конусы, разукрашенные, как колпак Буратино, гаишники не поленились выставить – молодой сержант замахал светящимся жезлом: «Проезжай!», и «мерседес», с висящим у него на закорках джипом, втиснулись в проем между разбитым грузовиком и обочиной.

Цепочка случайностей рождает случайный результат, который, по идее (и по уверениям Мангуста), уже случайностью не является, а является закономерностью, проистекающей из произошедших до того событий.

Вот такой парадокс и случился на этот раз. Будь Сергеев расслаблен – он никогда бы не успел среагировать на происходящее. Свиристый Хасан, фразы Рашида, загадочные ухмылки Блинова разбудили дремавшие еще вчера, за ненужностью, инстинкты.

Полулежащий в мягком заднем кресле Михаил краем зрения заметил фигуру, выступившую из тени, отброшенной козырьком автобусной остановки. Будь в эту секунду небо не серым, а темным, как двадцать минут назад, заметить человека было бы просто физически невозможно. Но рассвет неукротимо накатывался на спящий город, растворяя тени, словно кусочки сахара в кипятке. Сергеев прекрасно рассмотрел и человека в черной «омоновке», и короткую металлическую трубу РПГ, которую он вскинул на плечо. Деваться особо было некуда – кювет справа был достаточно глубокий, и сразу за ним, вдоль дороги, тянулась плотная сетка ограждения, натянутая между массивных металлических столбиков. Свернуть вправо – означало стать неподвижной мишенью, застрявшей в кювете. А слева... Слева была кабина грузовика. Вообще, обстановочка сложилась – сразу в гроб ложись! Впереди, в двадцати пяти метрах по дороге, стрелок-гранатометчик с ухватками профессионала, ловко склонивший голову к прицельной рамке. В салоне роскошного, но совершенно беззащитного и небронированного авто – беспечный водитель, зевающий Блинчик и он, Сергеев, понимающий, что на принятие решения и на само действие

у него осталось около секунды. Как раз достаточно, чтобы быстро сказать слово «пи... дец»!

И тогда Сергеев заорал так, что сам испугался крика: «Влево! Влево!» Водитель, тот самый, стриженный, с прямой спиной отставного капитана, рванул руль в нужную сторону, потому что на уровне подкорки привык исполнять приказы. Михаилу казалось, что машина отклоняется от первоначальной траектории целую вечность – вот полыхнуло пламя на срезе трубы гранатомета, вот стрелок окутался облаком дыма, вот пошел на них «выстрел», разрывая перед собой воздух, а тяжелая туша «мерса» только вывернула капот, оставив корму на прежнем месте. Визжала сгорающая от юза резина, ревел могучий двенадцатицилиндровый мотор, автоматика изо всех сил пыталась выровнять «мерседес», которому, для того чтобы уцелеть, вовсе не надо было выравниваться.

Граната только скользнула по задней стойке крыши, а может быть, Михаилу это показалось, потому что, миновав кузов «сто сорокового», снаряд, рассчитанный на уничтожение бронетехники, попал прямо в радиаторную решетку следовавшего вплотную джипа с охраной.

Джип рванул, как китайский фейерверк на складе, мгновенно и с грохотом. «Мерс» швырнуло вперед, словно выпущенный из пращи камень, с задранным к небу багажником и бешено крутящимися в воздухе задними колесами – вылитая цирковая собачка, бегущая на передних лапах по арене.

Сергеева и Блинчика ударило о спинки передних кресел, потом машина рухнула задом на асфальт, колеса схватили покрытие, и они полетели обратно на задний диван. Михаил краем глаза успел заметить, как гранатометчик, не успевший отойти с дороги, встретился с правой стойкой лобового стекла, при этом звук был такой, будто бы в салоне разбился вдребезги арбуз. Кровь и мозг выплеснулись на стекло, как поток рвоты.

Машину неудержимо влекло вперед – водитель давил на газ так, словно хотел протоптать пол. Что-то темной птицей рухнуло на дорогу перед ними – Сергеев, скорее догадался, чем понял, что это крышка их багажника, сорванная взрывом. Они подмяли ее под колеса. Машину подбросило, и в этот момент по ним открыли огонь с эстакады над шоссе.

Первая очередь простучала по капоту и снесла правое зеркало заднего вида – словно молотом, вторая, ударившая одновременно с ней, продырявила стекло – дырки легли наискось, пули вспороли сиденья. Что-то лопнуло с неприятным звуком, и салон автомобиля наполнился розовой липкой взвесью. Скорее на рефлекс, чем по расчету, Сергеев бросился вперед, сообразив, что пуля снесла водителю часть головы и машина сейчас уйдет в кювет. Он застрял между сиденьями пробкой, но до руля все же дотянулся, удерживая рыскавшую машину на прямой.

«Мерс» скользнул под эстакаду, вырвавшись из зоны обстрела, но тут же выскочил из-под нее, подставив под пули

полыхающую, искореженную корму. Для того чтобы стрелять вслед, надо было перебежать через пролет моста, к противоположным перилам – это давало время на отрыв.

Уши, забитые грохотом первого взрыва, отложило, и он понял, что все это время Блинов непрерывно кричал, как раненый заяц, на одной высокой ноте.

Главное было удержать траекторию – мертвый отставной капитан продолжал давить на газ. Кровь из его разmozженной головы лилась Михаилу на шею и плечо, горячая и терпко пахнущая. Стрелка спидометра перевалила за полторы сотни в час, и Сергеев подумал, что они, пожалуй, оторвались, но в это время, прочертив в полумраке огненную прямую, под наполовину оторванным багажником разорвался второй заряд РПГ, пущенный вдогонку с моста, оставшегося позади.

Если бы Михаилу кто-нибудь до того рассказал, что двухтонный автомобиль умеет летать так высоко и далеко – он бы никогда не поверил.

«Сто сороковой» вспорхнул в небо, как птичка, в облаке разлетающихся в пыль стекол и искр, сделал «бочку» на триста шестьдесят градусов, перелетая забор, и, упав, как кот, на все четыре, влетел в редкий пролесок за ограждением, чудом миновав толстые сосны, росшие по краю.

От удара выстрелили все подушки безопасности, лишенный стекла салон мгновенно заполнился вонью сработавших пиропатронов. Машину ударило боком о молодую поросль

осин, несколько деревьев рухнуло, но груды металла, еще недавно бывшая шикарным автомобилем, уже остановилась, зарывшись в лесной мусор по арки колес.

Ослепленный и полузадушенный Сергеев понял, что он все-таки жив, когда услышал, как где-то в салоне тихо скулит Блинов. Корма автомобиля горела, а бензобак находился под задним сиденьем.

Михаил попробовал разобраться, где у него руки, а где ноги, и, к собственному удивлению, разобрался. Правое плечо было вывихнуто или сломано – сразу не поймешь, лоб разбит и кровоточил, болели лодыжка на левой ноге и любимое колено Чичо на правой. Радовало, что осталась целой шея – головой Сергеев крутить мог.

Он нашел на ощупь разбитое окно, потом лежащего ниц Блинова, а вернее, его неестественно вывернутую руку и голый бок. Бок двигался, а значит, Блинчик дышал и был жив, что само по себе было хорошо. Плохо было другое – рвануть могло с секунды на секунду. И еще – Михаил чувствовал, что может потерять сознание, а вытащить Блинчика через проем окна было задачей нерешаемой. Нужно было открывать дверцу и выбираться наружу.

Он потянул ручку и надавил на искореженную дверь плечом, как и ожидалось, без особого успеха. Картинка перед глазами плыла – то ли от сотрясения мозга при ударе, то ли от потери крови, заливавшей глаза из раны у корней волос. Сколько времени у них еще осталось? Жар от пылающего

багажника становился сильнее с каждой секундой, вонь горелой обшивки била в ноздри – Блинов заворочался между сиденьями, как жук, угодивший на горячую сковородку.

Сергеев откинулся назад, с усилием поднял обе ноги и с размаху пнул заклинившую дверь. Боль взорвалась в колене и лодыжке с такой силой, что Михаил взвыл благим матом. Превозмогая накатывающуюся слабость, он ударил еще раз, и еще, и еще... А потом дверца внезапно вылетела из рамки, полностью открыв проем.

Жар становился нестерпимым, как на горевшем в Красном море сухогрузе, который до сих пор снился Сергееву по ночам.

Сергеев ухватил Блинчика за что попало, а попалась ему под руку Блинчикова нога в разорванных брюках, и поволок его из машины, более полагаясь не на силу, а на собственную массу и гравитационную постоянную.

Блинов вытаскивался наружу плохо, но усилия Сергеева увенчались малым, промежуточным успехом. Задняя часть господина депутата из «мерседеса» таки вышла, оставалось вытащить переднюю.

Владимир Анатольевич, несмотря на контузию, тоже сообразил, что выбираться надо, и принялся активно выпихивать из проема между сиденьями застрявший торс. Михаилу оставалось только помогать и координировать совместные усилия – на большее он был уже не способен.

Огонь явно подобрался к бензобаку, весело трещал, обли-

зывая смятые крылья машины. Пылало полуоторванное заднее колесо. Блинов наконец-то выпал из салона – окровавленный и задыхающийся. Его одежда была разорвана в клочья, и был он до смерти испуган, но, к бесконечному удивлению Сергеева, не деморализован, а зол, как черт.

– Отползай! – просипел Сергеев, но похоже, что Блинчик и сам знал, что делать.

В левой руке у него был небольшой металлический чемоданчик-дипломат стального цвета, который он держал мертвой хваткой, правая, скорее всего, была сломана или вывихнута, но он пополз прочь от пылающего автомобиля, извиваясь всем телом, словно огромный толстый червяк.

Сергеев двинулся за ним, даже не пытаясь встать на ноги.

Они удалились от разбитой машины метров на десять, когда бак наконец-то взорвался. Горячая кувалда взрывной волны пнула их с Блинчиком, словно великан ногой. Сергеев взлетел вверх, краем глаза увидел парящего рядом, в обнимку с чемоданчиком, Блинова, а потом земля вдруг приблизилась, закрыла горизонт и тот, кто сидит наверху, погасил свет.

Если бы не назначенная встреча, опаздывать на которую было нежелательно, то Сергеев бы предпочел тихо уйти – благо их никто не видел. Подошли они ночью, скрытно, отойти можно было и сейчас, уже при свете дня.

Осторожно отойти, конечно. В темноте они могли про-

скокочить какой-нибудь пост наблюдения и нарваться на него утром, имея за спиной это летающее страшилище, было бы очень плохо для здоровья. Хотя эти пиджоны вряд ли выставили охранение – датчиков навесили, это возможно, это они могут. А вот организовать патрулирование и скрытое наблюдение – лень не даст. Это же как? Водку не жрать, ночью не спать, мерзнуть опять-таки надо. А вдруг кто из-за дерева пальнет? За что деньги плачены? Это тебе не с бронированного вертолета по бегущим стрелять, тут так накостылять могут – не возрадуешься!

Если честно, без хвастовства, организовать этой банде Варфоломеевскую ночь было задачей вполне осуществимой. Рискованной, но возможной. Но было не до того.

Первым делом Михаил показал Молчуну жестом, чтобы держал ушки на макушке. Потом прикинул их шансы проскочить через мост незамеченными и оценил как близкие к нулю. Надо было уходить, а не мнить себя Терминаторами. Найти переправу (черт с ним, поплаваем, не впервой!) и унести ноги от этих мест.

Сергеев тщательно зачехлил бинокль, кивнул Молчуну и начал отползать с пригорка задом наперед. Спустившись на пару метров ниже гребня, они встали на ноги и отряхнули одежду от прилипших листьев и комочков земли. Надо было упаковаться и выступать, а настроение было просто никуда. С рассветом начало ощущимо холодать, и мысль о предстоящей переправе «радовала» чрезвычайно.

Приторочив спальник к верхнему клапану «станка», Сергеев разогнулся, похрустывая затекшими за ночь позвонками, и увидел, что Молчун стоит с поднятыми руками – автомат лежал рядом с рюкзаком. Выражение лица у Молчуна было не то чтобы испуганное, скорее, озабоченное – глядя на него, не хотелось прыгать в сторону, как Тарзан, и устраивать пальбу по кустам. Молчун легко отличал смертельную опасность от любой другой, и, если бы их жизни что-то реально угрожало, уж будьте уверены, здесь бы кипел бой местного значения.

Сергеев медленно, не трогая оружие, повернулся в ту сторону, куда смотрел Молчун, и увидел бородатого мужчину своих лет, одетого в черный десантный комбинезон и короткие сапоги с подвернутыми голенищами. В руках у мужчины был «калаш», нос украшали очки с перевязанной синей изолентой переносицей, а на голове красовалась черная кипа. Вкупе с грозным выражением вполне русского лица эффект создавался слегка комический, но шутить почему-то не хотелось. Автомат мужчина держал профессионально, а промазать с расстояния в десяток метров было задачей трудной – не той толщины были стекла очков.

Рассмотрев обернувшегося к нему Сергеева, мужчина заулыбался, показав зубы, сохранившиеся в шахматном порядке, опустил автомат и сказал тихонько:

– Шалом!

Молчун посмотрел на Сергеева недоуменно и медленно

опустил руки.

– Шалом! – отозвался Сергеев. – Ты не шуми, Мартын, там...

– Знаю, – отмахнулся бородач, – видел. Хватайте шмотки и дуйте за мной.

Уговаривать не пришлось – почти перейдя с шага на бег, они удалились от места встречи метров на триста и по широкому полуосыпавшемуся рывчаку спустились в овражек. Еще через сто метров дно овражка начало плавно подниматься и тропа вывела их на большую поляну, окруженную густым сосняком.

На поляне был разбит передвижной лагерь, разбит грамотно, по всем правилам фортификационного искусства, унаследованного общиной от переселенцев, немало натерпевшихся от краснокожих аборигенов три с лишним века назад под совершенно другим небом.

Телеги на резиновом ходу (благо колес с покрышками в разрушенных городах хватало с избытком – только успевай таскать) с полотняными навесами, делавшими их похожими на древние фургоны, были составлены в круг, внутри которого находились лошади и палатки. Под некоторыми фургонами виднелись стволы пулеметов, торчащие из-под брустверов, сложенных из набитых землей мешков.

Сергеев хорошо знал, что Равви, бывший выпускник Харьковского гвардейского танкового училища, бывший полковник Советской армии и член КПСС, бывший полков-

ник армии украинской, блестящий демагог, воинствующий атеист и стопроцентно, до двадцать второго колена, русский, он же предводитель иудеев Ничьей Земли, командующий Свободной еврейской армией, умеет организовать оборону. Ему б еще пару танковых рот, тысячи полторы пехоты – и порядок в Зоне совместного влияния был бы восстановлен на веки вечные. Правда – огнем и мечом, но кто сказал, что такой порядок будет хуже существующего?

Было Равви, которого когда-то в миру звали Александром Ивановичем Бондаревым, лет семьдесят с хвостиком, и более всего он напоминал внешним видом сказочного Кощея Бессмертного. Высушенного, словно мощи, лысого, как бильярдный шар, крючконосого, со ртом, похожим на прорезь в почтовом ящике, но не высокого, как сказочный персонаж, а, наоборот, малого ростом.

Сходство с Кощеем усугублялось тем, что вместо правой ноги, до колена, и левой руки, до локтя, Равви носил протезы. Руку Равви потерял в Афгане, в восемьдесят пятом, когда душманы расстреляли танковую колонну под Кандагаром, а ноги лишился уже здесь, лет пять назад, во время боя с бандой Губернатора. Губернатор, правда, при этом остался без головы, а из его отряда, тогда самого многочисленного и жестокого в ЗСВ, уцелело едва ли с десятков человек, разбежавшихся в ужасе по медвежьим углам.

Сергеев Равви знал хорошо. Друзьями они не были, таких у Равви вообще не водилось, но хорошие отношения под-

держивали.

Несколько раз Михаил выполнял некоторые достаточно деликатные поручения Бондарева, в основном курьерского свойства – Равви поддерживал связь и с Россией, и с Конфедерацией. Один раз вывел Равви на военный склад, расположение которого выведал чисто случайно. Это было не столько услугой, сколь совместным проектом – без Равви и его гвардейцев добраться до места и захватить все армейское добро возможным не представлялось. Благодаря этой наводке отряд Бондарева вооружился, как войсковое соединение, да и сам Сергеев тоже обижен не был.

А один раз Равви и его бойцы по-крупному выручили Сергеева, которого обложили, как волка в дюнах, возле Комсомольска. Михаил держался на разбитом дебаркадере почти сутки, и, когда у него осталось полтора рожка для «калаша» и два десятка патронов для обреза, со стороны городских развалин выскочила боевая группа Равви. Бой был коротким. Пленных не брали.

После этого случая Сергеев даже отлеживался в лагере Еврейской армии почти две недели – пощипали его основательно. За время вынужденного безделья он вдоволь пообщался с Бондаревым, используя возможность узнать его поближе, и даже имел роман с одной девушкой из общины, выполнявшей при нем обязанности медсестры. Правда, кто и с кем имел роман – определилось позже, уже перед уходом. Девушка была возраста самого что ни на есть детородного, об-

щине нужна была свежая кровь, а рожденный иудейкой ребенок в любом случае был иудеем. В концепцию религиозного боевого формирования, созданную Бондаревым, это прекрасно укладывалось. Так что, чем черт не шутит, в лагере, к которому они приближались, у Сергеева вполне мог подрастать сын.

При этой мысли Сергеев невольно улыбнулся. С детьми у него в жизни не задалось. Вначале круг обязанностей такого развития событий не предполагал. Вообще. Отсутствие родителей и близких родственников считалось положительным дополнительным фактором для быстрого карьерного роста.

Какой отец, какая мать, когда есть Родина, ее передовой отряд и их политические и материальные интересы? Потом, когда Родина кончилась, политические интересы диаметрально поменялись, а материальные интересы как-то сразу, без прелюдий, стали иметь вполне определенных собственников, он, наслаждаясь свалившейся с неба свободой, не задумывался ни о семье, ни о наследниках. А когда встретил Вику – у нее уже была Маринка, и вопрос о совместных детях даже не обсуждался.

Маринку Вика долго от него скрывала – не показывала фотографий, почти не говорила о ней и отказывалась знакомить. Первое время, пока их связь носила оттенок непостоянной, почти случайной, во всяком случае, с ее стороны, Сергеев и не знал, что у Плотниковой есть дочь. Вика приходила и уходила, отгородившись от него стеной, загляды-

вать за которую Сергееву, ну не то чтобы запрещалось, но, во всяком случае, было крайне нежелательно.

Ужин, разговоры о прочитанных книгах (грех безудержного книгочейства Сергеев сохранил с молодых ногтей и отказываться от него не собирался), совместные просмотры новинок кино. Театры, в которых Плотникова неизменно производила впечатление на всех пришедших на встречу с Мельпоменой мужчин, своей манерой держаться даже более, чем своей внешностью. Потом они ехали в его квартиру и занимались любовью. Литература, кино, театр, секс. Порядок мог меняться – суть никогда. Ничего личного. Стерильность, лишенная запахов, кроме запахов разгоряченной плоти и ее гвоздичных сигарет.

Никаких разговоров о работе. Вика продолжала травить Криворотова, лезла в какие-то расследования бензинового бизнеса, писала ряд статей о цензуре на Украине для польского WPROST, но не посвящала Михаила ни в какие подробности своей журналистской деятельности. Семья Плотниковой тоже оставалась «за бортом». Она была, но где-то там, за пределами отношений. Михаил был вынужден признать, что этот предел обозначал не он – она.

Сергеев понимал, что такие отношения являются пределом мечтаний большинства мужчин. Красивая женщина, необременительный роман. За свою жизнь он неоднократно строил все именно по этой схеме. Но всегда инициатором, автором такого сценария был он сам.

Когда он задавал вопросы, Плотникова отшучивалась или прямо говорила:

– Оно тебе надо, Сергеев? Тебе чего-то не хватает?

В сущности – ему всего хватало. А вот в целом – нет. В их связи было что-то пергидролевое, ненатуральное, как в зимней клубнике, появившейся пару лет назад в киевских дорогих супермаркетах, – соблазнительной, алой, глянцевой на вид, а укусишь – трава травой.

Но однажды, уже после того, как их отношениям исполнилось полгода, он случайно встретил Вику с дочкой на Крещатике, возле Бессарабского рынка. Михаил любил заехать сюда на выходные, чтобы выбрать зелень (вах, какой базилик, слююююшай!) у колоритных грузин, взять любимую телячью вырезку или кусок свежайшей свинины и розового, с темно-красной прожилкой, свежего сала у родных, украинских торговков.

Высокий, стеклянный потолок, ломящиеся от изобилия еды прилавки, сумасшедшие даже по киевским меркам цены и неповторимый колорит Бессарабки с ее терпким букетом запахов. Смеси цветочного аромата от роз и лилий, продающихся у входа, легкого кровавого «мясного» запашка, острых, как специи, запахов корейских солений, свежей колкости листьев кинзы и перечной мяты, растертых между пальцами. И этот гул голосов под сводом. И первый осенний мед в баночках из-под майонеза «Провансаль» – прозрачный и тягучий. И глянец натертых краснобоких яблок,

и кисло-сладкая матовость боков зеленых «семиренко»...

Сергеев поставил машину на стоянку и пошел к рынку, с лентой, чуть вразвалочку. Светило мягкое сентябрьское солнышко – осень начиналась неторопливо. Просто лето сбросило обороты, и августовский жар сошел на нет, без долгих, как ночи в декабре, дождей и слякоти, смывающей с Киева краски.

На выходные город пустел: кто победнее – ехал на «фа-зенды», готовить дачки к зиме, кто побогаче – выезжали в загородные имения, ловить последние лучи теплого солнца. Почти на перекрестке Креста и Шевченко скучал в стеклянной будке дежурный гаишник – машин было мало. С деревьев опадали «обугленные» по краям до рыжего цвета листья, и шлепались оземь, выбрасывая коричневые ядра, зрелые каштаны.

Возле кинотеатра, переживающего не лучшие времена, Сергеев приостановился – между колоннами размещался книжный лоток, где иногда в горах книжного мусора удавалось откопать что-нибудь интересное. Он уже сделал шаг к лотку – и тут же столкнулся нос к носу с Плотниковой, держащей за руку симпатичную, такую же черноволосую, как она, девочку лет восьми-деяти. Девочка была удивительно похожа на маму, хрупкая, тоненькая – только волосы были коротко стрижены и глаза другого цвета – черные, блестящие, как агаты, зато такие же миндалевидные, с необычным разрезом – к вискам.

– Привет, – сказал Сергеев, улыбаясь. Он был действительно рад встрече.

– Привет, – сказала Вика не очень дружелюбно.

Сергеев сел на корточки, аккуратно поддернув брюки на коленях, и оказался с маминой копией лицом к лицу.

– Привет, – повторил он. – Я – дядя Миша, друг твоей мамы. А ты кто?

– Я? – спросила копия, слегка растерявшись. – Я – Марина, ой, Марина! – поправилась она.

– Очень приятно, – сказал он серьезно.

– И мне, – сказала Плотникова-младшая, но по ее лицу было видно, что она не до конца уверена, приятно ей новое знакомство или нет. Для подтверждения она подняла глаза на маму, но мама, склонив голову набок, с укоризной смотрела в глаза Сергееву.

– Ну, – спросила она, – познакомились? И почему Киев – такой маленький город?

– Давай потом, – произнес Сергеев негромко. – Встретились, так случилось. Не всю же жизнь ты от меня ее прятала бы? Так?

И обратился к Марине:

– Как ты смотришь на то, чтобы пойти пообедать вместе?

– Может быть, ты спросишь у меня? – Плотникова насмешливо подняла бровь.

– А что, если я спрошу у вас? У обеих?

Плотникова-младшая растерянно переводила взгляд с

Сергеева на мать, явно не понимая, как вести себя дальше.
– Принимаем приглашение? – спросила Вика у дочери.
Та несмело кивнула и улыбнулась, показав зубы, закованные в металлические брекеты, – этаким маленький черноглазый вампиренок.

– Пошли, – сказала Плотникова. – Или поехали?

– Наверное – поехали. День хороший, посидим на воздухе. Тебе, красавица-девица, мороженое можно?

– Можно, наверное. Если мама не против.

– Мама не против, – ответила Вика.

Плотникова-младшая с удовольствием забралась на заднее сиденье «тойоты», и, поглядывая на нее в зеркало заднего вида, Михаил заметил, что девочка рассматривает его настороженно, как ему показалось, с недоверием.

Плотникова-старшая уселась впереди, рядом с ним, сдвинула красивые колени,правила в меру короткую белую юбку и, скрестив руки на своей ярко-красной сумке от Валентино, вопросительно посмотрела на Сергеева. Можно сказать, даже с вызовом посмотрела. Мол, да, у меня дочь, взрослая девочка! Ну и что?

«Кто ж тебя так обидел? – подумал Михаил, заводя машину. – Почему ты выставляешь иголки, ожидая нападения, подвоха там, где его не следует ожидать? Зачем ты прилагаешь столько усилий, чтобы держать дистанцию? Какая история стоит за всем этим? Что научило тебя так „не любить“? Даже испуганный еж разворачивается со временем, а ты, по-

хоже, лишена умения раскрыться. Так и катишься по жизни колючим шаром, поверив, что иначе нельзя».

– Предлагаю целую программу, – сказал он, выворачивая на Крещатик, – обед – это раз. Парк – это два. Кино – это три.

– Мы с мамой хотели пойти на Сенку, – сказала Марина.

– Почему нет? – легко согласился Сергеев. – Едем? Твоя машина где? – спросил он Вику.

– Оставила у дома. Надо хоть иногда ходить пешком.

– Тоже правильно. Можем оставить возле Сенного мою и пройтись немного.

– Давай не превращать все в спектакль, – сказала Вика сдержанно. – Делай, как тебе удобно. Мы ведь сломали твои планы?

– Если честно, – сказал Сергеев, – то всего планов и было, что пройтись по Бессарабке и набить холодильник. Ты как думаешь, что мне приятнее?

Она пожала плечами.

– Ну так что, на Сенку?

Машину действительно удалось припарковать с трудом – в воскресные дни припарковаться рядом с блошиным рынком было проблемно.

Маринка шла впереди, рассматривая вещи, выставленные на тротуаре, заглядывая на лотки с разложенным по нимхламом, среди которого еще несколько лет назад можно было найти поистине бесценные вещи. Судя по всему, это доставляло ей истинное удовольствие.

Михаил с Плотниковой шли сзади, не под руку, а просто рядом, как малознакомые люди.

– Она рисует? – спросил Сергеев.

– Да.

– Хорошо?

– Для ее девяти – прилично. Ее хвалят.

Она из всех сил старалась не показать, что гордится талантом дочери – говорила со всем возможным равнодушием.

– Прекрасное увлечение для девочки. Покажешь как-нибудь?

– Послушай, Сергеев, давай не будем...

– Что – не будем?

– У нее уже был один отец, зачем повторять?

– Родной отец?

Вика рассмеялась то ли с горечью, то ли иронично – не разберешь.

– Нет, дополнительный. Родного, на ее счастье, она не знала.

– Так плохо?

– Гораздо хуже, чем ты можешь себе представить.

– Если мне позволено будет спросить...

– Зачем? Ты же бережешь свои тайны, Сергеев? Дай мне хранить мои.

– Представь на секунду, что я берегу не свои тайны.

– Чужие и опасные? – спросила она с издевкой.

– Гораздо более опасные, чем ты можешь себе предста-

вить. И уж точно – чужие.

– Ах, какие мы загадочные!

– Ты зря смеешься, – сказал он, – совершенно несмешная вещь хранить чужие секреты...

– Знаешь, Миша, – Вика поправила соскользнувший было с плеча ремешок сумки, – более всего в жизни не люблю чего-то не понимать. И позеров не люблю. До дрожи. Знаешь, тех, кто дует вокруг себя радужный шар – мыльный такой пузырь, весь в разводах. Они всем его демонстрируют, врут, что это размер их личности, а это на самом деле махонький кусочек мыла. Тоненькая такая пленочка вокруг абсолютной пустоты. Коснешься его, хлоп, а личности-то и нет, и пальцы в чем-то скользком. Так вот, с тобой у меня постоянное ощущение, что меня обводят вокруг пальца. Такое неприятное двойственное чувство. Знаешь, я ведь впервые в жизни сплю с женщиной, которого не понимаю. Я не знаю, действительно ли ты хранитель чужих тайн, настолько порядочный, что трудно себе и представить в наше-то время. Или все-таки ты – тот самый мыльный пузырь?

– Попробуй, дотронься!

– А толку?

– Тогда поверь на слово.

– Вот уж чего делать не собираюсь.

– Иногда я думаю, чего в наших отношениях больше – любви или ненависти?

– Влечения.

– И все?

– Пока – все. И у меня нет желания превращать это во что-то большее. Мы оба получаем то, чего хотим. При чем тут любовь? При чем тут ненависть? Мы встречаемся, когда хотим, общаемся, когда хотим, занимаемся любовью, когда хотим. А не хотим – ничего этого не делаем. Все прекрасно, господин Хранитель! Зачем нам усложнять? Дети, семьи, родственники, проблемы. Потом – недовольства, ссоры и прочие радости.

– Знаешь, Вика, я думал, что все и так сложно.

– Ага, сейчас ты скажешь, что у тебя такое в первый раз! Сергеев, я очень удобная! Мне не надо врать. Меня не интересует, спишь ты с кем-то, кроме меня. Меня не интересует, какой у тебя бизнес. Меня не интересует, откуда ты. Если ты когда-нибудь исчезнешь из моей жизни, честное слово, я не буду интересоваться, куда ты пропал. Видишь, как все просто?

Сергеев посмотрел на нее с неподдельным удивлением.

– Тебе кто-нибудь говорил, что ты все-таки стерва?

Вика расхохоталась и, ухватив Михаила под руку, прижалась к его плечу, сверкнув из-под ресниц своими медовыми глазами.

– Да, я стерва, дорогой, – произнесла она вкрадчиво, – еще и какая! Но я очень удобная стерва! Без претензий на твою свободу и личность. И очень мало прошу взамен. Догадался, чего прошу?

– Чтобы я не претендовал на твою свободу и личность?

– Угадал, умничка! Я не очень многого прошу?

Сергеев покачал головой.

– И еще – я не хочу, чтобы Маришка мне задавала вопросы потом. Поэтому я не хотела вас знакомить. И сейчас не хочу, чтобы вы общались. Ты, наверное, хороший, но ребенок не должен пострадать, если вдруг я ошибусь.

– И это только потому, что в свое время ты один раз ошиблась? – спросил он.

Она молча подняла два пальца, словно сделала жест victory, и сказала:

– Два! Это уже слишком много.

Она посмотрела на дочь, рассматривавшую коллекцию фарфоровых статуэток вековой давности с серьезностью и вниманием взрослого человека, потом подняла глаза на Сергеева.

– Я даю ей все, что могу. Думаю, что больше, чем могла бы дать, останься я в свое время с ее отцом. И не хочу, чтобы в один прекрасный день она ощутила чувство потери только потому, что у меня и у тебя все кончилось.

– Ты хочешь, чтобы между нами всегда была стена?

Вика пожала плечами, словно поежилась.

– Что ты хочешь от меня?

– Я? – удивился Сергеев. – Вика, я хочу, чтобы ты не считала меня чужаком.

– Значит, надо придумать определение. Временно родной.

Устраивает?

– Ты хочешь, чтобы я разозлился, повернулся и ушел?

– А ты разозлишься, повернешься и уйдешь?

– Нет, – сказал Михаил, – но ты, кажется, ведешь к этому.

– Перестань, – сказала Плотникова устало. – Хороший день, давай не будем его портить. Я такая, какая есть. Могу нравиться, могу не нравиться. Другой я уже не буду. Смотри, – она снова взяла его под руку, – светит солнышко. Мы гуляем. Маринке хорошо. Нам хорошо. Что нам будущее? Что будет, то будет! Есть сегодня. Может быть – будет завтра. Я не себя защищаю – ее. Это ты можешь понять?

– От меня? – спросил Михаил мягко.

– От всех, – сказала Вика. – Вы приходите и уходите. Я остаюсь. Мы остаемся, – поправилась она.

– И ты не хочешь ничего менять?

Она покачала головой.

– Пусть все идет, как идет, Сергеев. Пока нам хорошо вместе – все останется, как есть. Может быть, я даже люблю тебя. Пока не знаю. Я уже говорила тебе – ты мне интересен. Но говорить, что так будет всегда, я не буду, потому что это не так. Я – кошка, которая гуляет сама по себе. Могу пообещать тебе одно – если я тебя разлюблю, ты узнаешь об этом первым.

– За это – спасибо, – сказал Сергеев.

– Да не за что, – Плотникова внимательно посмотрела на него и улыбнулась чуть натянуто.

– И все-таки ответь, – спросил он, заранее догадываясь, каким будет ответ, – ты действительно не хочешь ничего менять?

– Там видно будет, – сказала Вика. – Жизнь – она длинная.

Глава 4

Внутри лагеря было тихо. Большинство обитателей все еще спало. Бодрствовала охрана внешняя и внутренняя, дежурные по лагерю сустились у походной кухни, готовя завтрак. Походные кухни были результатом того самого памятного Сергееву рейда на армейские склады, и он удовлетворенно улыбнулся. И палатки у Еврейской армии были хоть куда: почти новые, маскировочных расцветок, с тамбурами, клапанами и противомоскитными сетками на молниях.

Их сопровождающий, Мартын, провел их через часовых, смотревших на пришельцев с подозрительностью, только один из них, узнавший Михаила в лицо, приветливо кивнул и улыбнулся. При взгляде на бойцов охранения вспоминались старые фильмы про мормонов. Те же глухие черные костюмы, правда, не сюртучные пары, а комбинезоны спецназа, те же широкополые черные шляпы – только пейсы и короткоствольные автоматы нарушали общую картину.

У двоих из часовых Сергеев увидел в руках «галилы» и даже опешил слегка. Неужели Бондарев добился поставок оружия с исторической родины? Хотя какая это для него историческая родина? Воронеж с Курском – для него историческая родина. Не Мелитополь даже, если, конечно, по физиономии судить. Израильские автоматы, новенькие, в руках военизированного отряда посреди Зоны совместного влияния.

С ума сойти можно! Кафка и Ионеско – отдыхают. Но Равви-то каков, жучара!

Сергеев замер перед входом в большую палатку – настоящий шатер, а не палатка, на откидном клапане которого, через трафарет, аккуратно, была изображена белой краской Звезда Давида.

Просто и со вкусом. Никакого тебе шитья, никакого золота и пошлой роскоши. Равви с выбором не ошибся. Он всегда был точен в расчетах – религия изгоев и прагматиков подходила для его целей больше всего. Да и цели были просты и прозрачны – выжить и доминировать.

Христианство Равви отверг по причине того, что те, кого уничтожила катастрофа, в абсолютной своей массе были христианами. И в свой последний миг они молили Иисуса о спасении, но тщетно. Аргументы Сергеева о том, что в этот самый момент о спасении с тем же результатом молили своих богов и евреи, и мусульмане, Равви отвергал как несущественные. Десятки тысяч против миллионов – процент, который можно не учитывать при выборе пути к спасению. Особого выбора не было – из основных мировых религий Бондарев решил стать апологетом одной из самых древних – иудаизма. Тем более что к мусульманам после Афганистана Равви испытывал сложные чувства.

Иудаизм – суровая религия с историей в пять тысяч лет, религия воинов, религия, имеющая столько ограничений и запретов, как ни одна другая в мире. И, наконец, просто

сложная для соблюдения традиций из-за всех этих суббот, кошерности и прочих особенностей была выбрана Равви, который, по его собственному признанию, в синагоге до этого был один раз лет пятьдесят назад, совершенно случайно. Кроме звезд, нарисованных на потолке и резной балюстрады на втором этаже залы, Бондарев ничего не помнил – был он не совсем трезв, и что за надобность привела его вместе с друзьями лейтенантами в синагогу закарпатского города Виноградово, осталось тайной за семью печатями.

Как и где Равви нашел себе в советники Матвея, тоже было тайной. Матвей до катастрофы был бизнесменом, но, на свое счастье (или беду), вырос в достаточно религиозной еврейской семье. Не ортодоксальной, но верующей, и представление об иудаизме, его традициях и особенностях имел. С языком, правда, не заладилось. Ни иврита, ни идиша Матвей не знал (несколько слов от бабушки – все), Тору никогда не читал, только слышал, как читают. Но личностью Матвей Подольский был творческой, и их тандем с полковником Бондаревым оказался почище тандема Ильфа и Петрова. За кратчайшие сроки чистокровным русаком и светски воспитанным евреем была создана разновидность религиозной общины, как нельзя лучше подходящая к нечеловеческим условиям жития человека в Зоне совместного влияния.

В этой религии свинья не была нечистым животным (когда есть нечего – особо не повыбираешь), в субботу мож-

но было воевать, мясное смешивать с молочным, а младенцев не обрезали из-за недостатка лекарств и без того высокой детской смертности. Но красивые традиции, праздники, мифологию и железную вертикаль общинной власти Равви с Матвеем оставили в неприкосновенности. И еще было сохранено резкое деление мира на своих и чужих.

Члены общины были друг для друга, как братья или сестры, как кровные родственники. Пришлый человек всегда оставался гоем, чужаком, если не проходил посвящения или не становился мужем одной из женщин общины. Родившиеся дети считались евреями, даже если отец был гой – материнской крови было достаточно. Так было всегда, и эту особенность иудаизма Бондарев и Подольский оставили без изменений.

В результате последовательной политики отбора кадров, критериям которой позавидовал бы любой политотдел, через несколько лет Еврейская армия стала сильным формированием, с которым считались и в ЗСВ, и, что уж скрывать, за ее пределами. Равви и его отряд уважали все: те, кто делал на Ничьей Земле бизнес, те, кто использовал ее в политических целях. И даже те, кто просто наблюдал за событиями в ней с неизвестными намерениями.

На руках у Равви была боеспособная единица, зародыш или, если быть точным, спора нации – превосходно обученный отряд, два жизнеспособных, хорошо укрепленных кибуца на Плодородных Землях и еще один кибуц под Киевом,

где его люди занимались земледелием. И если у кого-нибудь на Ничьей Земле были шансы в обозримом будущем стать ее хозяином – так это у Равви.

Перед входом в палатку Мартын предложил им оставить оружие в «пирамиде». Сергеев сделал знак Молчуну, снял рюкзак, уложил его на землю и аккуратно поставил в стойку свой автомат. Кобуру с обрезом пришлось повесить на край «пирамиды». Молчун скривился недовольно, но сделал то же самое.

Пройдя мимо двух охранников, они вошли в палатку.

– Сергеев, – вкусно пробасил Равви, идя к ним навстречу, – Сергеев, как я рад тебя видеть!

Как это сухое тело могло издавать такие могучие звуки, для Михаила всегда было загадкой. Но факт оставался фактом – голос у полковника был, как у иерихонской трубы.

– Шалом, Равви! Шалом, Мотл! – Матвей шел в шаге за Бондаревым, чуть позади, как всегда.

– Шалом! – отозвался Подольский.

Если Бондарев почти не изменился, то Матвей за тот год, что они не виделись, сильно постарел. Было ему лет на семь меньше, чем Михаилу, но лицо его прорезали глубокие морщины, почти все волосы выпали, остатки, покрывавшие шишковатый череп легким пухом, были белы, как снег. Выглядел он едва ли не старше Равви, которому годился в сыновья.

– Присаживайтесь!

Хоть мебель в палатке была раскладная, походная, сидеть на ней было в удовольствие. Все же не на сырой земле.

– Это Молчун, Равви! Знакомься, Матвей! Мой постоянный спутник и друг. Он не говорит, но слышит нормально – так что просто познакомьтесь.

– Хороший мальчик, – сказал Подольский, приглядываясь. – Было бы здорово, чтобы он у нас остался.

– Сомневаюсь, Мотл, – сказал Михаил, – не думаю, что Молчун этого захочет. Но если захочет – дело его. Я не хозяин ему.

– Да, слышали, слышали, – махнул рукой Равви. – Естественно, не хозяин – друг! Не беспокойся, ты же знаешь, к нам приходят только добровольно.

Он зычно рассмеялся.

– Иначе я бы тебя уже прихватил. Мне бы полдюжины таких, как ты...

– И ты бы взял Дамаск!

Теперь расхохотались трое мужчин. Молчун, не поняв сути шутки, недоуменно крутил заросшей головой.

– Мой дозор наткнулся на вас ночью, у моста, Мартын тебя узнал, доложил, и я решил пригласить вас к себе. Могу я предложить вам поесть?

– Можешь, – с удовольствием сказал Сергеев. – Еще как можешь!

– Мотл, распорядись, – приказал Равви. – И выпить.

Матвей вышел и снаружи раздался его голос. Равви вздох-

нул.

– Эх, давно я не пил! Спирт, представляешь! Я в развалинах завода нашел два десятка бочек спирта! А выпить по-настоящему – не с кем! Матвей не пьет, его желудок долбит, и вообще, ты же видишь, со здоровьем у него проблемы. Для остальных – я ребе, Учитель. Я с ними пить не могу, авторитет потеряю. Скажи честно, ты спешишь?

– Спешу, – признал Михаил с сожалением. – Я действительно спешу, Равви. Даже опаздываю. Мост перекрыт, а мне надо на ту сторону. И быстро надо.

– Жаль, – сказал Равви, – в прошлый раз, когда тебе чуть не оторвало задницу, мы здорово провели время. Ты – хороший собеседник, Миша, хоть и молод еще.

Матвей снова вошел в палатку. За ним двигался Мартын с двумя мисками, полными кукурузной кашей с кусочками сала и мяса, и еще один боец, высокий, сухопарый и подвижный, нес походный набор – графинчик и рюмки на стальном подносе.

Сергеев увидел парок, поднимающийся над кашей, уловил ее запах и шумно сглотнул, не сдержавшись.

– Вы поешьте чуть-чуть, – сказал Подольский, разливая прозрачную жидкость по рюмкам, – а то спиртягу, на голодный желудок... Равви может, он такой, а вам бы поесть...

Ни Молчуну, ни Сергееву дважды повторять не пришлось. Каша, заправленная салом, была превосходна.

– Тут кабанов – тьма, – пояснил Бондарев, наблюдая, как

гости уминают угощение за обе щеки. – Места-то сравнительно чистые, леса кислотой не выело. Так что скотина есть. С голоду умереть трудно. Ну что? Давайте по одной?

Выпили все, и Матвей с Молчуном тоже. Спирт был крепок и чист, после жирной каши скользнул внутрь незаметно, не пьяня, а только согревая.

– Я после того, – сказал Равви, – еще два склада нашел. И продовольствие, и техника, и оружие. Даже приборы ночного видения есть. Хочешь один? Могу подарить.

– Не откажусь, – сказал Сергеев. – Равви, нам на ту сторону нужно. Как быть?

Бондарев недовольно цыкнул зубом.

– Как быть?! Они на переправе уже третий день сидят! Мы вначале хоронились, даже кухни не разжигали. А потом сообразили, что они нас не видят из-за леса. Вертолет раньше десяти утра не взлетает, а у нас к этому времени все погашено. И вечером они там пьянствуют, никуда не смотрят.

– Не пойму, – сказал Сергеев, – почему они еще живы? Теряешь хватку, Равви?

За Бондарева ответил Матвей, покрасневшийся от рюмки, что твоя девица. Правда, румянец был нездоровый, пятнами по щекам.

– Мы решили их не трогать. Это не вояки. Не ооновцы. Не бандиты – откуда у бандитов вертолет? Зачем трогать тех, о ком ничего не знаешь?

– Ну почему же не знаешь? – спросил Сергеев, прищу-

рять. – Ты налей, Матвей, а я вам расскажу, кто эти ребята, по моему разумению.

Услышав рассказ Михаила, Равви вскочил и зашагал по палатке, заложив здоровую руку за спину и припадая на протез – для полноты картины не хватало попугая на плече, повязки на глазу и пятидесяти килограммов веса на талии. Сильвер, да и только!

Лексикон у него был еще тот, и пират бы покраснел. Религиозный лидер новой формации исчез – по палатке вышагивал полковник Бондарев по кличке Говорящая Голова, только почему-то в кипе и с бородой.

Смысл речи, если отбросить цветистые выражения, сводился к тому, что если бы он догадывался о том, кто расположен лагерем в паре километров от них, то не то что Сабра и Шатила, а даже деревня Сонгми оказались бы санаторием в сравнении с тем, что ожидало охотничков.

Зная таланты Равви и его опыт проведения зачисток, Сергеев был склонен ему верить.

– Значит, так, – приказал Равви, выговорившись, – штурмовую группу – ко мне! Сколько снайперов у нас там в охране?

– Трое, – ответил Матвей.

– Связь с ними есть?

– Есть. Пока приказано соблюдать радиомолчание.

В палатку влетел молодой, лет двадцати пяти, парень, небольшого роста, хрупкий, стриженный коротко, почти на-

лысо и лопоухий до смешного. Но с таким взглядом глубоко посаженных карих глаз, что желание смеяться отпадало немедленно.

– Командир штурмовой группы...

Начал было он, но Равви махнул рукой и сказал:

– Вижу, что прибыл! Вот что, Вадюша, бери своих архаровцев и дуй к вертолету. Занимайте позицию и ждите вот их, двоих, – он указал на Сергеева и Молчуна. – Как подойдут – атакуйте. Пленных не брать. Будут живые – допросить и в расход. Дальше проводишь через мост, если надо – дашь кого из своих, до места довести. Ты Сергеева знаешь?

Вадим бросил на Михаила быстрый взгляд и кивнул:

– Помню. Виделись.

– Ну и отлично! Там, на позиции в гнездах – три снайпера. Они помогут. Используй.

– Хорошо, командир. – Сказал парень чуть не по-уставному. – Разрешите исполнять?

– Давай, работай!

– Равви, – сказал Матвей вполголоса, когда командир штурмовиков выскочил вон, – может быть, не надо? Пусть себе... Что мы, Мишу в другом месте не переправим, в конце концов... Ребят же положим.

Равви глянул на него так, что будь Мотл попугливее, точно бы попытался убежать.

– Отдохнуть сейчас не приглашаю, – обратился Равви к Сергееву и Молчуну, – как я понял, времени у вас нет. А вот

если будет у вас на то желание – погостить попозже, так это в любой момент. Милости просим! Ты проводишь, Мотл?

– Провожу, – сказал Матвей.

– И в дорогу пусть соберут ребятам.

– Хорошо, Равви.

– И ночного видения прибор пусть положат, я обещал.

– Хорошо, Равви.

– Рад был видеть тебя, Миша. Предложение мое остается в силе.

– Спасибо, полковник, я подумаю.

– Ты всегда так говоришь.

– Дамаск далеко, – сказал Сергеев, – и ты пока обойдешься и без меня. Но за приглашение – спасибо.

Равви улыбнулся. С одной стороны у него во рту были стальные коронки, отчего улыбка получалась не сильно приветливой.

– Пошли, – сказал Матвей от входа, – скоро девять. В десять они обычно взлетают.

На улице стало еще холодней. Из рта шел пар, трава быстро покрывалась инеем. Судя по всему, к ночи могло быть намного ниже ноля. Хоть зимы после Потопа были теплыми, но климат был неровным, и временами становилось так холодно, что столбик термометра опускался до минус двадцати – двадцати пяти, чтобы через несколько дней опять взлететь на плюсовые отметки.

– Есть что-то, что тебе конкретно нужно, – спросил Мат-

вей, пока они шли к фургону с продовольствием. – Ну там патроны, гранаты?

Сергеев покачал головой.

– Лекарства?

– Спасибо, Матвей, все есть. Еды немного возьму и таблеток обеззараживающих для воды – у нас кончаются. А прибор, что полковник говорил, не надо. Зачем он мне?

– Если я не выполню приказ – старик огорчится.

– А кто ему скажет?

– Я. Я ему никогда не вру.

– Договор у вас такой?

– Религия не позволяет.

– Слушай, Матвей, ты хоть мне не заливай насчет религии. Я же тебя не первый год знаю. Прямо уж, если соврешь – у тебя язык отсохнет.

– Тогда зачем глупые вопросы задаешь? Не вру я ему – и все.

– А мне – соврешь?

– И не сомневайся. Кто ты мне? – Матвей невесело улыбнулся. – Гой. Хоть и наш, но все равно гой.

Они остановились возле фургона, и Матвей постучал костяшками пальцев по крашенному зеленой краской борту. В ответ на стук из-под полога высунулась заспанная женщина, с волосами, прикрытыми черной косынкой, завязанной на манер банданы. Из-под банданы лезли на лоб рыжие непокорные пряди. Увидев Мотла, она улыбнулась, сразу сделав-

шись моложе и привлекательнее, и через минуту перед Молчуном и Михаилом лежали несколько упаковок армейских сухарей, банки с тушенкой, пакет с вяленым мясом, соль в белой тряпице и десяток бульонных кубиков.

Матвей нетерпеливо переступал с ноги на ногу, пока они паковались и, дождавшись наконец, быстрым шагом отвел их к палатке с оборудованием, где вручил Михаилу таблетки и тяжелую коробку с прибором.

– Ты уверен, что патронов не надо? – спросил он еще раз.

– Хватит, – сказал Михаил. – Нести тяжело. Но за заботу – спасибо.

Подольский насмешливо фыркнул.

Лагерь почти проснулся, наполнился голосами, в том числе детскими. У рукомойников, которые вешались на стойки у задних стенок палаток, появились люди.

– Слушай, Матвей, – спросил Сергеев, – помнишь, когда я раненый лежал, сестричка за мной ухаживала? Ириной звали.

Матвей оглянулся через плечо, сверкнул черными глазами и снова ссутулился.

– Помню, конечно. Ты ребенком интересуешься? Или ею?

– Считай, что всеми сразу, – сказал Сергеев не очень дружелюбно. Тон, которым Подольский задал вопрос, ему откровенно не понравился. – А что, есть ребенок?

– Нет, – отрезал Матвей, не оборачиваясь. – Ты пустышкой оказался. Или Бог не дал. А она в кибуце под Киевом.

Жива-здорова.

– Что-то я тебя не пойму, Матвей. Обидел я тебя чем?

– Ты тут ни при чем. Не бери в голову. – сказал Подольский. – Зачем тебе лишнее?

«Лишнее? – подумал Сергеев, глядя на узкую спину Мотла, маячившую перед глазами. – Судя по твоему тону, дружище, совсем не лишнее. Чем-то я тебя зацепил. Может быть, вопросом своим сейчас – как по живой ране, подернутой корочкой. Значит, есть что-то, чего я не знаю, а ты мне как мужик мужику ни за какие коврижки не скажешь. Гордость не позволит».

При отходе Сергеев еще раз восхитился местом, выбранным для лагеря. Стоило сделать полсотни шагов – и он исчезал, словно его и не было. Еще через полсотни шагов лес прятал звуки и запахи.

По овражку, ведущему к тропе, они шли быстро, но на бег не переходили. Матвей бежать не мог, он даже от быстрого шага задыхался, и они были вынуждены делать остановки каждые двести метров, чтобы дать ему отдышаться.

– Не лети, – попросил Сергеев, – успеем. Чего ты с нами пошел? Мы и сами дорогу знаем.

– Не обращай внимания, – дышал Матвей тяжело, как ныряльщик. Глаза у него были, как у больного пса, слезящиеся и красные. – Я в порядке.

– Что с тобой? – спросил Сергеев. – Не бережешь ты себя, Матвей. На кого Равви хозяйство оставит?

Подольский засмеялся, с присвистом втягивая воздух.

– Так он тебя звал. Ты же не идешь.

Между деревьями пронеслась целая стая крупных галок, оглашая лес хриплыми криками. Трава под ногами была скользкая, словно масло разлили. На подъеме Матвей даже упал.

– Я-то тут при чем? – спросил Сергеев, помогая Матвею встать. – Это твое детище, тебе и распоряжаться. Со временем, конечно, дай Бог Равви долгих-долгих лет.

– Никак я не пойму, Миша, – сказал Подольский и сплюнул густую, тягучую слюну, – ты ж вроде парень опытный. Не новичок. Равви, слава Богу, жив и здоров, о нем не беспокойся. Его года не берут. А мне не о наследстве, мне о наследниках думать надо. А их нет.

– Шутишь, наверное. Ты же на добрый десяток лет меня моложе. Успеется еще о наследниках подумать.

Сергеев почувствовал, как Молчун тронул его за плечо. Он оглянулся и увидел, как парнишка отрицательно качает головой.

– Да нет, – сказал Матвей, – тут уж разницы нет – моложе или старше. Я сам с Каховки, если помнишь. Я тебе рассказывал. А что после того, как смыло Запорожье, к нам вниз пошло, ты знаешь. Я и сам видел, как люди, попав на пару секунд в воду, сгнивали заживо. Кто за день, кто за неделю. И те, кто умирали за неделю, завидовали тем, кто умер за день.

Он опять споткнулся, почти потерял равновесие и сел,

привалившись спиной к серому и мокрому стволу осины.

Сергеев оказался чуть ниже его по склону, как раз лицом к лицу, и натолкнулся взглядом на взгляд Подольского. И был этот взгляд полон такой беспросветной тоски, такой боли, что Сергеева сразу же бросило в холод. Словно кто-то невидимый задул ему под одежду снежной пыли – мелкой, с колючей ледяной крошкой.

– Там я чего-то и хватанул, – продолжил Матвей, глядя на спутников, но если приглядеться, то, скорее, мимо них, туда, где в низине уже начал скапливаться туман. – Что именно – я не знаю. Никто не знает. Что живой – это повезло. А вот с детьми... С детьми – определенность полная. Не будет у меня детей. Это я Ирину попросил, чтобы она с тобой спала. Ты – пришлый. Пришел, ушел – кто тебя помнит? А это был бы наш сын. И никто бы не знал, что он еще и твой.

– Я не знал, – сказал Сергеев растерянно, испытывая почему-то острое чувство вины за те события двухлетней давности. За хриплые стоны, за жаркое белое тело на черной ткани расстеленного спальника, за легкий, сладковатый запах пота и женщины, который еще долго держался в его палатке, когда она уходила. Хотя чего тут было виниться? Он вспомнил ее торопливые, короткие поцелуи, как дрожали ее колени и губы. Каждый должен был получить то, что хотел. Только Матвей остался ни с чем, а может быть, даже в минусе.

– Она от тебя ушла? – спросил Сергеев. – Из-за того слу-

чая? Из-за нас?

Подольский замолчал, несколько раз подряд моргнул, на-
помнив Михаилу сову, а потом сказал тихо:

– Нет. Я ее отослал.

– Не смог простить?

Матвей рассмеялся, словно закаркал.

– Не глупи, Сергеев. Ты-то тут при чем? Это не мне ее,
тут ей меня прощать надо!

У Сергеева на этот счет имелись свои воспоминания и со-
ображения, но он решил не перечить.

– Зачем отослал?

– Чтобы она не видела, как ядохну! – просвистел поса-
женными легкими Подольский. – Чтобы я не имел причин
для слабости!

– Брось, Матвей, – сказал прозревший за доли секунды
Михаил, – чего б это тебедохнуть?

Все встало на место. Отдыхка, белый пух, покрывающий
его голову, словно тело новорожденного птенца, красные
пятна на щеках, морщины, изменившие лицо до неузнавае-
мости.

Сергеев развернулся и тяжело уселся рядом с Подоль-
ским. По другую сторону от Матвея сел Молчун. Вода на па-
лой листве превращалась в ледяную пленку. Капли, стекав-
шие по стволу осины, – в ледяные шарики. Их дыхание – в
белые струи пара, выпадавшие влагой на одежду за доли се-
кунды.

Не задумываясь, видит ли их кто-нибудь, Сергеев вытащил из кармана сигареты и закурил. Влажный табак трещал от огня, дым был горек.

– И мне, – попросил Матвей.

Молчун ничего не просил, просто взял сигарету сам.

– У тебя рак? – спросил Сергеев.

– Хер его знает, – Подольский потер лицо ладонью, словно пытался разгладить сетку морщин, превращавших его в старика день ото дня. – Наш лекарь обстучал, обнюхал, но что он может? Оборудования нет, лекарств – нет. Ничего нет. Рак, конечно. Я десять килограммов за три месяца потерял. Волосы выпали.

– Ну, волосы от рака не выпадают...

– Брось, Миша, они у меня по всему телу выпали. Ты еще скажи, что это от неправильного питания.

– Боли есть? – спросил Сергеев, догадываясь, что услышит.

– Я второй месяц на морфии.

Матвей докурил и отбросил окурочок в сторону залихватски, щелчком.

– Знаешь, – сказал он почти весело, – я после того, как в Потоп выжил, даже курить бросил. В один день. Думал, вот теперь буду жить долго и счастливо. Чего ж здоровье гробить? Ладно. Это я разнюнился. Все, закончили сопلي и слезы. Вместо меня, скорее всего, будет Вадик. А к лету из Израиля обещали прислать настоящего раввина. Будет у наше-

го полковника свой политрук. Только как он тут питаться собирается, лично для меня загадка. Разве что есть какие-то послабления на случай войны и прочего. Ты случайно не знаешь?

– Что я могу об этом знать? – спросил Сергеев и добавил: – Вот, значит, откуда «галилы»?

– Оттуда, оттуда, – подтвердил Подольский. – Нас на Ничьей Земле больше двух тысяч человек. Армия. Пошли, Вадик заждался.

Он, кряхтя, поднялся на ноги и потрогал руками покрасневшие уши.

– Холодно, – пожаловался он, – надо было шапку надеть.

Вадик действительно заждался. Он лежал почти в том же месте, где на рассвете лежали Молчун и Сергеев, и рассматривал ожившие с наступлением утра позиции охотников в бинокль. Перед ним лежали уоки-токи и укороченный «калашников» со сдвоенным магазином. Заметив, что они подошли, Вадим соскользнул с пригорка и оказался рядом с ними.

– Что так долго?

– Так получилось, – сказал Матвей, – что тут у тебя?

Вадим осклабился и сказал, смешно морща веснушчатый нос:

– Группа на позиции. Снайперы цели определили. Гранатометчики готовы. Можно начинать?

Парень так задорно рвался в бой, что было невооружен-

ным глазом заметно – он получает удовольствие от самого процесса боевых действий. Хорошего преемника имеет Равви в перспективе. Гуманиста.

– Сколько там народа?

Вадим пожал плечами.

– Если мы правильно посчитали – двадцать человек. Но еще могут быть люди в палатках.

– Готовятся к вылету? – спросил Сергеев.

– Есть такое дело.

– Хреново будет, если взлетят, – сказал Матвей и покачал головой.

– Не взлетят, Мотл!

– Если поднимутся, – подтвердил Сергеев, – тогда – туши свет! У них по шесть ракет на «вертушку». Мало не покажется. Ты, кстати, учти, РПГ эту тушу не берет.

– Знаю.

Улыбка у Вадика была что ни на есть людоедская.

– Бить, в случае чего, будем в десантный отсек, там двери сняты, чтоб с пулеметами легче было управляться. В палатку слева не стрелять – наблюдатели говорят, там склад боеприпасов.

И обратился к Матвею:

– Разрешите начинать?

Подольский махнул рукой.

– Слушаюсь, – весело выдохнул Вадик и трусцой побежал в обход, к дороге, на ходу бубня что-то в передатчик.

С пригорка было прекрасно видно лагерь охотников. Нельзя сказать, что все было как на ладони – кое-что выпадало из поля зрения. Было видно людей, собравшихся в палатке-столовой. Трое стояли у костра. Еще пятеро возле газового баллона с горелкой, на котором кипятилась вода для чая и кофе, – большого переносного бака из нержавеющей стали, литров на десять. Что творилось в двух палатках, установленных входами к стоянке вертолета, было не видно вовсе.

Сергеев улегся поудобнее, разложил перед собой три запасных рожка-двойника, осколочные гранаты, навел на столовую автомат и стал ждать.

Справа замер в позиции «к бою» Молчун, слева прижился щекой к ложу АКМа Матвей, перед которым лежала еще и рация, мигавшая красным светодиодом декодера с частотой раз в секунду.

Сергеев насчитал девяносто миганий до того момента, как на несущей зашуршало, и голос Вадика сказал:

– Начали.

Снайпер, который выстрелил первым, находился в «гнезде», на одной из сосен, чуть правее и сзади них. Пуля в медной оболочке со стальным сердечником, калибра 7.62, вылетев из ствола СВД со скоростью почти в три раза выше скорости звука, попала в газовый баллон, на котором грели воду, и прошила стальной корпус навылет, как алюминиевую кастрюлю. Снайпер, сделавший этот выстрел с расстояния в восемьдесят метров, был человеком с чувством юмора. На

гильзе патрона, который он отстрелял, был красный ободок – пуля была трассирующей и всегда использовалась снайпером только для пристрелки. В другой ситуации след, оставленный ею в воздухе, соединил бы мишень и стрелка тонким светящимся пунктиром, но не теперь. Горящий белый фосфор, оседлавший медно-стальной конус пули, влетел внутрь полного смесью пропана и бутана баллона и перед тем, как вырваться наружу, воспламенил газ.

Баллон взорвался, как огромная граната. Трое любителей кофе умерли почти мгновенно. Один из них вспыхнул факелом и сделал еще несколько шагов перед тем, как рухнуть наземь от очереди Молчуна. Пятого швырнуло взрывной волной так, что он, пролетев больше десятка метров, ударился о бронированный колпак кабины вертолета и мешком с костями соскользнул на землю, испачкав стекла темно-красным.

Осколочный заряд, выпущенный из «мухи», влетел в палатку-столовую и взорвался внутри, превращая в мясной фарш находившихся там людей в защитной форме. Но убило не всех. Из клубов кисло пахнущего дыма выскочили несколько человек, и невидимый пулеметчик, залегший афронт, ударил по ним и по тем, кто еще метался или ползал внутри палатки.

В поле зрения Сергеева оставались трое у костра. Один из них присел от испуга, закрывая голову руками, другой бежал к лесу, прямо на их позицию. Третий начал движение в сторону вертолета. Расстояние было метров в сорок – не

дистанция для АКМ. Взяв упреждение на полметра по ходу, Сергеев срезал возможного пилота одним движением ствола, как кочан капусты, под корень.

Рядом плюнул огнем автомат Матвея – даром что ослаб – все три пули попали в цель. Ударил одиночным Молчун, словно кнутом щелкнул. Оставшийся у костра мелькнул в воздухе подошвами новеньких сапог и упал головой в угли.

В три ствола они ударили по непросматриваемой палатке, но из нее уже никто не выбегал. Еще несколько секунд грохот не умолкал – пятнадцать автоматов и пулемет поливали лагерь свинцом, а потом – будто бы дирижер махнул палочкой – все смолкло. Стало слышно тишину. Внутри палатки закричал раненый. Он даже не кричал – он выл.

На поляне появились три человека в черном,двигающихся быстро и плавно, перебежками, прикрывая друг друга. Один из них махнул рукой, внутри палатки что-то лопнуло с резким звуком, и раненый замолк.

– Чисто, – сказала радио. – Птицы, что видно?

– Все, пиз...ц всем! – отозвался незнакомый голос. – Вадик, мы спускаемся?

– Давай, Генчик! Только осторожно.

– Пошли вниз, – предложил Сергеев, вставая, и посмотрел на часы.

Бой продолжался полторы минуты.

– Кажется, ни одного ответного выстрела. Неужели они совсем дилетанты?

Верилось в это с трудом. Не могли здесь быть одни дилетанты. Пусть те, кто платит деньги за развлечение, – непрофессионалы. Но те, кто это развлечение организует, просто обязаны быть людьми сведущими, в противном случае первый же тур окажется и последним.

Здесь же все напоминало лагерь новобранцев. Или даже скаутов.

И еще – одно правило, вынесенное из прошлой жизни, написанное кровью, как устав караульной службы: если все идет слишком хорошо, значит, через минуту все будет очень плохо. Бывали, конечно, счастливые исключения, но ведь исключения почему-то и называют исключениями.

Спускался к лагерю он осторожно, не выпуская автомата из рук. Рядом с ним, так же напряженно, передвигался Молчун. Матвей, измотанный пробежкой, шел сзади, но свой АКМ, по примеру Сергеева, держал у груди.

Штурмовая группа в полном составе вошла в разгромленный лагерь. Сергеев наблюдал, как всеоразнообразно разбегаются между палатками автоматчики в черном, слышал, как захлопали пистолетные выстрелы – это достреливали тех, кто еще подавал признаки жизни. Приказ был ясен – пленных не брать. А допрашивать было некого. И, если честно, незачем.

Михаил на ходу внимательнейшим образом осматривал местность, отыскивая несоответствия, – именно это могло спасти их, если предчувствия его не обманывали. Несоответствий не было. Пока не было. Были трупы, искореженная

амуниция, запахи взрывчатки, крови, оплавленной пластмассы и кордита. Еще воняло паленым мясом – в костре тлело тело.

В палатке-столовой погибших было много. В палатке, которую они расстреляли, только двое, лежавшие навзничь. Они не успели добежать до входа. В третьей действительно были ящики с боеприпасами. Штук десять полных и много пустых, из чего Михаил сделал вывод, что пушки и пулеметы вертолета уже зарядили. Пилоны с ракетами были видны и так, без аналитических выводов. Полный комплект.

Довольный Вадим давал бойцам распоряжения. Вокруг сновали озабоченные люди: кто-то тащил амуницию и оружие, кто-то – спальники и провиант, кто-то стаскивал в кучу трупы, а Сергеев с Молчуном стояли среди всей этой суеты, как две сторожевые собаки, учуявшие чужого.

Клубился дым, смешиваясь у земли с туманом. Было шумно. Шумно. Сергеев поймал за рукав пробегающего мимо Вадима и сказал, не повышая голоса:

– Прикажи всем замолчать!

– Замолчать? – переспросил Вадим, но пожал плечами и гаркнул так, что перекрыл гвалт: – Тихо! Минутное молчание!

Бойцы были вышколены по высшему разряду – в наступившей тишине было слышно, как трещат сучья в костре и шипит поджариваемая на них плоть. Кто-то неосторожно брякнул железом, хрустнула ветка под сапогом.

Сергеев вслушивался в лес, зная, как предательски вязнут звуки в чаще. Над рекой заметалась ошалевшая ворона, закричала пронзительно, и в этот момент Сергеев слышал то, чего боялся больше всего.

Низкочастотное уханье вертолетных винтов. Звук принесла вода – иначе они бы не слышали ничего до того момента, как боевые машины, выскочив из-за изгиба русла, открыли бы огонь по лагерю.

Все встало на свои места. Был второй лагерь – кто же кладет все яйца в одну корзину? Этот – лагерь obsługi. Бесценные клиенты содержатся отдельно. Это не база – промежуточная остановка. Здесь снаряжают боезапас, здесь готовят еду. Здесь те, кем в случае неприятностей можно пожертвовать. Носильщики, повара и техперсонал – как на сафари. А белые господа, получив сигнал о нападении, скорее всего от камер слежения – их здесь понатыкано всюду, сейчас летят, чтобы свершить праведную месть и получить оплаченное удовольствие.

– В укрытие, – выдохнул Михаил в ухо Вадиду. – Всех своих в укрытие. Готовь пулеметы и гранатометы.

Тот покрутил головой, непонимающе захлопал глазами и в этот момент слышал тот же звук, сделавшийся более отчетливым.

– К бою! – заорал он своим поставленным командирским голосом. – Воздух! В укрытия!

Сергеев оглянулся, увидел валяющийся у костра летный

шлем и скомандовал вполголоса:

– Молчун, Матвей! За мной, к вертолету!

Шлем Михаил подхватил на бегу. Он был цел, только на черном стекле забрала серебром сверкала царапина от осколка.

Интересно, сколько времени у них есть – минута-две?

В пассажирском отсеке, у дверей, стояли две турели с пулеметами – справа и слева. Над ними болтались ремни подвеса.

– Пристегнитесь, – крикнул Сергеев и полез в кабину, зацепившись кобурой обреза за узкий проем.

Такую штуку он, конечно, еще не водил. Он, вообще, летал на вертолете много лет назад, и была это легкая разведывательная модель, а не этот беременный таракан-ракетоносец. Но летал тогда Сергеев хорошо, с удовольствием, ему нравилось пилотировать все, что летало, нравилось и ощущение самого полета, и ощущение скорости. Инструкторы старались не научить водить конкретную модель, а привить навыки, и это было правильно.

Опускаясь, а вернее, плюхаясь в кресло, Сергеев зашарил глазами по приборной панели, разыскивая знакомые названия на шильдиках, чувствуя, как стремительно уходят в ничто секунды, отпущенные судьбой на спасение. Сообразив что к чему, он защелкал тумблерами, пристегиваясь одной рукой, и с облегчением услышал гул запускающихся турбин.

Холодно. Сразу поднять машину, конечно, рискованно,

нужно прогреть двигатели, а времени на это не было. Помолясь о том, чтобы масло в редукторах было чуть пожиже солидола, Сергеев увеличил обороты. Если шестерни все же хрустнут – тогда главное успеть выскочить. Иначе накроют первым же залпом. Видно через стекла было плоховато: мешала не успевшая засохнуть кровь того парня, которого размазало взрывом о колпак.

Из подобранного шлема несло потом и лосьоном для волос. Сергеев, борясь с тошнотой, нахлобучил его на голову и подключил штекер радиосвязи.

– На подлете! – заорал ему в ухо незнакомый голос. – Еще поворот и все! За этим поворотом!

– Гриша! Я первый! Я первый иду, держись надо мной! Сергеев понял, что в его распоряжении меньше 30 секунд. «Хер с ним, с редуктором!» – неожиданно спокойно подумал он и толкнул ручку вправо и на себя, одновременно увеличивая обороты до разумного предела.

Тяжелую машину поволокло по земле, по направлению к мосту, разворачивая вокруг оси.

«Взлететь не взлечу, – подумал Сергеев, не давая вертолету закрутиться, – но вас, бляди, встречу со всем гостеприимством. Только бы не въехать ни во что хвостом!»

Колеса шасси скребли по асфальту, винт молотил воздух – Сергеев успел развернуть пушки по направлению к повороту реки в тот момент, когда из-за него выскочила первая машина.

– Держитесь, – заорал Михаил и, не целясь, выстрелил из пушки и двух носовых пулеметов.

– Твою мать! – заорал голос в наушниках. – Вверх, блядь, вверх!

У парня, пилотировавшего первый вертолет, реакция была превосходной – «вертушка» взмыла вверх, как воздушный шар, показав брюхо, в которое Сергеев таки попал из пулемета. Брызнули искры – пули отрикошетили от брони. Вторая машина, уходя от столкновения, едва не влетела в росший на берегу сосняк, но, взыв турбинами, выровнялась, встала к Сергееву боком, и он выстрелил и по ней, задирая нос своего вертолета. Со стороны, наверное, казалось, что у его «вертушки» пляска святого Витта, но это было единственным возможным способом не дать охотникам выйти на боевой курс.

Мат из наушников несся такой, что Сергеев на мгновение подумал, что может и покраснеть ненароком. Машину бросало – очередь вышла совершенно неприцельной – в белый свет как в копеечку, что называется «в направлении» противника.

Он, естественно, промахнулся, но страху нагнал, и второй вертолет прыгнул вверх, вслед за товарищем, не сделав по ним ни одного выстрела.

Винт уже вращался с рабочей частотой – редуктор выдержал. Были турбины. Сергеев пытался предугадать действия противника, но, кроме того, что на их месте он бы попытал-

ся атаковать с малой высоты, выйдя на обратный курс, – ничего достойного не надумал. Оставалось надеяться, что и у охотников на большее воображения не хватит.

Он добавил обороты и с натугой поднял еще неразогретую машину над площадкой – хвост выписал в воздухе несколько восьмерок, но Сергеев уже чувствовал, что «вертушка» слушается. Теперь дело за рефлексами, если они еще остались. А если нет – по крайней мере, смерть они встретят достойно.

Выводя машину над руслом, Сергеев посмотрел на лагерь – ветер, поднятый лопастями, рвал материю палаток и раздул костер, в котором весело пылало тело убитого пилота.

Бойцов штурмового отряда Равви не было видно, но Михаил оценил их выучку и понимал, что может рассчитывать на огневую поддержку.

– У них вертолет! – истерично заверещал кто-то по радио.

– Ну и хули? – другой голос, более спокойный. Тот, кто матерился, похоже. – Чего орешь?! Сейчас завалим как миленького! Пошел! Пошел!

Эфир опять наполнился матом.

Пилотам было страшно, и Михаил их понимал. Встретить вооруженного противника лицом к лицу и стрелять по практически беззащитным людям, прячась за броней, – совершенно разные вещи. Ну ничего, внесем в вашу жизнь разнообразие.

Кнопка ведения ракетного огня была расположена на торце рукояти управления – Сергеев откинул предохранитель-

ную планку и положил палец на красную клавишу.

Его вертолет висел над мостом, вода под ним разбегалась в стороны и мутнела.

На пилонах были не ЗУРы, а ПТУРСы, но в данный момент особой разницы не было – лишь бы произошел захват.

Сергеев с удовлетворением отметил, что его машина хорошо стабилизирована, высота зависания не плавает, дыхание, было сбившееся, выровнялось, и улыбнулся сам себе за темным стеклом летного шлема. В прицелах он видел сосняк, густо облепивший поворот, маленький песчаный пляж на излучине. А потом в сетку лазерного дальномера влетел вертолет противника и расцвел вспышками пулеметного огня. Стараясь не думать о потянувшихся к нему трассерах, Сергеев увидел вспыхнувшую надпись Locked и плавно, задержав выдох, как на стрельбище, нажал на пусковую кнопку.

Ракеты сорвались с направляющих, распустив огненные хвосты. Расстояние было метров 400 – для захвата, тем более на встречных курсах, маловато. Вертолет не тихоходный танк, но современная автоматика сработала образцово. Обе ракеты пошли на цель по лазерной подсветке, компьютер успел зафиксировать информацию о захвате и включить инфракрасные датчики, обычно выводящие ракеты на удар в двигательный отсек танка, который имеет более высокую температуру, чем остальные его части.

У вертолета тоже было такое горячее место – его моторы

были хорошо прогреты, турбины вращались, масло в редукторе было горячим и жидким. На фоне холодного воздуха для боевого компьютера ракеты он пылал, как факел, наполняя пространство вокруг себя красным свечением.

Ракета рванулась на поток инфракрасного излучения, как легавая за зайцем. Будь расстояние побольше – вертолет еще мог бы уйти от атаки или отстрелить тепловые ловушки, и ракеты, не успев сманеврировать, разорвались бы в лесу, но в момент переключения датчиков дистанция была уже менее 140 метров.

Пилот попробовал увернуться. Одна ракета проскочила мимо, а вторая ударила в кожух двигателя и разорвалась уже внутри. Вертолет полыхнул белым огнем и врезался в стволы сосен, круша их, как соломинки.

Зрелище огненного шара, вломившегося в лес, как Тунгусский метеорит, завораживало. Сергеев невольно отвлекся и едва не поплатился за это, вторая машина вышла из поворота в скольжении и дала залп с правого и левого пилонов. Ему ничего не оставалось, как бросить вертолет назад и вниз, за уцелевшие опоры разрушенного моста. «Вертушка» грузно просела, едва не коснувшись рулевым винтом воды, словно отпрянувший человек, потерявший равновесие, потом тяжело клюнула носом – лопасти винтов просвистели в считанных сантиметрах от старой кирпичной кладки – и в следующий момент, окунув шасси в воду, машина все же удержалась от падения.

Обе ракеты угодили в мост – одна в плиты перекрытия, образовывавшие настил, вторая в саму опору. Взрыв не сорвал плиту, только приподнял, зато кусок парапета – пятиметровая конструкция из ржавой арматуры, облепленная полутонной бетона, полетела, как легкий листок, гонимый ветром. В облаке из осколков кирпича и бетонной пыли она плыла прямо на Сергеева, на фонарь кабины, на сверкающий круг несущего винта, плыла медленно и неотвратно, извиваясь своим нескладным телом, напоминая изуродованную модель ДНК из школьного учебника по биологии.

Михаил даже не испугался. Он знал, что умрет в тот момент, когда бетонно-стальной хлыст ударит по кабине, – бронированный колпак разлетится вдребезги, осколки пластика, стекла и металла смешаются с кусками его тела. А вертолет просто вгонит в ил на дне реки за один миг. Как там в былинах: «Размахнулся Илюша и вогнал ворожину в сыру землю по самую макушку!» Деваться было некуда – не нырнешь, не взлетишь – ни времени, ни места. Сергеев закрыл глаза, подумал «Господи, прости меня!» и понял, что на самом деле никогда атеистом не был.

Те, кто строил этот мост почти восемьдесят лет назад, работали на совесть. Арматура, составляющая каркас для парапета, была перевязана и обварена добротнo, без халтуры – страной правил «усатый вождь», и за халтуру вполне могли и лоб зеленкой намазать. Там, где парапет кончался, переходя в лишние архитектурных излишеств столбики, на-

поминающие стелы на братских могилах, только почему-то с лавровыми веночками на вершинках, безымянный сварщик постарался на славу. Сварка выдержала полсекунды – ровно столько, чтобы хватило времени погасить чудовищную энергию инерционного движения.

До смерти Сергееву не хватило метра полтора, а может, и меньше. Парапет застыл в воздухе, как на стоп-кадре, раздался хруст, и вся конструкция рухнула вниз, миновав колпак кабины и винты.

«Вот я тебя, суку!» – подумал Сергеев и бросил вертолет вверх, одновременно скользя вправо, чтобы, вынырнув из пылевого облака, с превеликим удовольствием надрать противнику задницу.

Ми-8МТ не был похож на ту скорлупку, на которой он учился пилотировать, но на подобной машине, правда, более старой и легкой, Михаил когда-то летал в Африке. Тяжелый «Хайнд» никогда бы не смог спасти их в такой ситуации – «Ми», на пределе возможностей, но мог!

Вертолет взмыл над оседающими развалинами, прикрывшими его от смертельного удара – темная туша в вихрях кирпичной пыли. Рука Сергеева лежала на пусковой кнопке, но противника не было.

Ярко пылала сбитая машина, валились в реку две полувековые сосны. Покрытые белым инеем берега оттеняли черную ленту реки. Стрелять было не в кого.

– Неплохо, дружище! – голос был громкий, звучал отчет-

ливо. Сергеев даже вздрогнул в первый момент. – Хочешь, угадаю, где воевал?

Спокойный такой голос, настолько спокойный, что Михаилу стало неуютно.

– Вряд ли, браток! – он постарался, чтобы его голос прозвучал так же уверенно. – Попробовать можешь, но угадать – тут уж прости!

– Чего уж там, прощаю! Лет тебе сколько?

– Мне? Сорок семь.

– А, почти погодки, значит? Анголу ты не застал. Сомали? Ливан?

– Я же говорю, не угадаешь.

– Ладно, коллега, ладно. Не хочешь говорить – не надо. Просто хотел узнать, с кем буду танго танцевать. Ну, дело твое – вечером помяну безымянного.

– Что-то ты рано меня поминать начал. Не изловивши. Собеседник рассмеялся негромко.

– Чего уж там, изловлю. Не бойсь, не впервой.

Сергеев держал машину в десятке метров над водой – от напора воздуха гладь реки разбегалась рябью. Противник был где-то впереди. Или справа. Или слева. Даже сзади. Он мог быть где угодно – взмыть и рухнуть камнем в любую из сторон, чтобы исчезнуть из виду.

– Что же ты прячешься, браток? – спросил Сергеев.

– У Андрюхи спроси, видишь – догорает.

– А ты, значит, Григорий?

– Точно, ушастый! А ты кто?

– А я – Михаил!

– Выпил бы я с тобой, Миша, за знакомство, да обстоятельства мешают!

– А я бы с тобой пить не стал... Что ж ты, коллега, на людей охотишься? Нужда заела? Работы в Москве нет?

– В Москве она, наверное, есть, да я не с Москвы. А что на людей охочусь – так я всю жизнь только это и делаю. На то и учили.

Сергеев осторожно двинул вертолет вперед, над водой, между деревьями, словно крался на цыпочках по коридору, если такое сравнение было уместно для двенадцатитонной машины, от низкого басового звука винтов которой с деревьев сыпались мелкие засохшие ветки.

– На борту пассажиры есть?

– Да, есть тут несколько. Обосрамшись! А что, дашь посадить? Для них-то все – пиз...ц сафари! Но впечатлений – на всю жизнь! Отпустишь?

– Заказчиков-то? Нет, скорее, тебя бы отпустил!

– Так я бы не ушел, – сказал Григорий. – Они мне тут бабки предлагают чумовые, чтобы я тебя уговорил их отпустить. Отпусти их, а я вернусь. Это, как бы сказать, дело принципа.

– Хорошо что про офицерскую честь не сказал!

– А честь тут при чем? Честь с хлебом не кушают.

– Эт точно! – отозвался Михаил. – Ее не кушают, ее берегут.

– Не повезло тебе, Миш, – сказал Григорий насмешливо. – Если бы ты меня первого завалил, то уже б праздновал победу без помех. Не стал бы Андрей с тобой связываться, удрал бы – зуб даю. А так... Только один останется. У тебя пассажиры есть?

– А как же! Есть, и им памперсы менять не надо.

– Значит, обмен не состоится! Ну и отлично! Потанцуем?

Слушаясь своей интуиции, которая не раз и не два выручала его в самые тяжелые моменты, Сергеев добавил газу, посылая машину вперед, над самой водой, как камень, выпущенный из пращи.

Вертолет противника взмыл над руслом справа и чуть сзади, наклонив к земле тупое рыло и поливая то место, на котором только что была «вертушка» Сергеева, огнем из пушки и пулеметов.

Вправо, вверх и в боковое скольжение – Михаил лихорадочно крутил головой, стараясь прицелиться. Но противник явно был опытен и хитер – вертолет Григория тоже пошел по кругу.

Вправо, влево, на месте. Влево. Очередь. Вверх и влево. Вниз и влево. Так двигаются петухи во время петушиного боя – кружатся по площадке, подпрыгивая и хлопая крыльями, оценивая противника перед тем, как стремглав броситься на него.

– Хорошо танцуешь, коллега. Учили, видать, – сказал Григорий. – Только ты не пилот.

Они опять перестроились в воздухе. Высота росла, лес внизу уже выглядел зеленым ковром, заляпанным кусками грязи.

– Если бы я сразу понял, что ты не пилот, я б тебя давно завалил.

– Чего ж не завалил до сих пор?

– Да, бздел я, Миша! – пояснил Григорий серьезно. – Х...й тебя знает, кто ты такой! Держишься уверенно. Ты христианин?

– Крестили в детстве.

– Тогда молись!

Сергеев не сразу понял замысел противника. Вертолет Григория начал одновременно двигаться в трех плоскостях – вперед, вверх, еще больше набирая высоту, вправо – и одновременно разворачиваться вокруг горизонтальной оси, направляя оружие вниз, в сторону «вертушки» Михаила.

Путаясь в сторонах света, Сергеев попытался «отзеркалить» прием, но в результате просто взмыл вверх, разворачиваясь вокруг своей оси. А вражеская машина внезапно пошла вниз и влево, под него, нос задрался, и в борт сергеевской «вертушки», прошивая его, ударила очередь.

И тут из открытого фюзеляжа, за спиной Михаила, зычно и убедительно застрочил ПКТ. И что особо порадовало, то ли Молчун, то ли Матвей целился точно! Минимум с десятков тяжелых бронебойных пуль хлестнуло по вертолету противника. Красивый и манерный полет прервался – Григорий

рванул в сторону, как облитый водой кот. Его вертолет влетел в мертвую для пулеметов и пушек зону – почти под шасси «вертушки» Сергеева, и Михаил, не задумываясь, бросил свой «Ми» вертикально вниз.

Разница высот была не более 40 метров. Сергеев падал на вертолет врага, как коршун на сурка, – со стороны неубираемое мощное шасси казалось когтистыми лапами, готовыми вцепиться в жертву. На секунду-другую, не более, он выпал из поля зрения противника, находясь строго над ним – и этого времени хватило.

От удара об металлические стойки винты вражеского «Ми» разлетелись, как стеклянные, при этом срубив напрочь колеса и ракетные пилоны с сергеевской машины. Звук был ужасен, казалось, что вертолеты развалятся в воздухе. Обе «вертушки» рухнули вниз, к земле, но «вертушка» Григория шла камнем, а Сергеев, потянув рукоять на себя, добавил тяги так, что турбины завизжали на предельных оборотах, и затормозил падение.

В уши бил вопль летящего навстречу лесу и гибели Григория. Он не матерился, как за минуту до того, – он кричал «Мама!», протяжно и тоскливо, на одной ноте. И этот крик подействовал на Михаила, как звук металла, скребущего по стеклу, – у него свело судорогой плечи.

В наушниках лязгнуло, и крик оборвался.

Вертолет немилосердно швыряло и закручивало вокруг оси – скорее всего, при таране повредился рулевой винт, весь

корпус вибрировал, да так, что у Михаила стучали зубы. Он посмотрел на альтиметр – высота падала. Это нельзя было назвать свободным падением – лопасти рубили воздух, оба двигателя работали, но машина неуклонно летела вниз с нарастающей скоростью, вращаясь и заваливаясь на хвост.

На высоте сорок метров они задели верхушки сосен, ударом оторвало остатки пилона слева, и это, как ни странно, помогло стабилизировать машину. Припадая на одну сторону, вздрагивая, словно эпилептик в припадке, вертолет поковылял к близкой уже реке – Сергеев ориентировался на дым пожара – выбросив на песчаный пляж искореженный хвост, на излучине пылал сбитый им вертолет.

Особого выбора не было – аварийная посадка была неизбежна. И думать было нечего доползти в таком состоянии до лагеря и сесть там, где взлетали. «Ми» мотало в стороны и вверх-вниз, как студента после пьянки. Спасением была вода, но до нее надо было еще долететь. Сергеев почувствовал, что покрывается холодным потом – волосы на голове стали мокрыми, как после купания.

До реки оставалось сто пятьдесят метров, сто метров, пятьдесят. Оставалось развернуть машину, чтобы не влететь в деревья на противоположном берегу, но легче было сказать, чем сделать. Скорость Михаил сбросил до минимума, обороты тоже – лопасти уже не образовывали сверкающий круг, а с глухим звуком «чанг-чанг» месили ставший густым воздух.

Он так ввел машину в поворот, едва не закрыв глаза от страха – стволы деревьев, казалось, были на расстоянии вытянутой руки. Впереди показался разрушенный мост. Сергеев всматривался в темную прозрачную воду, разыскивая отмель. Очень не хотелось утонуть, если уж удалось не разбиться вдребезги. А такие речки могли быть очень и очень глубокими. Есть! Справа! Михаил бросил совершенно непослушный уже вертолет по направлению к тому месту, где узрел дно, одновременно глуша двигатели в аварийном режиме – автоматика должна была перекрыть трубопроводы подачи горючего. Все бортовые сети были под напряжением, а значит, вода должна была вызвать короткие замыкания, тонуть и одновременно получать электрошок Сергею не улыбалось.

Чанг! Лопасты врезались в осиновый редкостой у берега, скосили камышовый лес, вспороли воду. Вертолет сделал стойку на фонаре, крутнулся на месте, заноса хвост, и тяжело рухнул в реку, взметнув облако брызг и погнав во все стороны волну. Остатки винта последний раз сказали «чанг», и машина осела на бок, погрузившись в воду более чем наполовину.

Туча пара, треск, шипение...

Сергеев швырнул в сторону шлем, рванул замок привязных ремней и полез из кабины наружу. Когда он с усилием открыл дверь в салон, навстречу хлынула вода, заполнившая пространство внутри вертолета. Она была обжигающе

ледяной, Михаил чуть не задохнулся от сковавшего дыхание холода. Внутри фюзеляжа, как раздавленные жуки, копошились Матвей и Молчун – их спасли ремни подвеса. Теперь от них надо было освободиться – и Молчун ожесточенно кромсал мокрую брезентовую стропу своим десантным ножом. Михаил ухватил Подольского поперек корпуса, приподнял, облегчая работу Молчуну. Матвея основательно потрепало при посадке, он пытался помогать Сергееву, но выглядели эти усилия достаточно жалко. Под ногами был не твердый грунт, а вязкий ил речного дна, полный крупных раковин-беззубок, мелких веточек и прочего мусора. В большое колено упиралась станина второго ПКТ – первый же нависал над головой, опустив похожий на хобот кожух ствола вертикально вниз.

Молчун перепилил последний ремень, сунул тесак в ножны и ловко, как обезьяна, используя станину, полез наверх. Вертолет внезапно начал двигаться, скользя по илу на глубину. Дно ушло у Михаила из-под ног, и они с Матвеем погрузились в воду с головой. Не выпуская Подольского, он вынырнул, отплевываясь, ощутил, как деревенеет тело, наливается тяжестью промокшая одежда, почувствовал руку Молчуна, ухватившую его за воротник куртки.

И в ту же секунду вертолет полностью ушел под воду.

Глава 5

Все это время Сергеев чувствовал, что его куда-то несут, везут, что к нему прикасаются чьи-то руки, то есть сказать, что все это время находился без сознания, он не мог. Он даже понимал, что такое состояние называется контузией: кто-то несколько раз громко произнес это слово рядом с ним. Он слышал запахи – острый йодовый, холодок спирта и только что распечатанных, стерильных бинтов, который он так хорошо знал.

Был укол в предплечье, в живот, потом холодом наполнилась вена на правой руке, и Сергеев провалился в сон – не в беспамятство, а именно в сон. И как-то сразу проснулся: открыл глаза безо всякой фазы пробуждения, уперся взглядом в белый потолок и ощутил далекую (значит, кололи наркотик) боль во всем теле.

Первым ощущением было, что по нему пробежался табун лошадей, голов, этак, в двадцать. Несмотря на укол, делавший состояние терпимым, болела каждая клеточка тела, каждая косточка, каждый сустав и каждая мышца. Болели даже глаза изнутри и явно прокошенный язык. Ныли, как от ледяной воды, зубы.

Сергеев скосил глаза – повернуть голову было выше его сил – и понял, что он в больнице. В хорошей больнице – кровать была широкой, современной, похожей на огромное

кресло — «ленивку», с откидным ограждением из тонких никелированных трубок и съёмной стойкой капельницы в изголовье. В общем — кровать, а не то железное убожество, на которое кладут простых смертных в госпиталях. На стойке капельницы висел пластиковый мешок, полный какой-то прозрачной жидкости, от мешка отходила трубка, второй конец которой вместе с иглой, как догадался Сергеев, был в какой-то из его вен.

Он пошевелил пальцами ног, потом рук. Все работало, хотя малейшее усилие было неприятным и требовало основательной психологической подготовки. Дышал он самостоятельно, но тяжело, скорее всего, грудь была плотно забинтована. Значит, пострадали ребра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.